НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

А. Лукин,
П. Гладков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О жизни Николая Кузнецова уже написана не одна книга, ему посвящены пьесы и кинофильмы, о нем сложены песни, в нескольких городах страны ему поставлены памятники, его имя носят сотни пионерских отрядов и дружин.

И все-таки интерес к жизни и делам легендарного советского разведчика в годы Великой Отечественной войны не ослабевает.

Вот почему бывший заместитель командира отряда «Победители» по разведке, старый чекист Александр Александрович Лукин и литератор Теодор Кириллович Гладков сочли своим долгом написать биографию Николая Ивановича Кузнецова для серии «Жизнь замечательных людей».

- Александр Лукин
  -
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. КУЗНЕЦОВА
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

○ 6
○ 7

Александр Лукин
Теодор Гладков

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

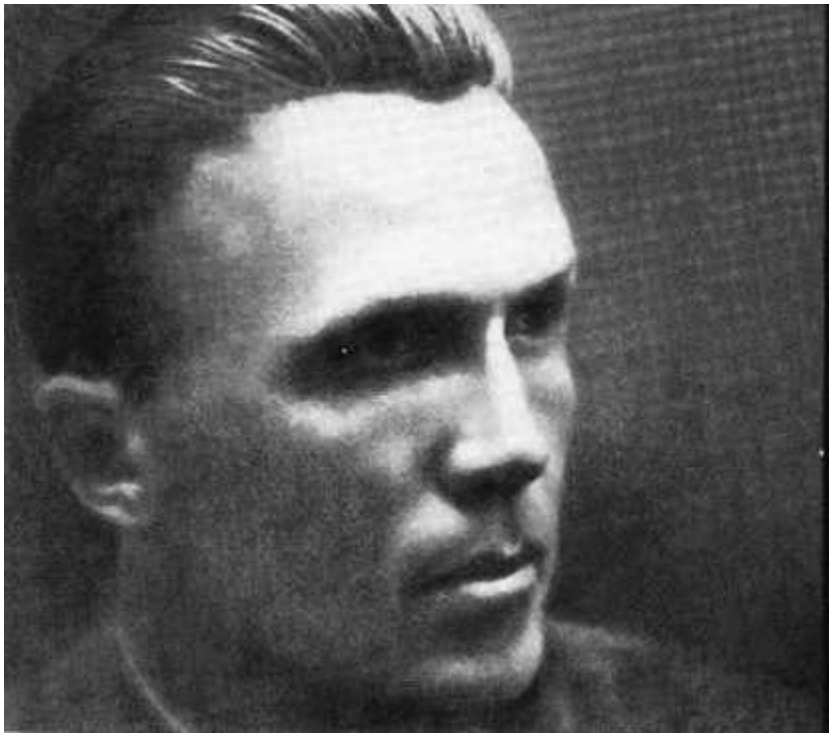
Основана в 1933 году М. Горьким

ВЫПУСК 2 (509) МОСКВА 1971

О жизни Николая Кузнецова уже написана не одна книга, ему посвящены пьесы и кинофильмы, о нем сложены песни, в нескольких городах страны ему поставлены памятники, его имя носят сотни пионерских отрядов и дружин.

И все-таки интерес к жизни и делам легендарного советского разведчика в годы Великой Отечественной войны не ослабевает.

Вот почему бывший заместитель командира отряда «Победители» по разведке, старый чекист Александр Александрович Лукин и литератор Теодор Кириллович Гладков сочли своим долгом написать биографию Николая Ивановича Кузнецова для серии «Жизнь замечательных людей».



ГЛАВА 1

Николай Иванович Кузнецов родился 27 июля 1911 года (по новому стилю) в небольшой деревне Зырянке, ныне Талицкого района Свердловской области. Собственно, крещен он был Никанором – для домашних Ника, или Никоша. Имя, полученное от деревенского попа, однако, почему-то ему не пришлось по сердцу, и сам себя он стал называть Николаем. Позднее, в 1931 году, Кузнецов и официально сменил имя Никанор на Николай.

Отец Никанора – Иван Павлович Кузнецов – был крестьянин и отставной солдат, человек энергичный, грамотный и для уральской деревни повидал немало, так как семь лет действительной отслужил не где-нибудь, а в северной столице – Санкт-Петербурге.

Грамота и незаурядное трудолюбие позволили ему собственными руками сколотить хорошее середняцкое хозяйство, в котором применял Иван Павлович даже кое-какие новшества агрономии. Главной помощницей ему в неустанных трудах была жена Анна Петровна.

В семье Никанор рос третьим ребенком. Старшими были сестры Агафья и Лидия, младшим – брат Виктор.

Агафья сумела до революции закончить шесть классов женской гимназии в Камышлове, что в те времена давало право преподавать па селе. Сельской учительницей и работала Агафья Ивановна долгие годы.

Одним из первых ее учеников стал брат Ника – крепкий сероглазый мальчишка научился с ее помощью читать, а затем и писать уже в шесть лет… И сразу стал заядлым книгочеем.

Надо сказать, что книг в семье было немного, но относились к ним с особой уважительностью, даже почтительностью.

Книги берегли, раскрывали с некоторой торжественностью и читали долгими зимними вечерами не спеша, с чувством и расстановкой, так, что каждая перевернутая страница откладывалась в памяти мальчика глубоко и надолго. Не только читали, но и рассказывали сказки и старинные предания – в частности, Иван Павлович очень любил все связанное с ратной историей русского народа, начиная от сказаний о былинных богатырях и вплоть до солдатских притч о геройских защитниках Севастополя.

И не случайно, по воспоминаниям родных, первым стихотворением, которое запомнил наизусть Ника Кузнецов, уже тогда поразивший их необыкновенной памятью, было «Смерть Сусанина» – героическая песнь патриота и революционера

Кондратия Рылеева.

Конечно, не случайно, что и «Смерть Сусанина», и «Бородино» уже тридцатилетний Николай Кузнецов не раз декламировал в глубоком тылу гитлеровцев товарищам по борьбе у партизанского костра…

…Советская власть после Октября просуществовала на Урале недолго. Контрреволюция сумела подавить на время еще не окрепшие Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Первый удар в спину революционному народу нанес атаман Дутов, затем последовал мятеж белочехов, а в ноябре 1918 года на Урале и в Сибири установилась кровавая диктатура царского адмирала Колчака.

Крестьяне познали полной и горькой мерой, что такое белый террор…

Неподалеку от Зырянки лежит село Балаир. Многие зырянцы и балаирцы связаны узами родства и свойства. Сюда летом 1918 года ворвался отряд карателей-казаков. Под плач детей и женщин выволокли из домов – навело местное кулачье – сельских активистов и сочувствующих Советской власти. Шестерых порубили зверски на людях тут же, возле изб… Среди зарубленных был и родственник Кузнецовых Иосиф Дерябин, дядя Ося. Похороны жертв революции в братской могиле на всю жизнь запомнил потрясенный Ника, которому только-только исполнилось семь лет.

Недолго длилась власть омского правителя. Уже через год под ударами Красной Армии белогвардейские войска неудержимо покатились на восток.

Колчаковцы орудовали на временно захваченной ими земле не только огнем и мечом, но и лживым, провокационным словом. Долгие месяцы изо дня в день запугивали они население городов и деревень, мифическими «зверствами большевиков и комиссаров». Потерявшим в круговерти гражданской войны ориентацию людям твердили, что красные отбирают землю и скот, убивают, грабят, насилуют. Нелепые и лживые слухи эти сеяли смутный страх и тревогу. Тяжко жилось трудовому крестьянству при Колчаке, но перемена власти все же пугала именно потому, что измученные люди не ждали уже ничего хорошего ни от каких перемен, ни от какой власти, да и что вообще они могли знать тогда о большевиках?

Среди таких оказался, к сожалению, и Иван Павлович. Дети его, Лидия и Виктор, много лет спустя вспоминали:

«Не разобрался в сложной политической обстановке хлебороб Иван Кузнецов. Верный крестьянской привычке не раз подумать, все взвесить, а потом отрезать, – он на этот раз изменил своему

правилу. Тяжелой оказалась чаша весов, на которую легли белогвардейская пропаганда, предрассудки и отсталость захолустья…

Увидав в потоке беженцев, уходивших на восток, три подводы знакомых крестьян из соседней деревни, наш отец собрал домашний скарб и двинулся в сторону Тюмени…

Курс «гражданской академии», как любил потом говорить сам Иван Павлович, закончился для него внезапно. Колчаковцы, удирая от наседавших красных частей, открыто начали грабить мирное население. Кузнецовы решили остановиться на небольшой железнодорожной станции. Но пока отец раздумывал, как ему добраться обратно домой, колчаковцы отобрали у него лошадей. Глава семьи пошел искать работу. На станции случай свел ого с железнодорожником Неволиным. Узнав, какие пути привели сюда крестьянина, рабочий-большевик высмеял опрометчивый поступок хлебороба. «Ты подумай, – говорил Неволин, – родня ли твоим мозолистым рукам белые барские ручки? По пути ли тебе с теми, кто век сидел на шее трудящихся, а сейчас бежит от гнева народного?»

Не по пути. Это твердо знал теперь крестьянин Кузнецов, насмотревшийся в дороге на бесчинства, которые творили колчаковские банды.

С приходом войск Пятой армии Иван Павлович вступил в ряды красных бойцов, участвовал в боях против колчаковцев, дошел до Красноярска, перенес тяжелый тиф, а в марте 1920 года, как достигший 45-летнего возраста, был демобилизован».

…Учиться Ника Кузнецов начал в 1918 году – в родной Зырянке, а потом перешел в Балаирскую школу. Каждый день отмеривал, и в ненастье, и в стужу, добрый Десяток километров в оба конца.

Учился он хорошо; и вот что характерно: учителя обеих школ и много лет спустя единодушно отмечали редкостную память Кузнецова. За вечер он был способен выучить наизусть без малейшего напряжения почти столько же стихотворений, сколько мог прочитать.

Незаметно подоспело и первое расставание с отчим домом. Осенью 1924 года Ника уезжает в Талицу, маленький городок на берегу речки с очень уральским названием Пышма. Тринадцатилетний паренек за небольшую плату и со своими харчами поселяется здесь на частной квартире. В Талице есть школа-семилетка, а как прежним учителям Кузнецова, так и его родителям давно уже было ясно – парню нужно учиться дальше.

Хоть и невелика Талица, но все же город, не чета Зырянке.

Казалось бы, потеряется в новой школе паренек из глухой деревушки, растворится без следа в среде более развитых да бойких товарищей. Но этого не произошло. Новичок очень быстро, причем без нажима, без какого-то к тому особого стремления, в его возрасте вполне оправданного, стал в классе самой заметной фигурой.

Заслуженная учительница Анна Зиновьевна Снегирева, в те годы заведовавшая Талицкой школой, еще тогда записала в свой рабочий дневник:

«Новичок – собранный мальчик, с большими задатками, подготовлен для учебы хорошо, при живости характера на удивление внимателен».

А вот воспоминание еще одного преподавателя Кузнецова – математика Василия Михайловича Углова:

«Кузнецов всегда был подтянутым, собранным. Зимой ходил в полушубке, подпоясанный ремнем с бляхой. На голове носил белую кубанку, надевая ее чуть набок. В классе он всегда был дисциплинирован… Мне казалось, что он из семьи кадровых военных. Об этом говорила его выправка. Постоянная собранность – типичная черта Ники Кузнецова. Вот таким он и остался в моей памяти».

Люди, близко знавшие Кузнецова-разведчика, действовавшие вместе с ним во вражеском тылу, отмечая такие его качества, как изумительные лингвистические способности, умение молниеносно перевоплощаться, обаяние, находчивость, мужество, тоже ставили на первое место в его характере именно собранность и выдержку.

В то время еще не было радио в каждой деревне, не добирались в Зауралье выездные гастрольные труппы, с запозданием и далеко не в каждый дом приходили газеты и тем более журналы. Школа и все, с ней связанное, были потому естественным центром жизни учащейся молодежи. И те скромные кружки, которые зародились тогда в ее стенах – литературный, театральный, музыкальный, – были, по сути дела, своеобразными окнами из деревенской глуши в большой мир. В них, как океан в капле воды, отражалась бурная, кипящая накалом огромных дел жизнь необъятной Страны Советов.

Пареньки и девушки со всем пылом и непосредственностью молодости обсуждали здесь большие и малые события, которые волновали республику, спорили азартно и непримиримо о дальнейшем развитии мировой революции, выносили порой излишне безапелляционные, но всегда искренние оценки внешних и внутренних событий.

И приучались любить искусство – страстное, революционное

искусство двадцатых годов. Настоящим событием для всей округи стала постановка отдельных сцен из знаменитой пьесы Тренева «Любовь Яровая». Разумеется, все кружковцы рвались к героическим ролям «своих» – красных, и потому просто поразил их семиклассник Кузнецов, он сам вызвался сыграть… врага, жестокого, умного и циничного белогвардейского офицера. И сыграл. Да так, что дожившие до наших дней участники и зрители этого школьного спектакля и ныне помнят его в этой совсем необычной для подростка, к тому же деревенского, трудной роли. Браться за самое трудное стало навсегда одной из главных черт в характере Кузнецова.

В школьном же кружке Николай научился играть на гармонике.

Несомненно, именно в эти годы проявились впервые его незаурядные лингвистические способности.

Известно, какую важную роль играет первый преподаватель, хотя бы потому, что именно от него зависит, увлечется ли ученик предметом или будет относиться к нему всю жизнь, как к зубной боли.

В этой отношении Кузнецову повезло – Нина Алексеевна Автократова великолепно знала немецкий язык (как, впрочем, и французский) – в свое время она получила образование в Швейцарии. Поскольку увлечение Кузнецова немецким факт достаточно общеизвестный, можно полагать, что со своей основной задачей его первая учительница справилась хорошо.

Не довольствуясь занятиями в классе, Кузнецов отдавал все свободное время загадочной для многих его товарищей дружбе с преподавателем по труду. Секрет объяснен просто: учитель этот был из бывших военнопленных немцев, осевший на уральской земле, с ним Ника упражнялся в разговорной речи, набираясь, в частности, живых фраз и выражений. Третьим наставником Кузнецова стал провизор местной аптеки, тоже бывший пленный, но не немец, а австриец.

Весьма примечательная, не столь уж часто встречающаяся у подростков черта характера: взявшись за что-либо, не довольствоваться тем, что дано тебе как бы само собой, активно изыскивать возможности для совершенствования и самому.

Не один Кузнецов, должно быть, получал у Автократовой хорошие отметки, но только он понял, что грех упускать такую возможность – говорить по-немецки с людьми, быть может и не столь образованными, как Нина Алексеевна, но для которых все же этот язык родной. А поняв, не забыл на следующий день, не отложил благое намерение на послезавтра – немедленно перешел к долу.

23 июня 1926 года Кузнецов получил свидетельство об окончании семилетки. На семейном совете решено было единогласно – нужно учиться дальше. Но где? Выбор был невелик, он ограничивался теми средними специальными заведениями, которые имелись поблизости – в уральско-сибирском, разумеется, измерении. Остановились после долгого обсуждения на агрономическом отделении Тюменского сельскохозяйственного техникума. И Кузнецов уехал в Тюмень. Но учиться там ему довелось всего лишь год: сорвало с нового места и вернуло домой первое настоящее горе – от скоротечной чахотки неожиданно умер отец Иван Павлович.

Шестнадцатилетний юноша стал теперь старшим мужчиной в семье со всеми вытекающими отсюда обязанностями и ответственностью. Тюмень же была слишком далеко от родного дома, и Ника снова возвращается в Талицу, поступает в лесной техникум.

На плечи Кузнецова легла не по возрасту большая нагрузка. Учиться в техникуме было нелегко. Кроме чисто «лесных» и лесотехнических дисциплин, здесь изучали топографию, геодезию, топографическое черчение, ориентирование на местности, охотоведение. Само собой, разумелось, что будущий лесничий должен превосходно ходить на лыжах, уметь хорошо стрелять.

К этому времени Кузнецов уже был комсомольцем (вступил еще в Тюмени), а в ячейке дел всегда было хоть отбавляй. Его избрали председателем комитета профсоюза техникума. А тут еще суточные дежурства на метеостанции и утолительные многочасовые обходы в лесопитомнике, занятия в спортклубе «Орленок», занятия в кружке по изучению «эсперанто», участие в художественной самодеятельности, обсуждение с товарищами прочитанных книг, разовые комсомольские поручения – всего не перечесть.

И на все нужно время, на все нужна энергия. Очень немногие, самые близкие друзья только знали, как ухитряется еще Кузнецов регулярно помогать домашним по хозяйству.

Он по-прежнему много и увлеченно читает. Круг литературных интересов Кузнецова уже вполне определился – он любит М. Горького, любит произведения, герои которых способны из патриотических чувств па подвиг, на самопожертвование. Кузнецов читает все, что может достать, о выдающихся людях отечественной и мировой истории. Однокашник Кузнецова по техникуму Н. Крутиховский вспоминал: Николай любил биографические книги. Позже, на Уралмаше, в его библиотеке были первые книги начавшей выходить серии «Жизнь

замечательных людей». Его интересуют не столько факты биографии героев, сколько главное – что стояло за их делами и поступками, что придавало не знающую преград силу их духу.

Увлечение языком не остыло, и за круговертью дел и хлопот не отошло на задний план: почти каждый день Кузнецов выкраивает часок, чтобы поговорить по-немецки с лесничим Гунальдом из тех же бывших пленных.

Между тем назревали большие события. Страна вступала в год великого перелома. Шла коллективизация, повсюду организовывались сельскохозяйственные артели. Нелегкое это было дело – убедить трудовое крестьянство вопреки кулацкой агитации в преимуществах колхозного строя. Под руководством Коммунистической партии большую организаторскую и пропагандистскую работу вел и сельский комсомол.

Активно участвовал и словом и делом в коллективизации уральской деревни и комсомолец Кузнецов.

«Я учился на курс позже Н. Кузнецова, – вспоминал позднее его товарищ по техникуму В. Т. Кальсин. – По заданию райисполкома вместе с ним мы проводили в Зырянке землеустроительные работы. По просьбе Кузнецова собрали сход односельчан. Комсомолец призвал зырянцев беречь лес от пожаров, охранять от хищнической порубки. Потом разговор зашел о колхозах. Как здорово он умел говорить! Речь его была образна, доходчива. Он хорошо знал, чем „дышит“ каждый крестьянский двор, знал, сколько десятин земли, сколько скота у того или другого хозяина. Под конец собрания даже старики, сомневавшиеся в жизненности колхоза, согласно кивали головой, когда Кузнецов говорил: „Мелким хозяйствам из нужды не выйти“.

Кузнецов убеждал не только земляков, он настоял, в мае 1929 года, чтобы вступила в одну из старейших на Урале коммун «Красный пахарь» и его собственная семья. Той же весной Николай впервые использовал па практике знания, полученные за три года обучения в Тюменском и Талицком техникумах – помог колхозникам составить правильный, обоснованный план посевных площадей. Это была серьезная помощь, так как крестьяне, привыкшие иметь дело с узкими индивидуальными наделами, на первых порах чувствовали себя нерешительно на больших участках с перепаханными межами.

И вдруг тяжелый, злой, незаслуженный удар…

Активность Кузнецова, его принципиальность и требовательность пришлись не по вкусу некоторым его однокашникам. Сплелись в тугой узелок задетое самолюбие и зависть. Это был настоящий заговор со всем арсеналом подлых

средств от подтасовки протоколов (как потом выяснилось, большинство членов бюро ячейки, хорошо знавших Кузнецова, отсутствовали на спешно созванном его недругами заседании) до прямой клеветы. Кузнецова обвинили в кулацком происхождении, в дружбе с «сомнительными элементами» и бог весть в чем еще. Отца его, действительно совершившего когда-то ошибку, но искупившего ее последующей честной службой в Красной Армии, произвели в… белогвардейские офицеры.

Абсурдность всех пунктов «обвинения» была очевидна, но на то и существует демагогия, чтобы белое выдавать за черное, а черное за белое.

Сильный и чистый человек, Николай Кузнецов был готов к любым испытаниям, но только не к испытанию подлостью. Он вспылил в первый и последний раз в жизни. Этого и ждали от него провокаторы. Кузнецова исключили из комсомола, а затем, как следствие, из техникума.

Нужна была недюжинная сила воли, чтобы выстоять, не впасть в отчаяние, не озлобиться, не растерять веры в людей и людскую справедливость.

Кузнецов выстоял. Доказательство тому вся его последующая жизнь.

Он покинул Талицу и переехал в город Кудымкар Коми-Пермяцкого округа. Здесь он начал работать помощником таксатора по устройству лесов в окружном земельном управлении.

Так закончилась юность Николая Кузнецова.

ГЛАВА 2

Годы, проведенные в Кудымкаре, стали счастливыми годами в жизни Николая Кузнецова. Здесь он нашел интересную, целиком захватившую его работу, новых друзей, наконец, вновь обрел то душевное равновесие, которого почти было лишился в последние месяцы в Талице – после апелляции в Центральный Комитет ВЛКСМ все «обвинения» против него были сняты, а сам он в комсомоле восстановлен.

Грамотных, к тому же и политически достаточно подготовленных работников в отдаленных, глухих местностях, каким считался Коми-Пермяцкий округ, тогда не хватало, и каждого дельного человека старались использовать со стопроцентной отдачей его сил, способностей и энергии, не говоря уже о знаниях.

Загрузили и Николая – кроме своей основной работы, он непрестанно выполняет задания исполкома в проведении различных сельскохозяйственных кампаний и по коллективизации. Изъездил, исколесил за четыре года не только прилегающие к Кудымкару места, по и территорию всего округа, вплоть до самых его дремучих углов.

По воспоминаниям, в то годы Николай был строен, сухощав, носил ладно сидевшую на нем комсомольскую юнгштурмовку, перехваченную портупеей, и единственную на весь Кудымкар кудлатую белую папаху. Приметен был жизнерадостностью и удивительно ровным характером. В отличие от многих сверстников он уже тогда умел рассчитывать свое время. Во всяком случае, товарищи его, постоянно встречавшие Николая на работе, на занятиях в кружке политграмоты, в самодеятельности, на собраниях, лыжных и стрелковых соревнованиях, даже и не подозревали, что ко всему прочему он еще готовится вступать в институт, так как твердо решил сменить специальность и стать инженером-конструктором, и изучает языки.

Да-да, именно языки, а не язык, потому что, кроме немецкого, Кузнецов взялся еще за очень трудный коми, так как справедливо полагал, что нельзя успешно работать с местным населением, если не владеть его родной речью, не знать его культуру.

Познакомившийся с ним в Кудымкаре коми Андрей Кылосов, ставший впоследствии в Свердловске известным скрипичным мастером, вспоминал, что Николай настолько хорошо владел языком, что он, Кылосов, некоторое время даже серьезно думал, что Кузнецов тоже коми по национальности.

Активное участие Кузнецова в борьбе с кулачьем и в

коллективизации крестьянства едва не стоило ему жизни: однажды ночью в глухом месте города на него совершила нападение группа кулацких сынков. Жизнь Николаю спас в тот раз старый, времен империалистической войны наган, который был ему выдан накануне для поездки в дальний район за значительной суммой казенных денег. Бандиты, уверенные, что не встретят серьезного сопротивления, нарвались на человека не только смелого, но и вооруженного.

После восстановления в комсомоле Николай привел в порядок и свои дела в техникуме – администрация, осознавшая, что произошла тяжелая ошибка, охотно пошла ему навстречу, и нужный диплом он в конце концов получил. Однако документ об окончании среднего специального учебного заведения теперь уже Кузнецова не удовлетворяет.

Летом 1932 года Кузнецов берет отпуск, приезжает в Свердловск и успешно сдает приемные экзамены на заочное отделение индустриального института.

К тому времени в столицу Урала перебирается на постоянное жительство и вся его семья. Чтобы быть ближе и к ним, и к месту учебы, через два года едет в Свердловск и Николай. Его новая должность – статистик в тресте «Свердлес».

Но мать Кузнецова, Анна Петровна, встречи со старшим сыном не дождалась: она умерла так же неожиданно и скоропостижно, как умер и отец, Иван Павлович.

Еще один год – и последний – отдает Кузнецов старой лесной специальности, а затем переводится с заочного отделения на вечернее и поступает работать на знаменитый «завод заводов» – Уралмашзавод, сердце индустриального Урала.

Его зачисляют расцеховщиком конструкторского отдела. Служебные обязанности Николая – следить за прохождением бесчисленных чертежей по всем цехам завода-гиганта.

Сохранилось очень немного документов от этого периода жизни Кузнецова, поэтому есть смысл привести хоть один из них – производственную характеристику: «Принятый на должность расцеховщика в БТК[1] конструкторского отдела тов. Кузнецов Н. И., будучи на испытании с 5 мая по 5 июня 1935 года, проявил себя как хороший работник с первых дней. Усвоил за испытательный срок возложенные на него обязанности прекрасно. Работой интересуется, стремится к усовершенствованию. В целях создания бесперебойного снабжения цехов чертежами тов. Кузнецов работает не покладая рук и готов выйти на службу при первом его вызове. В общественной работе участвует».

Уралмаш стал для Кузнецова не только важной производственной, но и жизненной школой.

На заводе Кузнецов получил практически неограниченную возможность совершенствоваться в немецком языке. В те годы на Уралмаше, как и на других предприятиях страны, работало много иностранных инженеров и мастеров, особенно немцев, так как своих, отечественных, специалистов у нас еще не хватало.

Это были разные люди, некоторые из них приехали в СССР только для того, чтобы заработать побольше денег (платили им в твердой валюте), другие искренно стремились помочь Стране Советов своими знаниями в строительстве социализма.

Обаятельный и общительный, умевший легко сходиться с самыми разными людьми, Кузнецов вскоре завел знакомство с несколькими такими специалистами. Он встречался с ними и по работе, и в домашней обстановке во внеслужебное время, беседовал по-немецки на самые разнообразные темы, брал читать книги.

Инженеры, с которыми он познакомился, происходили из разных частей Германии; благодаря этому Николай Иванович стал теперь практиковаться не в немецком языке вообще, но изучать многие его диалекты и наречия. Это чрезвычайно помогало ему впоследствии в боевой деятельности, когда, вращаясь повседневно в среде гитлеровских офицеров, он в зависимости от обстоятельств выдавал себя за уроженца той или иной местности Германии. Недаром сам гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох после получасовой беседы с Николаем Кузнецовым не только ничего не заподозрил, но без тени сомнения признал в нем… своего земляка – пруссака.

Инженер Н. И. Баранов вспоминает: «Летом 1935 года Николай Иванович некоторое время жил у меня на квартире по улице Стахановцев, 10. Я удивлялся той настойчивости, с которой он отрабатывал разговорную речь на немецком языке. Встану утром рано, часов в пять, а его уже нет. Значит, сидит у дома в скверике и штудирует словарь…

Когда я… задал вопрос, зачем он столь глубоко изучает иностранный язык, для чего это ему нужно, он ответил: «Для современного культурного человека недостаточно знать только свою родную речь, только нравы и обычаи своего народа. Знать два языка – прожить две жизни».

С немецкими инженерами Кузнецов не только разговаривал о всякой всячине, он стремился перенять у них и их специальные знания, и опыт, приносил от них домой не одну беллетристику, но и технические книги.

Было бы ошибочным полагать, что напряженная работа на заводе, учеба, занятия языком, общественные поручения отразились на характере Кузнецова, сделали из него нелюдима-

затворника. Вовсе нет. Кузнецов свердловской поры – завзятый театрал, не пропускает ни одной премьеры, ни одного концерта именитых гастролеров, организатор веселых пикников за городом и шумных товарищеских вечеринок; он по-прежнему увлекается лыжами и стрельбой, по-прежнему превосходно читает «Сказки об Италии» Горького, отрывки из «Анны Карениной».

Не одобряли многие, и родные, и друзья, знакомств Николая с иностранцами.

Старый знакомый по Кудымкару Андрей Кылосов прямо спросил как-то Кузнецова:[2]

– Зачем ты связываешься с иностранцами? Ты видишь, время неспокойное. Надо тебе порвать эту дружбу.

– Не волнуйся, Андрейко, – спокойно ответил Николай Иванович. – Я патриот, а к патриотам грязь не пристанет.

Прямой начальник Кузнецова тоже с тревогой спросил как-то его:

– Почему вы так часто встречаетесь со спецами? Они на удочку вас не зацепили? Смотрите, как бы плохо по кончилось!..

– Не волнуйтесь, – сказал в ответ Николай Иванович. – Я ж не зря ношу голову на плечах. Я лишь практикуюсь. Положение с Германией у нас не весьма приятное. Может, придется воевать с фашистами. Знание немецкого языка пригодится. Я не стар, и воевать мне придется.

Знания и способности Кузнецова были оценены в должной мере: Николай с 1938 года начинает выполнять особые задания по обеспечению государственной безопасности.

ГЛАВА 3

В старых газетных подшивках в номерах от 22 июня 1941 года – самая обычная, сугубо мирная информация о жизни страны. Газеты набирались и печатались ночью, в киоски поступили и были распроданы ранним утром, когда вся западная граница уже полыхала в огне, а на Киев, Минск, Севастополь упали первые бомбы. Москвичи о войне узнали по радио лишь в полдень из экстренного правительственного сообщения.

Николай Кузнецов переживал в эти черные минуты те же чувства, что и все советские люди: гнев и ненависть к вероломным захватчикам, посягнувшим на свободу и самое существование первого в мире социалистического государства.

Но удивлен он не был. Слишком хорошо он знал гитлеровскую Германию. Поэтому понимал, что война неизбежна. Страшная. Кровопролитная. Какой еще не было в истории. И знал, какое место должен занять он сам в строю бойцов с фашизмом.

Первая попытка Кузнецова попасть на фронт закончилась было успешно. Как спортсмена-парашютиста, владеющего стрелковым оружием, хорошего лыжника, да еще знающего немецкий язык, его зачислили в воздушно-десантные части. До фронта оставалось совсем немного – дождаться сформирования подразделения.

Прыгать с парашютом – и много – в ближайшем будущем Кузнецову довелось, но десантником он не стал и во вражеский тыл прыгнул лишь единожды и то более чем год спустя.

Распоряжение одного начальника, поспешившего зачислить Кузнецова в десантники, было беспрекословно отменено другим, более высоким и – главное – более дальновидным начальником, который рассудил, что человека с таким знанием немецкого языка использовать в обычном парашютнодесантном подразделении просто нецелесообразно.

В результате из списков личного состава парашютно-десантных войск фамилия Кузнецов была перенесена в совсем другой список, где фамилий было много меньше. Из этого особого списка людей на фронт не отправляли. Их забрасывали за фронт. И не в составе подразделений, а поодиночке, в крайнем случае – маленькими группами.

Личные достоинства этих людей, их знания, опыт позволяли использовать их в условиях сложной и весьма специфической работы.

Танкисты, летчики, другие военные специалисты были нужны Родине после 22 июня 1941 года отнюдь не в меньшей степени,

чем разведчики. Но научить человека водить танк или управлять самолетом все-таки легче, чем сделать его своим солдатом в стане врагов.

Почти год… Долгие, томительные месяцы ожидания в бездействии (хотя и не в безделье). Рапорт за рапортом – и отказ за отказом. Он бродил часами но городу и стыдился собственной молодости и здоровья – мужчин его возраста в то время в столице можно было встретить лишь в военной форме или на костылях. Николай поймал себя как-то на мысли, что боится присесть в трамвае на свободное место, чтобы избежать укоризненных, а то и презрительных взглядов всего вагона.

Уже воевал младший брат Виктор, а он, старший, все еще топтал асфальт московских улиц.

Москва… Кто был в столице в первую военную осень, никогда не забудет ее сурового нового облика. Перекрещенные бумажными полосами окна квартир, заложенные мешками с песком витрины магазинов, серебристо-тусклые колбасы аэростатов в ночном небе, белые стрелы на стенах домов с надписью: «Бомбоубежище», счетверенные зенитные пулеметы на крышах.

Почти каждую ночь надсадно завывали сирены воздушной тревоги, вонзались в черноту беспощадные дымящиеся лучи прожекторов, яростно и неумолчно рвали воздух зенитки, осыпая мостовые дождем тяжелых стальных осколков с зазубренными краями. И каждое утро дворничихи заливали доверху водой бочки на чердаках всех домов в городе. Еще до дворничих немногочисленные оставшиеся в городе мальчишки (спешить им было некуда – школы в ту зиму не работали) выбирали со дна бочек блестящие черные стабилизаторы и обгорелые корпуса немецких зажигалок. Ребята постарше их тушили во время налетов.

И все же, невзирая на бомбардировки, нехватку продовольствия, несмотря на то, что враг стоял еще в какой-то сотне километров от стен города, Москва жила и работала. Каждое утро переполненные трамваи и автобусы развозили тысячи москвичей по фабрикам и заводам, в классных комнатах, превращенных в госпитальные палаты, склонялись над ранеными врачи, на пустырях вчерашние девятиклассники изучали трехлинейки и ползали по-пластунски. И совсем почти как до войны заполнялись но вечерам театральные и концертные залы, на экранах кинотеатров шли «Боевые киносборники» и довоенная комедия «Сердца четырех».

Николай Кузнецов жил жизнью этого города и… по-прежнему посылал рапорт за рапортом начальникам всех рангов и степеней.

Вот текст последнего из них:

«…Я, как всякий советский человек, в момент, когда решается вопрос о существовании нашего государства и нас самих, горю желанием принести пользу моей Родине. Бесконечное ожидание (почти год!) при сознании того, что я, безусловно, имею в себе силы и способность принести существенную пользу моей Родине, страшно угнетает меня. Как русский человек, я имею право требовать дать мне возможность принести пользу моему Отечеству в борьбе против злейшего врага. Дальнейшее пребывание в бездействии я считаю преступным перед моей совестью и Родиной.

Прошу довести до сведения руководства этот рапорт…

Я вполне отдаю себе отчет в том, что очень вероятна возможность моей гибели при выполнении заданий разведки, но смело пойду в тыл врага, так как сознание правоты нашего дела вселяет в меня великую силу и уверенность в конечной победе. Это сознание даст мне силу выполнить мой долг перед Родиной до конца».

Когда Кузнецова вызвали к одному из руководителей разведки, он думал, что обязан этому убедительности своего письма. Но дело обстояло, конечно, иначе: дошла очередь и до него.

Кузнецов был почти уверен, что именно для такого разговора его сегодня и пригласили, но все же лишь давно ставшая второй натурой выдержка помогла ему совладать с радостью. Он поблагодарил за доверие, вопросов никаких задавать не стал, понимая, что его и так ознакомят с заданием во всех деталях.

За прошедшие месяцы была успешно освоена новая форма работы во вражеском тылу с использованием небольших, специально подготовленных и возглавляемых чекистами партизанских групп. Некоторые из них специализировались, к примеру, в диверсиях на железной дороге, другие – в сборе военной информации. Работали они чрезвычайно плодотворно, потому что действовали в тесном контакте с местным населением, – иными словами, при активной поддержке советских людей, оставшихся по разным причинам на оккупированной территории. Обычные методы фашистской контрразведки и карателей против таких отрядов оказывались малоэффективными.

Командование решило включить Кузнецова в состав одного из таких отрядов, который должен был действовать во вражеском тылу, поблизости от какого-либо важного административного центра. Его функции были особого рода… Ему предстояло работать непосредственно в городе, причем в мундире офицера

гитлеровской армии.

Внедрить Кузнецова в какое-нибудь военное учреждение немцев в таком качестве в те сроки, какими располагало командование, практически было невозможно, поэтому он должен был находиться на одном месте не постоянно, а как бы наезжать. Обоснованием таких визитов сейчас как раз и занимались чекисты, которые разрабатывали его будущую легенду.

О его роли в отряде не должен был знать никто, кроме, конечно, непосредственных командиров и тех разведчиков, которые будут работать в контакте с ним. В списке бойцов он будет числиться под псевдонимом. Отныне он становился Николаем Васильевичем Грачевым.

В заключение Кузнецова спросили, согласен ли он и в состоянии ли выполнить это задание?

Кузнецов задумался. Нет, он не собирался отказываться от сделанного ему предложения, не для этого он год добивался чести быть посланным в тыл врага, не боялся он и возможной смерти от рук фашистских палачей. Его смущало совсем другое, и он почел своим долгом поделиться этим сомнением со старым чекистом.

Тот понял Кузнецова с полуслова.

– Конечно, вы правильно сделали, что высказались… По отзывам встречавшихся с вами наших специалистов, Германию в целом вы знаете отлично, языком владеете в совершенстве, даже диалектами, внешне похожи на настоящего пруссака, даже, я бы сказал, аристократа. Но мы, как и вы, понимаем, что вы не знаете германскую армию, как ее должен знать немецкий офицер.

В вашем распоряжении есть еще несколько недель. Трудиться вы умеете, преподавателей дадим отменных, мы очень надеемся, что вы к нужному сроку успеете преобразиться в настоящего лейтенанта вермахта. Кстати, когда вы вошли в мой кабинет, я отметил про себя, что у вас превосходная выправка, хотя вы никогда в армии не служили.

…Последующие недели были заполнены самым напряженным трудом, какой выдавался когда-либо в жизни Кузнецова. Подготовка занимала едва ли не круглые сутки. Ему помогали старые чекисты с большим опытом разведывательной работы: Л. Сташко, А. Вотоловский, С. Окунь и другие.

Прыжки с парашютом. Ориентирование на местности. Стрельба из всех видов советского и немецкого личного оружия. Владение холодным оружием и приемами самбо. Подрывное и шифровальное дело. И многое, многое другое…

Непрерывные повторения, до оскомины в зубах, легенды – его новой биографии, знать которую он должен во сто раз лучше

настоящей.

Пауль Вильгельм Зиберт. Лейтенант 230-го пехотного полка 76-й пехотной дивизии. Сын лесничего в имении князя Шлобиттена, неподалеку от Эльбинга в Восточной Пруссии. Отец – Эрнст Зиберт – погиб в 1915 году на фронте. Мать Хильда, урожденная Кюнперт, умерла за несколько лет до этой войны. До поступления в военное училище служил в том же имении помощником управляющего.

Участвовал в походе во Францию. После тяжелого ранения под Курском, временно, до полного выздоровления, является чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта – «Виршафтскоммандо» (сокращенно «Викдо»).

Награжден медалью «За зимний поход на Восток» (немецкие солдаты между собой называли ее непочтительно, но метко «Мороженое мясо»), кавалер ордена «Железного креста» второго и первого классов.

Организация и структура – в мельчайших деталях – германских вооруженных сил. Порядок официальных и неофициальных отношений между военнослужащими. Награды, звания, знаки различия всех родов войск полиции и СС.

Имена, фамилии, чины, звания и должности огромного количества людей – от высших гитлеровских сановников и до своих бывших батальонных и ротных командиров.

Внимательное изучение захваченных подлинных немецких документов – от солдатской книжки и до железнодорожных билетов. Чтение дневников и писем, взятых у пленных или снятых с убитых гитлеровцев.

Наконец Николай Кузнецов впервые видит себя в большом зеркале, облаченным в полную полевую форму лейтенанта гитлеровской армии. Да он ли это?!

По спине невольно пробежал холодок – таким ненавистным показался ему, Николаю Кузнецову, незнакомый человек, стоящий перед ним во весь рост. Но с точки зрения разведчика Николая Васильевича Грачева лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт выглядел превосходно. Подтянутый, строгий, по-мужски привлекательный. Форма сидит, словно родился в ней. Погоны, пуговицы, ремень с пряжкой, орел над правым карманом, сжимающий в когтях свастику, петлицы – все в полном порядке. Под левым карманом наглухо приколот «Железный крест» первого класса. В петлю второй пуговицы продернута красно-бело-черная ленточка второго.

Будущий партизанский врач Альберт Цессарский вспоминал

много лет спустя, как он впервые увидел Кузнецова в немецкой форме:

«…Я просто не верил своим глазам. Он гордо запрокинул голову, выдвинул вперед нижнюю челюсть, на лице его появилось выражение напыщенного презрения.

В первое мгновенье мне было даже неприятно увидеть его таким. Чтобы разрушить это впечатление, я шутливо обратился к нему:

– Как чувствуете себя в этой шкурке?..

Он смерил меня уничтожающим взглядом, брезгливо опустив углы губ, и произнес лающим, гнусавым голосом:

– Альзо, нихт зо ляут, герр арцт! (Но не так громко, господин доктор!)

Холодом повеяло от этого высокомерного офицера. Я физически ощутил расстояние, на которое он отодвинул меня от себя. Удивительный дар перевоплощения!»

Перед зеркалом Кузнецов расхаживал часами, отрабатывая движения, позы, манеры. Учитывалось все: в русской армии, например, по стойке «смирно» всегда полагалось руки плотно прижать к телу, в германской прижимали только ладони, локти же при этом выворачивались наружу, отчего по-петушиному выпячивалась грудь.

То, что Кузнецов был человеком штатским, неожиданно кое в чем помогло: кадровому советскому офицеру самое обычное воинское приветствие, которое после многих лет службы отдается под козырек всей ладонью, конечно, совершенно механически, переделать на немецкое было бы чрезвычайно трудно.

В сущности, Николай Иванович занимался сейчас уже мелочами, но их, этих мелочей, было такое огромное множество, что, в полном соответствии с законами диалектики, количество перерастало в качество: именно их точное и полное соответствие и должно было превратить сугубо штатского русского человека в кадрового прусского лейтенанта. И любая из этих мелочей могла бы провалить разведчика: вздумай он взять под козырек полной ладонью, как того требует Устав Красной Армии, на улице Ровно его немедленно изобличит даже не опытный следователь контрразведки, а первый же встречный рядовой солдат.

Запоминать, запоминать, запоминать…

Адреса магазинов, в которых *мог* покупать перчатки лейтенант Зиберт. Названия ресторанов, где он *мог* бывать с девушками. Результаты футбольных матчей, которые он *мог* видеть. Мелодии популярных песенок, которые он *мог* слышать.

Еще в школе Николай привык не просто зубрить, но непременно использовать какой-либо собственный метод,

помогавший лучше овладеть предметом. Теперь он тоже придумал своеобразный метод более успешного перевоплощения в личность другого человека: он внушал себе, что все, что он штудирует, – это не новое, глубоко чуждое ему, но нечто действительно бывшее когда-то с ним, как с Зибертом, и это нужно не разучивать вовсе, а как бы лишь припомнить.

Час за часом, день за днем…

Долбежка уставов, чтение ворохов иллюстрированных журналов, просмотр трофейной кинохроники и снова долбежка, на сей раз с внесением поправок после встреч с настоящими гитлеровскими офицерами.

Русскую литературу старался не читать, чтобы не «отключаться», не выбиваться из русла, по которому шел все более и более уверенно, ограничивался лишь беглым просмотром московских газет.

А газеты и радио приносили в то лето дурные вести: немцы наступали. 19 мая Красная Армия оставила Керчь. 4 июля после неслыханной по героизму обороны завершилась вторая Севастопольская страда. 24 июля сдан Ростов. Неудачи под Харьковом и Воронежем. Немцы заняли Донбасс, вышли к Сталинграду и Кавказу.

На всех фронтах шло грандиозное сражение, а Николай Кузнецов готовил и готовил себя к исполнению роли офицера пока все еще одерживающей победы германской армии. Иногда становилось настолько муторно, что Николай Иванович еле подавлял нестерпимое желание бросить все к черту, отказаться от задания, просить командование направить его рядовым десантником, чтобы собственными руками уничтожать врагов.

Уже подходило к концу лето, когда Кузнецову сообщили, что днями он вылетает за линию фронта, в отряд «Победители», которым командует Дмитрий Николаевич Медведев. Этот отряд уже несколько недель действует в немецком тылу.

Ровно, где ему предстояло работать, был не обычный город: гитлеровцы объявили его столицей Украины! В Ровно располагались резиденция одного из ближайших к Гитлеру людей – рейхскомиссара Украины, гаулейтера и президента Восточной Пруссии Эриха Коха, сам рейхскомиссариат, множество оккупационных и военных учреждений. Они-то и должны были стать объектами его самого пристального внимания.

В один из тех столь памятных для него последних дней и недель в Москве Кузнецов написал брату Виктору:

«…Война за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв. Неизбежно приходится пролить много своей крови, чтобы наша любимая Отчизна цвела и развивалась и

чтоб наш народ жил свободно. Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого – своей жизни. Жертвы неизбежны. И я хочу откровенно сказать тебе, что очень мало шансов на то, чтобы я вернулся живым… Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины.

Мы уничтожим фашизм, мы спасем Отечество. Нас вечно будет помнить Россия, счастливые дети будут петь о нас песни, и матери с благодарностью и благословением будут рассказывать детям о том, как в 1942 году мы отдали жизнь за счастье нашей горячо любимой Отчизны. Нас будут чтить и освобожденные народы Европы. Разве может остановить меня, русского человека, большевика,[3] страх перед смертью? Нет, никогда наша земля не будет под рабской кабалой фашистов. Не перевелись на Руси патриоты, на смерть пойдем, но уничтожим дракона!

Храни это письмо на память, если я погибну, и помни, что мстить – это наш лозунг, за пролитые моря крови невинных детей и стариков. Месть фашистским людоедам! Беспощадная месть. Чтоб в веках их потомки заказывали своим внукам не совать своей подлой морды в Россию. Здесь их ждет только смерть…»

…25 августа 1942 года газеты сообщали своим читателям о тяжелых боях в районах Клетской, Котельникова, Пятигорска, Краснодара и Прохладной, о том, что Карагандинская область перевыполнила план сева озимых, о возвращении в Англию после визита в Москву премьер-министра У. Черчилля, о вручении верительных грамот посланником Бельгии в СССР Р. Ван де Кершов д'Аллебасом, о подвиге на Северо-Западном фронте младшего лейтенанта Павла Некрасова, взявшего своего восьмого «языка». Кроме того, в газете публиковался очередной отрывок из пьесы Александра Корнейчука «Фронт» и объявление о выходе на экран в ближайшие дни кинофильма «Парень из нашего города» с артистами Николаем Крючковым и Лидией Смирновой в главных ролях.

О том, что минувшей ночью за тысячу километров от Москвы, в гитлеровском тылу приземлилась группа парашютистов, в газетах, разумеется, не было ни слова.

ГЛАВА 4

На Арбате против популярного кинотеатра хроники есть старый, очень московский двор. Внутри двора несколько двухэтажных кирпичных зданий той безликой архитектуры, что возводили средней руки столичные домовладельцы в начале века.

Старожилы помнят, что в начале сорок второго года в квартире на первом этаже дома, что стоит в глубине двора, появился новый жилец – высокий, подтянутый мужчина с красивым, строгим, четко очерченным лицом. Ходил он всегда в военной форме, сидевшей на нем как-то особенно ладно. Ни с кем из соседей он близко так и не сошелся, но вовсе не потому, что обладал замкнутым, нелюдимым нравом, а потому что был человеком очень занятым, часто и подолгу отсутствовал. А летом он вообще исчез на несколько лет.

Звали его Дмитрий Николаевич Медведев, и известно о нем во дворе было только одно – что он старый чекист. К началу войны Медведеву было уже сорок три года, и жизни его с лихвой бы хватило на несколько романов и повестей. Родился он и вырос в городе потомственных паровозников Бежице неподалеку от Брянска, отец его был мастером сталелитейного цеха знаменитого Бежицкого завода. Детей в семье насчитывалась чертова дюжина – тринадцать, но все же отец сумел сыну Дмитрию дать гимназическое образование; правда, чтобы иметь возможность учиться, не слишком обременяя семью, юноша и сам подрабатывал репетиторством.

Потом было участие в бурных Октябрьских событиях 1917 года, фронты гражданской войны, наконец – ВЧК, борьба с контрреволюцией, бандитизмом, иностранной агентурой. Вместе с Дмитрием Николаевичем в органах советской разведки служили трое его братьев и сестра.

Много видел и пережил за двадцать лет чекистской работы Дмитрий Медведев. Были и радости, были и горести. В конце тридцатых годов органы государственной безопасности переживали трудную пору. Поредели ряды беспредельно преданных партии и народу чекистов школы Дзержинского и Менжинского. Не стало старшего брата Медведева, старого большевика. Переживания, неприятности, былые ранения привели к тяжелому заболеванию Дмитрия Николаевича, и в 1940 году он временно вышел на пенсию. Но ненадолго.

Когда началась Великая Отечественная война, Медведев сумел убедить врачей в своей годности к службе и вернуться в строй. В августе 1941 года он собирает небольшой отряд из

тридцати трех добровольцев-москвичей, переходит с ним линию фронта и начинает партизанить у себя на родине, в Брянских лесах, а фактически организует в области массовое партизанское движение. В январе 1942 года он возвращается в Москву и докладывает о выполнении порученного ему задания. О полученных за эти несколько месяцев новых ранениях и контузии молчит. Одна из ран могла бы привести к гибели, если бы не пронес его несколько километров на своих широких плечах адъютант, знаменитый в те годы боксер Николай Королев.

В Москве Медведеву поручают возглавить новый отряд, более сильный и с более важными задачами. В нем должна была найти воплощение мысль, зародившаяся у Дмитрия Николаевича еще на Брянщине, – о чрезвычайной эффективности в нынешней войне соединения разведывательной работы с партизанской деятельностью. И он, Медведев, с его опытом чекиста и партизана, как никто другой, подходил на роль командира такого отряда.

У будущего подразделения должно было быть две сферы деятельности. Первая – чисто разведывательная: сбор в тылу немцев необходимой для командования Красной Армии военной, политической и экономической информации.

Вторая – чисто партизанская – диверсии на железных дорогах, уничтожение воинских складов, налеты на гарнизоны, распространение среди населения листовок, рассказывающих правду о положении па фронтах, уничтожение предателей и тому подобное.

Комиссаром отряда, а затем заместителем командира по политической части был назначен майор Сергей Трофимович Стехов. Подтянутый, с выправкой профессионального военного, типичный политработник, умеющий найти подход к каждому. Совсем не скажешь, что он сугубо гражданский человек, надевший форму лишь с началом войны.

База будущего отряда «Победители» находилась в одном из подмосковных дачных поселков, в лесу, неподалеку от озера. Поначалу бойцов было немного, но каждый день прибывали все новые и новые товарищи. Люди очень разные по возрасту, жизненному опыту, гражданским и военным профессиям, тем более – характерам. Были среди них кадровые чекисты и военные, но немного. Были студенты различных московских институтов. Была группа уроженцев Западной Украины, где всем предстояло работать. Была довольно большая группа испанцев-политэмигрантов, уже участвовавших в первых боях с фашизмом у себя на родине. Обстрелянные люди, следовательно, в отряде вообще были, но лишь немногие из них имели опыт боевых

действий в тылу врага именно этой войны: сам Дмитрий Николаевич и еще несколько командиров и бойцов из его первого брянского отряда.

Всех этих людей объединяло одно мировоззрение и общая цель – любовь к социалистической Родине и беспредельная ненависть к ее злейшему врагу – германскому фашизму. Но об этом никто много не говорил. Страна переживала самое тяжелое испытание за всю свою историю, это понимал каждый. Война длилась почти год. Уже много советских людей отдали свои жизни в борьбе, совершили подвиги. Бойцы отряда попросту стеснялись высказывать свои чувства вслух. Да и не до того было – забот хватало и у командиров, и у рядовых бойцов.

Особый характер будущих боевых действий отряда означал и особый характер его подготовки, так как действия в тылу врага требовали иных навыков и опыта. Занятия с личным составом шли днем и ночью, хотя часть бойцов и командиров, пришедших из Отдельной мотострелковой бригады особого назначения, была обстреляна в зимних боях под Москвой.

Бойцы – к весне их насчитывалось уже около ста – прыгали с парашютом, изучали немецкое оружие и структуру вермахта, учились стрелять, устраивать засады, действовать в лесных условиях, овладевали приемами рукопашного боя, диверсионным и радиоделом.

В мае 1942 года подготовка была в основном завершена. Пора было приступать к очень трудному и опасному делу – переброске отряда за линию фронта.

Каждую ночь с подмосковного аэродрома поднимались тяжело груженные самолеты и брали курс на запад. Где-то они пересекали линию фронта и растворялись во тьме над оккупированной территорией. Все остальное уже описывалось много раз: партизанские костры, круг над условными огнями и прыжок в неизвестность.

Первая группа десантников, которую возглавлял Александр Творогов, командир войсковых разведчиков, приземлилась в двухстах километрах от того места, которое планировалось. Она была выдана местным предателем и в ожесточенной схватке с карателями почти целиком погибла.

20 июня в районе железнодорожной станции Толстый Лес была сброшена группа, в которую входили Медведев, его заместитель по разведке Александр Лукин, командир радиовзвода Лидия Шерстнева, разведчицы Симона Гринченко и Мария Фортус (обе они в свое время героически воевали в Испании) и несколько испанцев.

Но не для всех высадка завершилась успешно. Погиб самый

молодой боец отряда шестнадцатилетний Толя Пронин. Когда начались бои под Москвой, он учился в ремесленном училище. В армию его, естественно, не взяли, несмотря на все старания. Тогда Толя умудрился пройти всю прифронтовую полосу и проникнуть в избу, в которой расположился штаб одной из армий, защищавших столицу. Ничуть не смутившись высокого начальства, Толя стал настоятельно просить, чтобы его зачислили в разведку.

– Ну какой из тебя разведчик, пойди подрасти, – хмуро сказал командарм.

– То есть как какой из меня разведчик? – обиделся Толя. – Сумел же к вам пролезть, хоть вашу избу целый взвод охраняет.

Генерал вызвал майора – коменданта штаба. Совершенно растерявшийся майор не сумел объяснить, каким образом в охраняемой избе очутился неизвестный ему подросток. Генерал рассмеялся и тут же приказал зачислить Анатолия Пронина в разведку. Какие еще слова командарм адресовал коменданту, Пронин из вежливости не расслышал.

Так Анатолий стал разведчиком, и хорошим, не раз отличившимся в боях под Москвой. А весной он узнал от своего старшего друга Всеволода Попкова о формировании особого отряда и уговорил Д. Н. Медведева взять его к себе.

Группа во главе с начальником штаба майором Федором Пашуном, в составе которой летел Пронин, была обстреляна немцами еще в воздухе над станцией Хойники. Анатолий был ранен, приземлился без сознания. Немцы схватили юношу, почти мальчика, долго допрашивали, зверски пытали. Анатолий не сказал ни слова. Его повесили…

Кроме Пронина, гитлеровцы схватили еще одного парашютиста – Калашникова, сломавшего себе обе ноги при неудачном приземлении. Калашников тоже ничего не сказал на допросах, но уже из фактов немцам, конечно, стало ясно, что сброшен десант. Гитлеровцы начали поиски, а отряд никак не мог тронуться к Ровно, потому что еще не встретил группу, заброшенную под командованием начальника штаба Федора Пашуна.

Ночи проходили неспокойно. Каждое утро часовые докладывали, что слышали в лесу какое-то неопознанное шевеление, улавливали за деревьями колышущиеся тени. Сам лагерь был разбит на возвышенном, открытом со стороны леса месте. Палатки, натянутые из белого парашютного шелка, ночью буквально светились за десятки метров, словно серебряные пузыри.

На рассвете 28 июня в лесу загремели выстрелы. Разведчики

Володя Цароев, Валентин Семенов, Христофор Музин, Константин Пастаногов, посланные на задание, не успев отойти от лагеря на несколько сот метров, натолкнулись на колонну карателей. Немцев и полицейских было около двухсот, в отряде же в ту пору насчитывалось всего семьдесят два бойца.

Хорошо проявил себя в атом первом бою комиссар Стехов. Под огнем, с маузером в руке, он спокойно собирал молодых, еще не обстрелянных бойцов. И они сразу успокаивались, брали себя в руки.

Короткий этот бой показал, что в подборе людей ошибки допущено не было. Все бойцы сражались храбро, самоотверженно, умело применяя подмосковную выучку. Каратели были разбиты и бежали, оставив около сорока трупов. Отряд захватил трофеи, в том числе два ручных пулемета. Но и отряд потерял двух товарищей, всеобщих любимцев: пробитого восемнадцатью пулями Анатолия Капчинского, знаменитого до войны конькобежца, и комсорга Семена Прохорова, только что окончившего институт в Москве. Восемь бойцов получили ранения.

Группу Пашуна все же удалось разыскать, и отряд смог, наконец, отправиться к Ровно. Идти было тяжело. Особенно мучились раненые, которых первое время, пока не раздобыли лошадей, несли на носилках. Гитлеровцы, нарушая международные законы ведения войны, применяли против партизан разрывные пули, наносившие очень тяжелые, медленно и плохо заживающие раны. Тряска по лесным тропам причиняла восьми раненым бойцам невыносимые страдания, но они держались мужественно и стойко.

На протяжении всего пути чувствовалось пристальное внимание немцев, видно, не потерявших надежду разыскать отряд и уничтожить. Однажды партизан нагнали двое мужчин. Оказалось – староста недалекого села и его сын. Задыхаясь от усердия, староста доложил, что видел в лесу партизан (как выяснилось, разводчиков отряда).

Предателям не повезло – их ввели в заблуждение одежда парашютистов и непонятная речь бойцов-испанцев, которых они приняли за немцев.

В другой раз – это было в воскресенье – бойцы встретили на лесном лугу пятерых молодых мужчин, которые очень неумело, то и дело утыкая косы в землю, пытались косить траву. Странные косари были одеты в крестьянскую одежду и… немецкие сапоги. У всех пятерых под одеждой нашли пистолеты, у старшего – удостоверение сотрудника гестапо.

Прошло несколько дней. Разведчики сообщили в штаб, что,

по словам местных жителей, в округе организуется небольшой партизанский отряд из бежавших советских пленных. С помощью лесника Николайчука с ними была установлена связь, затем состоялась и встреча. Партизаны попросили присоединить их к отряду. Было их всего девятнадцать человек, в том числе одна женщина.

Кое-кто из командиров стал возражать против приема в отряд бывших пленных, рассматривая их чуть ли не как предателей. Но Медведев решительно занял в этом вопросе другую позицию.

– Да, – сказал он своим глуховатым голосом, – тысячи наших красноармейцев в силу превратностей военной судьбы оказались в фашистском плену. Но разве они сделали это по своей воле? Конечно же нет!

Многие из них очутились за колючей проволокой, раненными или безоружными. Настоящих изменников Родины, полицаев и карателей мы будем уничтожать. Но эти люди – ведь они с риском для жизни бежали из плена, хотят воевать с врагом. Как мы можем им отказать?

– Но среди них могут оказаться шпионы, – возразил кто-то.

– Могут, – согласился Медведев. – Да на то мы и чекисты, чтобы выявлять шпионов и предателей.

– А все же оружия им давать не следует, – упорствовал один товарищ, – пусть добудут в бою, кровью искупят свою вину.

– Это совершенно неправильно, – возразил Дмитрий Николаевич. – Для большинства из них плен тяжелое несчастье. А вину, кто виноват, нужно искупать не своей, а вражеской кровью, для этого нужно оружие, а не голые руки.

И, закончив обсуждение, приказал:

– Всех новеньких тщательно проверить, с каждым поговорить отдельно, выдать оружие и разбить по взводам. Передать бойцам, чтобы к новичкам относились внимательно, по-товарищески.

Следует сказать, что за два года в отряд влились сотни бежавших из плена бойцов и командиров. Все они стали прекрасными партизанами, некоторые разведчиками. Лучшие из них в отряде вступили в партию, за храбрость в боях были награждены орденами и медалями. Жизнь показала, что линия на доверие по отношению к этим людям, хлебнувшим много горя, была единственно правильной.

…В конце августа отряд уже почти приблизился к месту своих будущих действий – Ровно. Здесь 25 августа была принята еще одна группа парашютистов из Москвы. К отряду присоединились Иван Яковлевич Соколов, Николай Тарасович Приходько, Михаил Макарович Шевчук, Николай Акимович Гнидюк и другие товарищи. Приземлился этой ночью в глубоком

вражеском тылу и Николай Васильевич Грачев.

ГЛАВА 5

В отряде Кузнецов освоился быстро. С несколькими парашютистами он познакомился еще в Москве, перед вылетом, с другими легко и естественно сошелся на месте. Обстановка товарищеской заботы и взаимопомощи, уже сложившаяся в отряде, тому не могла не способствовать.

Он сдал в штаб на хранение мешок с немецким обмундированием, пакет с документами и стал партизаном Грачевым, в первое время ничем не выделявшимся среди других бойцов, особенно после того, как тоже принял боевое крещение в нескольких стычках.

Его интересовало, что представляют собой люди, с которыми ему предстояло бок о бок жить и воевать многие месяцы. Несколько из них привлекли особое внимание Кузнецова, поскольку ему сообщили в штабе, что они тоже будут работать в Ровно и в той или иной степени поддерживать с ним связь. Правда, никто из них пока не знал, что их товарищ по специальной группе Грачева будет действовать в городе в обличье гитлеровского офицера.

Изучая своих товарищей, Николай Иванович старался отбросить такие привычные и обычные для мирного времени категории, как «приятный человек» и «хороший парень». Здесь, во вражеском тылу, эти определения, не теряя, разумеется, своего общечеловеческого значения, должны были все же отойти на задний план. На первое место выдвигались другие, гораздо более жесткие требования: выдержка, мужество, стойкость, чувство товарищества, гибкость ума, способность мгновенно ориентироваться в любой обстановке, умение переносить трудности.

Самым старшим по возрасту среди них был Михаил Макарович Шевчук. Старый член Коммунистической партии Западной Белоруссии. Невысокий, несколько флегматичный, немногословный, вида сугубо цивильного. За плечами этого человека был огромный опыт подпольной работы и восьми лет тюрьмы в панской Польше.

Впоследствии он жил в Ровно под именем Болеслава Янкевича. Ходил Шевчук в старомодном темном костюме, носил котелок и очки, в руке непременный букетик цветов по сезону, как это было в моде у немецких офицеров. Официально пан Янкевич занимался в Ровно коммерцией, вечно толкался в комиссионных магазинах и вообще местах, где собирались спекулянты. Но вся округа, вплоть до уголовной полиции – крипо

– была убеждена, что на самом деле пан Болек связан с гестапо. Случалось даже, что предатели приносили Шевчуку доносы на советских патриотов.

Те же годы подполья сделали из Шевчука превосходного конспиратора, выработали у него исключительную наблюдательность. В лице Шевчука отряд приобрел очень ценного разведчика, его информация всегда отличалась большой значимостью и высокой точностью.

Репутация пана Болека как гестаповца была столь прочной, что в первое время после войны на него не раз поступали заявления переживших оккупацию советских граждан, искренне возмущенных тем, что бывший фашист разгуливает на свободе.

Совсем иным по характеру был Николай Акимович Гнидюк. Уроженец Западной Украины, по мирной профессии – помощник железнодорожного машиниста. Невысокий, но крепкий, подвижный красивый черноволосый парень, улыбчивый, веселый, так и брызжущий энергией, он очень скоро заслужил прозвище «Коля – гарны очи».

Несмотря на молодость и кажущееся легкомыслие, Гнидюк тоже имел определенный жизненный опыт. Он рано вошел в революционное движение, за что был приговорен к двум годам тюрьмы. Из заключения его освободил приход советских войск в 1939 году.

В Ровно Гнидюк имел несколько прикрытий, но основным был изготовленный в отряде аусвайс (паспорт) на имя уроженца города Костополя Яна Багинского, пекаря военной пекарни, проживающего по Мыловарной улице, 19. Ян Багинский быстро завоевал в оккупированном городе славу предприимчивого и удачливого спекулянта, не боящегося коммерческого риска и ворочающего большими деньгами. На самом деле коммерция не приносила ему ничего, кроме убытков. От полного банкротства спекулянта Багинского спасало лишь то, что советский разведчик Гнидюк регулярно получал от командования солидные денежные «дотации» в оккупационных и имперских (если требовалось) марках.

Как разведчик, Гнидюк был смел, находчив, дерзок и, что немаловажно, везуч. Одинаково хорошо работал и в группе, и в одиночку. А жизнерадостность, веселый нрав Николая не раз поддерживали товарищей в трудные минуты.

По человеческим и деловым качествам Шевчука и Гнидюка удивительно удачно дополнял самый молодой из разведчиков – Николай Приходько. Еще перед вылетом на аэродроме Кузнецов выделил чем-то высокого добродушного богатыря со спокойными манерами очень сильного физически человека, с неожиданно по-

детски пухлыми губами. Выглядел он, несмотря на рост и сложение, совсем молоденьким и каким-то очень гражданским. Оружие в его больших руках казалось просто неуместным.

Родился Приходько в городке Здолбунове, под Ровно, в 1920 году в семье путевого обходчика и сам работал на железной дороге. Когда Западная Украина воссоединилась с Советским Союзом, он стал одним из первых комсомольцев Здолбунова.

В Ровно Приходько побывал первым из разведчиков отряда, потому что, как местный житель, хорошо знал и город, и его окрестности. В Ровно, на Цементной улице, 6, у Николая жил старший брат Иван Тарасович, в Здолбунове, на улице Франко, 2, – старшая сестра Анастасия Шмерега с мужем Михаилом – столяром железнодорожного депо и его братом жестянщиком Сергеем. Оба брата Шмереги во времена панской Польши участвовали в революционном движении и не раз подвергались преследованиям властей.

В дом Шмерегов Николай пришел без малейшего опасения. И не ошибся – братья и Анастасия не только согласились оказывать всяческое содействие партизанам, но и связали их с местными подпольщиками.

В Ровно Николай встретился с братом Иваном. Жена старшего Приходько Софья Иосифовна и теща Берта Эрнестовна Грош были немками но происхождению. Пользуясь этим обстоятельством, Иван Тарасович выхлопотал у гебитскомиссара Ровно документы так называемого фольксдойче, то есть местного жителя немецкой национальности. Это давало ему и его семье довольно значительные привилегии. Гитлеровцы считали фольксдойче своей опорой в оккупированных странах, доверяли и покровительствовали им.

С разрешения командования Николай убедил брата съездить с ним в партизанский лагерь. Поездка проходила под видом командировки Ивана Тарасовича. Соответствующее удостоверение Приходько-старший раздобыл в гебитскомиссариате.

Посещение лагеря, знакомство с командованием произвело на Ивана Тарасовича огромное впечатление. Он убедился, что Советская власть стоит незыблемо, как и стояла. А поняв это, не пожелал больше оставаться в стороне от всенародной борьбы с гитлеровцами.

– Что я должен делать? – прямо спросил он в штабном чуме перед возвращением в Ровно. И получил исчерпывающий, откровенный ответ.

Не только он сам, но и его жена, и теща с тех пор стали верными и надежными разведчиками отряда. Иван Тарасович

оказался прирожденным конспиратором, хотя и не без наклонности к бьющей через край предприимчивости. Иван умел поразительно легко сойтись с нужным человеком, подобрать хорошую квартиру и с особенным успехом раздобыть что-нибудь, начиная от подлинного документа и кончая дефицитным товаром.

Вскоре он привлек к своей подпольной деятельности сослуживца по хлебопекарне – молодого и красивого поляка Яна Каминского. Ян ненавидел оккупантов и входил в польскую подпольную организацию. Организация эта, однако, ничем, кроме бесплодных разговоров о необходимости «ждать сигнала» к борьбе, не занималась. Ян бесился от бездеятельности и был счастлив, когда ему представилась возможность включиться в настоящую борьбу.

Кузнецов приглядывался к молодому поляку и, когда убедился в его искренности, стал постепенно привлекать к своей работе. Смелый, решительный и умный человек, Ян оказался для него прекрасным помощником. Правда, из вполне обоснованной осторожности Николай Иванович не сразу раскрыл Каминскому свое истинное лицо, и довольно долгое время Ян полагал, что лейтенант Зиберт работает по заданию разведки «лондонского» эмигрантского польского правительства. (Ян в это легко поверил, потому что к моменту их знакомства Кузнецов уже владел польским языком, так же как и украинским.)

Но все это было позднее. Чтобы не нарушать хронологии, вернемся назад, к началу осени 1942 года. Именно в эти дни к отряду присоединилась группа партизан. Пришли они уже обстрелянными, с некоторым опытом боев, у них был даже снятый с подбитого танка и приспособленный для стрельбы с рук пулемет.

Пятеро из вновь прибывших носили фамилию Струтинский. Отец – Владимир Степанович – и его сыновья: Николай, Жорж, Ростислав и Владимир. Остальные были бежавшие из плена красноармейцы.

Командовал этим отрядом старший из сыновей – Николай. Чуть позднее пришла к медведевцам мать – Марфа Ильинична, сестра Катя, младшие братья Вася и Слава, двоюродная сестра Ядзя. Струтинские сразу нашли свое место в отряде. Даже Марфа Ильинична выполняла впоследствии разведывательные задания, добиралась до Луцка и передавала важную информацию. Увы, эта мужественная, уже немолодая женщина позднее была убита фашистами. Весь отряд тяжело переживал героическую гибель славной патриотки, не только благословившей на бой с фашизмом мужа и пятерых детей, но и самой вместе с ними

занявшей место в строю борцов.

За свой выдержанный характер Николай Струтинский получил прозвище «Спокойный». Впоследствии он стал помощником и шофером Кузнецова.

…В октябре началась подготовка Николая Ивановича к первому выходу в Ровно. Предварительно в городе побывали разведчики Николай Приходько, Поликарп Вознюк, Николай Бондарчук и Николай Струтинский.

Они выяснили обстановку и порядки в Ровно, установили местонахождение и адреса ряда военных и гражданских учреждений оккупантов: рейхскомиссариата Украины (РКУ) на Шлоссштрассе, главного немецкого суда на Парадной площади, штаба командующего «Восточными войсками» генерала Ильгена, штаба начальника тыла германской армии генерала авиации Китцингера на Шульцштрассе, штаба главного интендантства, хозяйственного штаба группы армий «Юг», множества менее значительных штабов и учреждений.

Собственно говоря, подготовка была не столько технической (если не считать затруднения с мундиром, который за отсутствием стола и утюга пришлось разведчице Симоне гладить на пне нагретым топором), сколько психологической. Кузнецову нужно было войти, по выражению спортсменов, в форму, чтобы первое его появление на улицах оккупированного города не стало последним.

Николай Иванович часто отходил от палаток, присаживался на какую-нибудь лесную корягу, сидел так часами, почти недвижимый, вновь и вновь продумывая мысленно роль, которую ему предстояло сыграть. Раньше Кузнецов видел живых немцев только в советском плену – подавленными, угрюмыми, иногда угодливыми, иногда – истерическими. Теперь же он знал, как они выглядят и ведут себя, каковы они в положении «хозяев». И вносил соответствующие поправки к сложившемуся было уже четкому образу лейтенанта Зиберта. Некоторые из этих поправок были весьма существенны, и Кузнецова беспокоило, насколько же созданный им пока в воображении Пауль Вильгельм Зиберт окажется похож на реальных лейтенантов и гауптманов, с которыми ему вот-вот предстоит встретиться.

Даже иначе – волновало не столько сходство – в принципе его Зиберт должен быть похож на германского кадрового военного, но как предвидеть ту грань, за которой может таиться *отличие?*

А тут еще новость – последние годы Кузнецов жил один и не знал за собой некоторых особенностей, и вдруг сосед по палатке сказал, что иногда он говорит во сне. Кузнецов встревожился не на шутку – ведь говорил он, разумеется, по-русски…

Что-то нужно было делать – и быстро. В октябре – ноябре он уже должен был быть в Ровно, но не с этой же проклятой разговорчивостью во сне! Сделали так: как только Кузнецов начинал говорить во сне, его тут же будили. Иногда по нескольку раз за ночь.

Первое время Кузнецов ходил с мешками под глазами от постоянного недосыпания. Потом будить его пришлось уже реже, пока, наконец, не убедились, что изнуряющее средство подействовало – разговаривать во сне он стал меньше, а если иногда все же поговаривал, то уже как немец.

И день пришел… Николая Ивановича Кузнецова провожали в первую поездку во вражеское логово. Задания – никакого. Только походить, привыкнуть к форме, приглядеться. Наметить план вживания – и вернуться. Партизанский лагерь тогда еще отстоял от города в ста двадцати километрах, отправлять Кузнецова пешком было, конечно, нельзя, поэтому для него снарядили бричку, а в качестве кучера поехал Владимир Степанович Струтинский, хорошо знавший город.

…Он шел по главной улице Ровно, обычный пехотный лейтенант, приветствуя старших по званию офицеров, небрежно козыряя в ответ солдатам. Иногда останавливался возле витрин магазинов, кафе, афиш кинотеатров. У мальчишки на углу Парадной площади купил газету; но читать не стал, только пробежал глазами заголовки, сложил и сунул в карман. Потел дальше. Возле ресторана «Дойчегофф» (на дверях табличка: «Только для немцев») задержался, подумал с минуту, потом зашел. Заказал кофе и рюмку коньяку. Через десять минут вышел на улицу. На следующем углу купил у лоточника пачку сигарет и спички. На небольшом сквере присел на свободную скамейку и выкурил сигарету.

По другой стороне улицы, не выпуская из виду лейтенанта, шел аккуратно одетый пожилой человек. Шел неотступно, терпеливо поджидая, когда тот заходил в «Дойчегофф» и курил сигарету на сквере. Внешне старик выглядел спокойным. А на самом деле… Уже вернувшись в отряд, Владимир Степанович Струтинский рассказывал:

«Я иду, ноги у меня трясутся, руки трясутся, вот, думаю, сейчас меня схватят. Как увижу жандарма или полицейского, отворачиваюсь. Такое чувство, будто все на тебя подозрительно смотрят. А Николай Иванович, гляжу, идет как орел. Читает вывески на учреждениях, останавливается у витрин магазинов – и хоть бы что! Встретится немец, он поднимает руку: „Хайль Гитлер!“ Часа четыре водил меня по городу. Я ему и так и эдак делаю знаки, утираю нос платком, как условились: дескать, пора,

а он ходит и ходит. Бесстрашный человек!»

Действительно, страха Кузнецов не испытывал. Боялся другого – прорвется ненависть, переполнявшая все его существо, ненависть к людям, одетым в ту же фашистскую форму, что и он. К тем, кто, как и он, по-хозяйски ходил по улицам этого города, сидел в кино и в кафе, покупал газеты и закуривал сигареты. Боялся, что эта ненависть выдаст его. Сила собственных чувств была теперь и осталась навсегда его самым опасным противником.

Через несколько дней Николай Иванович Кузнецов вернулся в отряд, чтобы еще через неделю снова приехать в Ровно.

Лейтенант Зиберт начал действовать.

ГЛАВА 6

Уходил в прошлое трудный, переменчивый на военные успехи сорок второй год. Для разведчика специального отряда «Победители» Грачева его последние недели были всецело связаны с превращением Николая Кузнецова в лейтенанта Пауля Зиберта. События развивались и так, и не совсем так, как предполагалось вначале. Возникали непредусмотренные трудности, и, наоборот, неожиданно легко решались задачи, казавшиеся ему ранее особо сложными. Впрочем, долгая – годовая! – подготовка предусматривала и такие повороты в судьбе разведчика.

Квартира Ивана Приходько стала первой, но не единственной. Кузнецов не мог себе позволить слишком часто подвергать смертельной опасности ставшую ему близкой семью, где были и женщины, и дети. Поэтому разными путями, с помощью разных людей лейтенант Зиберт обзавелся рядом мест, где он, иногда с ведома хозяина, но чаще без оного, мог спокойно провести две-три ночи. Постепенно, по меркам мирного времени, быть может, слишком быстро, но в войну вполне обычным, у него завязался определенный круг нужных знакомств в офицерской и чиновничьей среде Ровно.

У Зиберта не было повода обращаться в какое-либо военное или гражданское учреждение без риска разоблачения, потому что при всем высоком качестве его документов они все же были чистой фикцией. Отсюда главными объектами его деятельности на первых порах стали места, где немецкие офицеры проводили свое неслужебное время: лучший ресторан города «Дойчегофф», ресторан на вокзале, казино, некоторые кафе, магазины, куда местным жителям вход был запрещен.

Кузнецов научился непринужденно и естественно входить в ресторан, рассеянно обводить взором зал, быстро намечать удобный столик: или такой, за которым сидел одинокий посетитель, или расположенный неподалеку от шумной, подвыпившей компании. В первом случае облегчалась задача знакомства с соседом, во втором – Кузнецов просто прислушивался к пьяным разговорам, извлекая из шелухи пустой болтовни зерна полезных сведений. Лейтенант Зиберт был тактичен, вежлив, неназойлив, для представления подбирал самые подходящие моменты, лишь после того, как убеждался, что случайный сосед сам не прочь вступить в разговор. Иногда поводом служила просьба передать солонку, иногда у него не оказывалось при себе («Извините, забыл в шинели») спичек.

Естественность. Терпение. Выдержка. Любой слишком рано или в неудачной форме поставленный вопрос мог привлечь к нему внимание или даже пробудить в собеседнике подозрительность. Ни в коем случае нельзя было спрашивать о вещах, должных среди офицерства быть общеизвестными.

Первые недели были ко всему прочему и неделями напряженной учебы – на настоящей практике Кузнецов внимательно изучал нравы, обычаи и манеры гитлеровских офицеров, запоминал и немедленно принимал к сведению десятки мелочей, о которых не прочитаешь ни в какой книге, но столь важных для разведчика, выдающего себя за своего в чужой, вражеской среде.

Оценил в должной степени свой природный дар (подкрепленный, впрочем, и его собственными усилиями) – отличную память, поскольку делать какие-нибудь записи он, разумеется, не мог.

Информация, намертво отпечатавшаяся в его памяти, была чрезвычайно разнообразной по характеру и ценности. О гарнизоне Ровно. О дислокации и передвижениях войск. О расположенных в городе оккупационных учреждениях и штабах, их функциях и порядке работы. О деловых и личных качествах их руководителей.

Некоторые случайные знакомства лейтенанта Зиберта стали прочными. У него появились постоянные приятели, с которыми он регулярно встречался и в ресторанах по вечерам, и на их частных квартирах. Особенно дорожил Кузнецов важным, хотя и опасным, знакомством с комендантом полевой жандармерии Ришардом. Комендант, благоволивший к щедрому лейтенанту, у которого всегда можно было одолжить сотню марок, рассказывал о намечаемых в Ровно и окрестностях облавах, сообщал Кузнецову пароли для хождения по городу ночью. Эти сведения представляли особую важность – в опасные дни, указанные Ришардом, командование никого в Ровно не посылало.

Порой источники информации были довольно неожиданными. Так, Николай Кузнецов покупал свежие продукты в маленькой лавочке, принадлежавшей некоему Померанскому (этот спекулянт драл за куриное яйцо по 2 марки!). Померанский, проникшийся доверием к постоянному покупателю, рассказал Зиберту, что разрешение на продажу он как награду получил от самого шефа службы безопасности Ровно доктора Йоргельса за то, что был секретным осведомителем гестапо. По словам хвастливого шпика, он еще в сорок первом году отличился в операциях против партизан. К Померанскому захаживал ого приятель, тоже агент СД Янковский, который, как-то не в меру

разболтавшись, сказал Зиберту, что в партизанских отрядах Волыни и Подолии успешно действует очень ловкий агент Васильчевский. Он сумел втереться в доверие некоторых командиров и стал связным между отдельными отрядами и городскими подпольщиками. Получив задание в отряде, Васильчевский передавал его подполью, но лишь после того, как докладывал обо всем, что знал, в гестапо. Ему удалось таким образом провалить много советских патриотов. Янковский рассказал не только о методах действии Васильчевского, но даже описал его приметы. Командование немедленно сообщило о Васильчевском в Москву, в свою очередь, Центр своевременно предупредил штабы соответствующих отрядов об опасном провокаторе.

Небольшие размеры Ровно и установленный в нем фашистской службой безопасности строжайший режим исключали для Кузнецова возможность пользоваться рацией. Ее работа была бы сразу засечена. Поэтому собранную информацию он, как и другие разведчики, должен был доставлять в отряд лично или передавать через связных.

Доставка в отряд разведывательных данных была очень трудным и опасным делом. Чтобы добраться до лагеря, приходилось преодолевать многие препятствия. Самые серьезные неприятности доставляли жандармские и полицейские патрули, украинские националисты. Они устраивали засады по дороге, пытаясь перехватывать наших людей.

Разведчики и связные прямо в отряд никогда не шли. Как правило, их путь заканчивался на «зеленом маяке», расположенном около села Оржева, в четырех километрах от станции Клевань и приблизительно в двадцати от Ровно. Здесь они передавали пакеты постоянно дежурившим партизанам, отдыхали, получали задания командования городским разведчикам и отправлялись обратно. «Главным смотрителем маяка» был Валентин Семенов. Чаще других на «маяке», кроме него, дежурили Всеволод Попков, Борис Сухенко, Сергей Рощин, Владимир Ступин, Борис Черный, Николай Малахов. Все – московские комсомольцы, парашютисты. Несколько позже был установлен «зеленый маяк» и под Луцком. Его «главным смотрителем» стал Владимир Ступин.

Если дежурные по какой-либо причине уходили на время в другие места, то разведчик или связной оставлял донесение в своем персональном «почтовом ящике»: какой-нибудь консервной банке или коробочке, спрятанной под условленным камнем или в дупле. Когда Кузнецов прибывал в отряд, на «маяке» его обязательно встречала группа охраны и сопровождала до самого

лагеря. Точно так же, обязательно с охраной до «маяка», он возвращался в город.

Первое время Кузнецов добирался из города до «маяка» и, соответственно, обратно лошадьми. Но вскоре в его распоряжении были уже и мотоциклы и машины. Все они были похищены разведчиками (особенно страдал при этом гараж ровенского гебитскомиссара Беера), умело перекрашены и снабжены новыми знаками.

Так начиналась долгая героическая работа Кузнецова в тылу врага.

…Шел разгар Сталинградской битвы. Ставшая вскоре знаменитой фотография разбитого здания универмага на площади Павших борцов, из подвала которого советские автоматчики вывели фельдмаршала Паулюса и два десятка гитлеровских генералов с поднятыми руками и опущенными головами, еще не обошла газеты всего мира. Но судьба окруженной многотысячной группировки немецких войск уже была предрешена. Взятых в железные клещи, намертво замурованных в «котле» фашистов ждали или безоговорочная капитуляция во избежание излишнего кровопролития, или поголовное уничтожение.

Из истории величайшего сражения, которое знало до той поры человечество, известно, какие отчаянные усилия предприняло фашистское командование, чтобы вырвать армию Паулюса из кольца советских дивизий.

В декабре специально с этой целью по приказу Гитлера на участке фронта протяженностью в 600 километров была сколочена группа армий «Дон» под командованием фельдмаршала фон Машнтейна. В нее вошли армейская группа Гота в составе четвертой танковой немецкой и четвертой румынской армий, другие сводные группы, оперативная группа «Холлидт» и – фактически чисто номинально – окруженные в Сталинграде войска Паулюса, вернее, то, что от них к тому времени оставалось.

Вся громоздкая, раздутая до предела, охватившая всю Европу фашистская военная машина пришла в движение. Напрягая все силы, гитлеровцы отовсюду, откуда только можно было, перебрасывали войска к Волге. Из Франции, других оккупированных стран, а также и с некоторых участков Восточного фронта спешно гнали к Сталинграду новые дивизии. О масштабе этих перевозок можно судить хотя бы по тому, что для переброски из Франции одной лишь 6-й танковой дивизии потребовались десятки тяжеловесных эшелонов. Сюда же, в район Котельникова, был отправлен в обстановке особой тайны впервые

скомплектованный в фашистской армии батальон новейших тяжелых танков «тигр». На эти машины, конструкция и тактико-технические данные которых держались в строжайшем секрете, гитлеровцы возлагали особые надежды, убедившись, что их танки, триумфально прогрохотавшие своими гусеницами по столицам чуть ли не всех европейских стран, оказались бессильными против советских тридцатьчетверок.

Ежедневно группа Николая Кузнецова, а также группа Дмитрия Красноголовца на важнейшем железнодорожном узле Здолбуново собирала множество информации о передвижениях вражеских войск.

Узким местом стала связь, точнее, своевременная доставка добытых сведений командованию. Отряд располагался от Ровно на расстоянии, которое связные могли преодолеть, даже в сопровождении удачи, лишь за сутки. Путь был сложный, тяжелый, опасный, из города до «маяка», а оттуда в отряд. В другое время этот способ более или менее удовлетворял командование, но при сложившихся обстоятельствах, когда получаемые сведения нужно было передавать в Москву немедленно, уже не годился.

Поэтому было решено заслать в Ровно, учитывая чрезвычайность обстановки, радистку, которая бы передавала разведданные в Центр прямо из города, без потери драгоценного времени. Командование понимало, что рация продержится в Ровно не больше двух педель – ее запеленгуют, – но эти две недели могли оказаться решающими. Выбор пал на Валентину Константиновну Осмолову, дочь старого красного партизана гражданской войны, отчасти за происхождение, а скорее за характер прозванную бойцами Казачкой. Валя была хорошей радисткой и бесстрашным человеком. Еще до войны она стала одной из первых девушек-парашютисток. По выработанному в штабе плану в Ровно Казачка должна была остановиться в доме Приходько.

Доставить радистку в город поручили Николаю Кузнецову и Николаю Приходько: перед соседями по дому Вале предстояло сойти за невесту младшего брата Ивана Тарасовича. Казачка была первой девушкой, направляемой в Ровно, и, естественно, чрезвычайно важное значение приобрела ее экипировка. В отряде девушки-радистки прекрасно чувствовали себя в парашютных комбинезонах, полушубках, ушанках. Но для Ровно все это, конечно, не годилось. Пришлось потрудиться самым расторопным снабженцам отряда. Они сумели раздобыть для Вали вполне элегантное пальто, два-три хороших платья, туфли, прочие принадлежности дамского туалета.

Потом откуда-то пригнали бричку на высоких рессорах, уложили в нее несколько охапок сена, сверху постелили ковер, тоже раздобытый неизвестно где. Под сеном аккуратно разместили рацию, гранаты, автоматы, взрывчатку, батареи питания. Во всех этих приготовлениях особое рвение проявлял комсорг отряда Валентин Семенов, вообще-то к данной операции никакого отношения не имевший. Но ни для кого не было секретом, что отважный командир эскадрона разведчиков в последнее время пользуется каждым подходящим поводом, чтобы завернуть к «чуму», где жили девушки-радистки. И отнюдь не только обязанности комсорга неодолимо влекли его туда. Изобретательный и хитрый разведчик, Валентин, увы, в делах сердечных был простодушен, что, впрочем, было вполне простительно для его двадцати лет…

Наконец, все было готово. Николай Иванович сел рядом с Казачкой, место на козлах занял Николай Приходько в форме солдата вермахта. Последние пожелания удачи, и разведчики тронулись в путь.

Как всегда, Николай Кузнецов и другие разведчики, направляемые в город во вражеской форме, до «зеленого маяка» ехали, накинув на себя что-нибудь сверху для маскировки. При выезде на шоссе всякого рода накидки оставлялись на «маяке» до возвращения.

Поначалу ничто на шоссе Ровно – Луцк не сулило каких-либо неожиданностей. Два-три встречных патруля не обратили на них никакого внимания. И лейтенант Зиберт, и кучер Приходько, и Валя выглядели, видимо, вполне респектабельно и подозрений у немцев не вызвали. Никто не удосужился ни разу даже проверить у них документы, которые, впрочем, были, конечно, в надлежащем порядке.

Уже перед въездом в Ровно бричка остановилась у моста через реку Горинь. Мосток небольшой, проехать его – пустячное дело. Но тогда, зимой, его затянул тонкий ледок, а бывший помощник машиниста паровоза Николай Приходько как ездовой имел не слишком большой опыт. Испугавшись чего-то, кони неожиданно понесли, бричку круто накренило, и в следующий момент она перевернулась. Кузнецова, Приходько, Валю разом выбросило на скользкий настил. Но это было бы еще полбеды.

Стряслось нечто гораздо худшее. Все так тщательно припрятанное под сеном содержимое брички – рация, батареи, оружие – и прочие достаточно красноречивые предметы вывалились прямо к ногам немецких солдат, несших охрану моста.

Провал, непредвиденный, по глупой случайности, казался

неизбежным. К счастью, Кузнецов, как это проявилось и в данном, более чем драматическом, положении, обладал драгоценным для разведчика даром не теряться при неожиданных ситуациях. И на сей раз выдержка не изменила ему. Выдержка плюс точный расчет на психологию именно немецкого солдата.

Прежде чем часовые успели сообразить, что, собственно, произошло, он выхватил из кобуры вальтер и направил его на остолбеневшую Валю, отчаянно ругаясь по-немецки. Потом лейтенант, даже не переведя дыхания, яростно накинулся на оторопевших солдат:

– А вы что глазеете, бездельники? Это арестованная русская партизанка. Ну-ка пошевеливайтесь, да поживее! Переворачивайте бричку и кладите все на место!

Ослушаться офицера, даже усомниться, что тут что-то не так, никто не посмел. Суетясь и мешая друг другу, солдаты кинулись выполнять приказание. Посмеиваясь про себя, им помогал Николай Приходько.

Когда все было подобрано и погружено на бричку, разведчики продолжили свой путь. Напоследок лейтенант Зиберт, чтобы не дать охране опомниться, приказал их старшему сколоть лед с настила и посыпать доски песком.

Вскоре уже без приключений разведчики подъехали к дому Ивана Приходько.

Разведчики действовали круглосуточно. Десятки зорких глаз прощупывали каждый эшелон… Танковая дивизия из Франции… Пехотная из Голландии… Моторизованная из-под Ленинграда… Ежедневно в дом Приходько стекалось множество самой разнообразной информации. Валя выходила на прямую связь с Москвой каждые несколько часов. Сеансы длились от пятнадцати до тридцати минут.

…Попытки немцев освободить зажатую в Сталинграде 6-ю армию окончились плачевно. Войска Манштейна были отброшены с большими потерями. Весь январь части Красной Армии добивали гитлеровские полки, расчлененные надвое, в самом городе. 31 января капитулировала группировка немецких войск во главе с самим командующим 6-й армией фельдмаршалом Паулюсом, 2 февраля сложила оружие и южная группировка.

Красная Армия перешла в решительное наступление. Началось освобождение Кавказа, Верхнего Дона, Украины. Советские дивизии непосредственно стали угрожать гитлеровским войскам в Донбассе.

Теперь уже фашистские эшелоны с подкреплениями: живой силой, боеприпасами, военной техникой потянулись на линию Полтава – Харьков – Павлоград. И снова разведка…

Николай Кузнецов, который давно пользовался квартирой Ивана Приходько, нередко принимал здесь же своих немецких приятелей. Его не совсем пренебрежительное отношение к хозяевам в глазах соседей оправдывалось тем, что супруги Приходько считались фольксдойче. В эти дни он чаще обычного заходил домой, и не только, чтобы передать Вале листок с очередными разведданными, но и с целью приободрить девушку, прикрыть ее в случае какой-либо неприятности.

Предусмотрительность разведчика была не лишней, и беспокоился он не зря. Как и следовало ожидать, уже через несколько дней гитлеровцы установили, что в городе интенсивно работает подпольный радиопередатчик. На улицах Ровно появились неуклюжие высокие автомобили с характерными кольцами антенн радиопеленгаторов на крышах. Квартал за кварталом обшаривали они город, нащупывая ту единственную точку, откуда уносили за тысячи километров радиоволны информацию о происходящем в немецком тылу.

Потом начались облавы. Не обычные повальные, без определенной задачи, а вполне целеустремленные. Искали подпольную рацию. И вот однажды грузовики с солдатами т мышиного цвета мундирах появились и в районе, где работала Казачка.

Врывались в дома, рыскали по всем закоулкам, переворачивали мебель, заглядывали в подполы и погреба. Правда, никого не арестовывали. Видимо, в гестапо по почерку неизвестного радиста поняли, что работает хорошо законспирированный связист, и добирались именно до него.

Дошла очередь до дома № 6. Громыхая сапогами, в квартиру Ивана Приходько ввалились несколько солдат под командой фельдфебеля и… вытянулись в струнку. За столом в гостиной беседовали эсэсовский офицер в черном мундире и пехотный лейтенант. Эсэсовец был самый настоящий – хорошо известный в городе сотрудник гестапо гауптштурмфюрер Петер фон Диппен.

Фельдфебель подбросил руку в приветствии и доложил фон Диппену, как старшему по званию из двух офицеров, что где-то в ближайших домах работает русский передатчик. Эсэсовец снисходительно махнул рукой и пожелал фельдфебелю удачи в поисках.

Солдаты ушли. Словно не придав никакого значения их визиту, Кузнецов продолжил прерванный разговор.

Эсэсовец был для Николая Ивановича ценным источником информации. Фон Диппен постоянно и безнадежно нуждался в деньгах. Был он тщеславен, весьма ценил «радости жизни», но соизмерять их со своим жалованьем не умел. Используя слабости

фон Диппена, Кузнецов регулярно его «подкармливал»: одалживал на неопределенный срок деньги, а чаще всего расчетливо, чтобы не бросалось в глаза, проигрывал в карты. Делал он это умело, создавая видимость настоящей игры, чередуя выигрыши с проигрышами, в конечном итоге – в пользу Диппена.

В служебные обязанности гауптштурмфюрера входили надзор и наблюдение за служащими РКУ и офицерами негерманского происхождения: голландцами, австрийцами, поляками, чехами и прочими. Характеристики, которые он в «случайно» завязываемых Зибертом разговорах давал своим подопечным, не раз оказывались для разведчика весьма полезными. Выкачивал Кузнецов из эсэсовца множество и другой информации: ночные пароли, даты и районы облав, новые распоряжения военного коменданта, рейхскомиссариата, сведения о перемещениях в личном составе ровенской администрации и тому подобное.

…День за днем Валя Казачка снова и снова выходила в эфир. Снова и снова летели в далекую Москву точки и тире из-под ее пальцев.

И вот однажды…

Шел срочный, внеочередной сеанс. Из разных источников поступили сведения исключительной важности, позволяющие предполагать, что на Украину из Западной Европы спешно перебрасывается лучшее в фашистской армии крупное соединение: заново вооруженный, отдохнувший танковый корпус СС. В его состав входили дивизии «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Рейх».

Чтобы удержать Донбасс и остановить Красную Армию на границах Украины, немецкое верховное командование спешно создало новую группу армий «Юг». В ее состав были переданы оперативные группы «Кампф» и «Холлидт», две танковые армии. В «Юг» вошли тридцать танковых и моторизованных дивизий – почти половина всех подвижных фашистских соединений на Восточном фронте! Командующим группой «Юг» Гитлер назначил все того же генерал-фельдмаршала Манштейна.

В феврале Гитлер лично прибыл в Запорожье, где провел трехдневное совещание с высшим генералитетом. Присутствовали Манштейн, Клейст, Йодль. Фюрер требовал одного: остановить любыми средствами Красную Армию и перейти в контрнаступление.

Накануне планируемой операции Гитлер обратился к войскам группы армий «Юг» с призывом проявить чудеса доблести и героизма. «Исход сражения мирового значения зависит от вас. Нынешняя и будущая судьба германского народа решается за тысячи километров от границ империи. Основная

тяжесть войны ложится на ваши плечи». Так писал Гитлер в приказе, тщетно пытаясь вдохновить свою армию перед тяжелыми боями.

Некоторые данные, касающиеся указанных событий, и должна была передать Валя Казачка во время срочного сеанса связи с Москвой. Николай Иванович, чтобы не мешать напряженной работе радистки, рассеянно листал страницы какого-то иллюстрированного немецкого журнала, время от времени поглядывая в окно. Измотавшийся за тяжелый день, только что вернувшийся из Здолбунова с разведывательными сведениями Николай Приходько воспользовался случаем, чтобы хоть полчаса отдохнуть на диване. И вдруг Николай Иванович сорвался со стула:

– Гости!

Действительно, шагах в ста по противоположной стороне улицы шли к дому два офицера из числа новых друзей лейтенанта Зиберта. Один держал в руках большой бумажный сверток.

Сами по себе эти гости не были опасны, но только не во время передачи, которую нужно было завершить во что бы то ни стало. Не отрывая руки от ключа, девушка вопросительно посмотрела на Кузнецова. Прерывать исключительно важный сеанс из-за визита двух собутыльников Николай Иванович не мог.

– Быстро раздевайся – и в постель. Рацию под кровать. Ключ под одеяло. Ты больна. Понятно? Николай – на кухню. Будь наготове.

Через минуту Валя была в кровати. Хладнокровной девушке все было понятно, кроме одного. Что делать с наушниками? Они не ключ, которым можно работать и под одеялом, их место на голове.

Но Кузнецов уже стремительно возвращался из соседней комнаты с ватой и бинтом.

– Ты очень страдаешь, у тебя болят зубы, ты даже не можешь говорить. Понятно?

И вот уже на наушники, чтобы заглушить их комариный писк, наложены толстые ватные тампоны, поверх тампонов плотно намотан широкий бинт и шерстяной платок. Валя сразу стала похожа на ребенка, заболевшего детской болезнью – свинкой. Кузнецов, быстро закончив перевязку, знаком показал девушке, чтобы она продолжала работать.

Через полминуты в дверь уже стучали посетители. Открыв, Пауль Зиберт широко развел руками:

– Ба! Кого я вижу! Мартин, Клаус! Хорошо, что заглянули. Всегда рад друзьям!

Началась пирушка. Вдруг обер-лейтенант Мартин заметил на вешалке возле двери в соседнюю комнату женские вещи. Он радостно загоготал:

– Нет, вы только подумайте! У него в гостях дама, а он даже не покажет ее друзьям! Ну-ка приглашайте сюда вашу красавицу!

– Да какая там красавица, – отмахнулся Кузнецов, – родственница моих хозяев, больная. Ну ее, только испортит компанию.

Зиберт как мог старался удержать разошедшихся приятелей, подогретых выпивкой, но ото оказалось невозможным. С грохотом отодвинув стулья, пьяно ухмыляясь, Мартин и Клаус направились к двери в комнату, где работала на рации Валя Казачка. Не спуская глаз с офицеров, Николай Иванович сунул руку в карман брюк и осторожно снял с предохранителя «вальтер», с которым не расставался ни при каких обстоятельствах. Зажав в ладони рукоятку пистолета, прислушиваясь к каждому шороху, замер за кухонной дверью Николай Приходько.

Поначалу Клаус был галантен:

– Быть может, фрейлен будет настолько любезна, что оденется и почтит наш стол своим присутствием?

Валя в ответ только глухо простонала, изобразив на лице гримасу крайнего страдания.

– Ох, зубы, понимаете, зубы.

– Прошу… Про-шу… фрейлен…

У Вали все оборвалось внутри.

– Зубы болят, зубы! Не могу я! – На глаза девушки навернулись крупные слезы.

– Про-о-шу вас… фрейлен…

Еле сдерживая бешенство, Кузнецов с трудом оттащил Клауса от кровати.

– Ну что вы привязались к этой несчастной девчонке? Зачем она нам нужна со своим кислым видом?

Мартин, не такой пьяный, как Клаус, понял, что от плачущей, забинтованной девушки веселья ждать не приходится, поддержал Зиберта и помог увести Клауса.

Лишь через полчаса Николай Иванович под предлогом, что ему утром рано вставать, выпроводил опасных и назойливых гостей. С облегчением вздохнув, прошел в комнату Казачки.

– Все в порядке, Валюта, можешь вставать.

Девушка сидела на кровати и, прижав руку к щеке, продолжала охать:

– Зу-у-бы!

Николай Иванович рассмеялся:

– Они уже ушли. Маскарад окончен. Давай я тебя размотаю.

– Зу-у-бы! Болят! По правде!

У изумленного Кузнецова опустились руки. Случилось, казалось бы, невероятное – у Вали Осмоловой от пережитой опасности и огромного нервного напряжения действительно впервые в жизни разболелись совершенно здоровые зубы!

…Шестнадцать дней работала Валя Казачка в квартире Ивана Приходько, передав за это время по радио много информации для советского командования. Однако оставаться в городе для нее стало опасно. Да и соседка Приходько по дому стала проявлять излишнее любопытство к «невесте» Николая. Валентину отозвали обратно в отряд.

ГЛАВА 7

…Отряд получил новое задание из Москвы. Центр ставил в известность, что по некоторым, пока еще не проверенным данным Гитлер перевел свою ставку куда-то на Украину. Предписывалось в кратчайший срок установить ее точное местонахождение.

У чекистов даже дух перехватило: вот это задание – найти ставку Гитлера! Они понимали, что дело не ограничится лишь нанесением на карту координат волчьего логова. Последуют и какие-то активные действия. Но Украина велика, в каком из ее уголков пребывает сейчас главарь фашизма? К тому же оккупированная республика была искусственно расчленена на четыре части, и даже обычное передвижение в этих условиях создавало для разведчиков немалые трудности, поскольку в каждой из четырех «Украин» имели место свои порядки, документы, деньги.

Волынь, Подолия, Киевщина, Полтавщина, Житомирщина, Днепропетровщина, Запорожье и некоторые другие области находились под управлением рейхскомиссариата Украины с центром в Ровно. Здесь была резиденция Эриха Коха. На местах правили подчиненные ему генеральные комиссары.

Другие западные области Украины были включены в польское генерал-губернаторство с центром в Кракове, где расположил свою резиденцию Ганс Франк. Теперь они назывались «дистрикт Галиция», которым из Львова управляли губернатор Вехтер и вице-губернатор Бауэр.

Земли между Бугом и Днестром, а также Буковину под общим названием «Транснистрия» с центром в Одессе немцы передали своей союзнице – Румынии. Области же Сумская, Харьковская, Черниговская, а также Донбасс из-за сравнительной близости фронта находились под непосредственным управлением гитлеровского военного командования.

Приказ есть приказ, его надо выполнять. И начинать следовало, поскольку дополнительной информации не было, с чисто аналитического определения района, где разместить свою ставку.

Сразу же было высказано соображение, что ставка не находится близ старой, а тем более новой границы – иначе просто не было бы смысла переводить ее из Германии. Следуя той же логике, можно было с не меньшей уверенностью утверждать, что Гитлер не поселится в опасном соседстве с фронтом. Вряд ли могли рассчитывать на успех поиски ставки в районах, охваченных особенно активной партизанской войной.

Примерно так, методом исключения отпадал то один, то другой город, пока, в конце концов, командование отряда не пришло к решению ограничить круг поисков четырьмя географическими пунктами: Ровно, Луцк, Киев, Винница. Разумеется, чекисты не были столь наивны, чтобы полагать, что ставка Гитлера расположена в особняке на центральной улице одного из этих городов. Ее следовало искать в их окрестностях. Безусловно, она тщательно замаскирована и усиленно охраняется.

В первую, очередь, и довольно скоро, из четверки был вычеркнут Ровно. Разведчики отряда Кузнецов, Приходько, Струтинский, Гнидюк, Шевчук и другие к тому времени уже достаточно хорошо изучили «столицу» оккупированной Украины, но ни в самом городе, ни в округе не обнаружили ничего похожего на ставку.

Затем был вычеркнут и Луцк, где находилась резиденция генерального комиссара Волыни и Подолии генерала Шене. Обследовать этот город было уже сложнее, но все же разведчики и его обследовали с достаточной достоверностью. Затем отпал и Киев.

Последней в списке оставалась Винница. Это уже было по-настоящему трудно. Отряд отделяли от нее 450 километров оккупированной территории. К тому же в городе у него тогда не было еще ни базы, ни своих людей. Поэтому заслать в Винницу разведчиков было делом весьма сложным, требующим больших усилий и времени.

Как определить границу, на которой интуиция разведчика переходит в смутную догадку, догадка – в серьезное предположение, а предположение в уверенность? Во всяком случае, трудно сказать точно, на каком из этих этапов в руки командования попал очередной номер издаваемой в Ровно на украинском языке газеты «Волынь». Вообще-то газета попала в отряд далеко не случайно. Этот грязный антисоветский листок, редактируемый известным националистом, предателем украинского народа Власом Самчуком, в штабе читали много внимательнее, чем в гестапо, на чьи деньги он содержался.

Достаточно хорошо известно, что тщательное и проводимое под определенным углом зрения изучение вражеских газет может многое дать разведчику. Самое невинное на первый взгляд сообщение, опубликованное на их страницах, иногда содержит весьма ценную информацию, которую не задержит даже дотошный военный цензор ввиду ее безобидности или общеизвестности. Пресловутая «Волынь» оказала отряду уже не

одну услугу. Не подвела «добрая старая знакомая» и на сей раз. В номере, о котором идет речь, на видном месте было напечатано сообщение, составленное в обычных для националистической прессы льстивых тонах, о том, что на днях в Виннице состоялось представление оперы Вагнера «Тангейзер», на котором присутствовал один из высших гитлеровских военачальников, фельдмаршал Кейтель.

Это не могло не насторожить. В самом деле, что может делать в скромном городе Виннице фельдмаршал Кейтель? Но придавать слишком большое значение этому единичному факту тоже еще не следовало. Кейтель мог оказаться там совершенно случайно, проездом.

Прошло еще некоторое время, и Кузнецов прислал в отряд номер другой газеты, выходившей уже в Луцке и на немецком языке, – «Дойче Украинише цейтунг». В разделе хроники Николай Иванович отчеркнул карандашом сообщение – снова из Винницы! На сей раз концерт артистов Берлинской королевской оперы почтил своим присутствием сам рейхсмаршал Герман Геринг – второе в фашистской империи лицо после фюрера.

Поставленные рядом эти два факта, связанные с одним и тем же городом, который, кстати, удовлетворял всем объективным условиям, что Гитлер, в принципе, мог предъявить к месту нахождения своей ставки, уже звучали многозначительно, но для разведки еще недостаточно убедительно. История разведки знает совпадения совершенно невероятные, какие и нарочно не придумаешь, предельно правдоподобные. Но стоит к ним приглядеться внимательнее, проверить, и обнаружится простая случайность, за которой не кроется решительно ничего стоящего и которая может лишь ввести в заблуждение.

Однако командование теперь имело достаточные основания, чтобы уделять этому городу особое внимание. К тому времени в отряд влилось много бойцов из числа побывавших в фашистском плену красноармейцев. Среди них разыскали несколько человек, в том числе Василия Неудахина, бежавших из лагерей, расположенных либо в самой Виннице, либо неподалеку. По одному их пригласили в штаб. Бойцы рассказали, что, по слухам, где-то под Винницей летом немцы вели большое строительство. «Что там строили, – заявил Неудахин, – никому не было известно. Знаю твердо только одно: послали туда наших несколько тысяч, но в лагеря не вернулся никто. Всех потом расстреляли».

Вот теперь уже разрозненные подозрения образовали некую, хоть и тоненькую, цепочку. Строить какое-либо секретное оборонительное сооружение под Винницей в то время, когда немцы кричали на весь мир о вот-вот грядущей окончательной

победе над большевиками, они вряд ли бы стали. И конечно, всем было ясно, что ставка Гитлера должна быть мощным оборонительным сооружением, способным обеспечить безопасность фюрера и при бомбежках с воздуха, и в случае нападения партизан или заброшенного парашютного десанта.

Все эти подозрения и предположения перешли в почти твердую уверенность после очередного возвращения из Ровно Кузнецова. Николай Иванович вернулся в отряд для доклада. В последнее время он по заданию командования внимательно изучал все, что относилось к личности и деятельности рейхскомиссара Украины Эриха Коха. Это было довольно сложно, потому что Кох появлялся в Ровно лишь наездами, предпочитая в качестве гаулейтера Восточной Пруссии пребывать в основном в Кенигсберге. Кузнецов завязал обширный круг знакомств среди сотрудников рейхскомиссариата. Один из них и обмолвился как-то при нем, что Кох на несколько дней срочно уехал в Винницу. К этому же времени стало известно из совершенно независимых друг от друга достоверных источников о выезде, и тоже срочном, в Винницу из Киева генерального комиссара Магуниа, из Николаева – генерального комиссара Оппермана. Но и это могло оказаться всего лишь совпадением: Кох иногда проводил совещания со своими генеральными комиссарами не в Ровно, а в каком-нибудь другом городе.

Наконец, тот же Кузнецов сделал еще одно сообщение. Его «приятель», сотрудник СД, получил вызов в Житомир к самому рейхсфюреру СС, но не застал его, потому что тот, в свою очередь, был срочно вызван куда-то неподалеку (во всяком случае, не в Берлин) на несколько дней. Всего несколькими словами гестаповец проговорился о многом: петлицы с шитьем рейхсфюрера СС во всей фашистской Германии носил только один человек – Генрих Гиммлер! Его собственная ставка находилась в Житомире, а вызвать куда-либо Гиммлера мог только фюрер – Гитлер. Слово же «неподалеку» вполне подходило к Виннице.

На этом этапе сбора и анализа информации цепь умозаключений уже замыкалась. О простых совпадениях не было и речи. Никто из чекистов отряда больше не сомневался, что ставка фюрера именно в Виннице или поблизости от нее. Оставалось лишь определить ее точное местонахождение, выяснить, что она собой представляет, как охраняется, и тому подобное.

Для решения этих задач окольные пути уже не годились. Нужно было «зацепить» человека, имеющего доступ в ставку или хорошо информированного о ней, – иными словами, взять

«длинного языка», много знающего. А вот как это сделать? И где?

Учитывая «столичное» положение Ровно, легче всего нужного человека можно было разыскать именно в этом городе. Но легкое в разведке далеко не всегда означает лучшее. Брать «языка» в Ровно не стоило по нескольким причинам. Во-первых, вывезти пленника из города было бы очень сложно, во всяком случае, много сложнее, чем взять. Малейший промах ставил бы под удар лучших разведчиков отряда, а только им можно было поручить столь ответственную операцию. Во-вторых, похищение видного офицера или чиновника сразу привлекло бы особое внимание гестапо, неминуемо навело бы на мысль, что в городе действует не только подполье, но и специально заброшенные советские разведчики. Вот почему «языка» следовало взять так, чтобы у немцев не возникло и тени подозрения, кому и для чего он потребовался.

Задачу эту обдумывали долго и тщательно. К решению ее пришли коллективно. Так возникла вначале смутная, а потом разработанная идея подвижной засады, или, как ее предпочитал образно называть Николай Кузнецов, «охота на индюков».

Предстоящая операция была тщательно засекречена. С самого начала «охота на индюков» строилась по плану и определенному расчету. Однако обстоятельства сложились так, что на помощь этому расчету, не исключавшему, впрочем, и элемента случайности, пришла вовремя добытая информация.

…Кузнецов с очередным визитом побывал в Ровно. Имел там несколько встреч с различными лицами из числа сотрудников фашистской администрации. На этот раз он получил задание, кроме сбора обычной информации, обратить особое внимание на любые данные, могущие оказаться полезными для проведения подвижной засады.

Пауль Зиберт – Кузнецов всегда располагал большими суммами денег (об этом заботились специально), и не только оккупационных, но и рейхсмарок. Это обстоятельство в значительной степени обусловливало успех лейтенанта Зиберта в среде фашистских офицеров.

Официально Зиберт числился чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта. Это ведомство открывало своим сотрудникам недоступные для обычных армейских офицеров источники дохода. Поэтому советский разведчик мог себе позволить быть свободным в деньгах так, что это не вызывало подозрений. Набиваться в приятели к Зиберту не считали зазорным не только лейтенанты, но и майоры. Как говорится,

чины чинами, а деньги деньгами.

В числе приятелей Зиберта был ответственный сотрудник рейхскомиссариата Гейнрих, рассчитывавший и сам заработать при содействии лейтенанта. Кузнецов довольно скоро почувствовал его стремление к наживе и умело пользовался им. Как-то Николай Иванович разговорился с Гейнрихом в офицерском казино. Гейнрих говорил с Зибертом в подчеркнуто уважительном тоне, но дал понять, что лейтенант все-таки не использует тех возможностей, которыми мог бы при желании располагать. Кузнецов поинтересовался, что имеет в виду его собеседник. Тот многозначительно ответил: «дружеские связи».

Лейтенант Зиберт не удивился реплике своего собеседника, а лишь, выждав, сколько требовали приличия, осторожно переспросил его, что имеет в виду Гейнрих конкретно. Тот разъяснил, что у него есть друг, весьма влиятельное лицо, по служебному положению связанный со многими высшими офицерами и чиновниками, от которых, в свою очередь, зависят вопросы поставок и снабжения армии. По роду обязанностей это лицо часто бывает в разных городах оккупированной территории.

– Когда вы сможете организовать нашу встречу? – спросил Зиберт с безразличной интонацией (мало кто знал, сколько времени и усилий ушло у него на то, чтобы выработать ее!), ничем внешне не проявив впервые за весь разговор пробудившийся в нем интерес к знакомству с возможным деловым партнером.

Гейнрих ответил, что сейчас его друг после какого-то важного совещания выехал в Киев. Как только он вернется днями в Ровно, Гейнрих их сразу же и познакомит.

– Прямо на вокзале? – рассмеялся Зиберт.

– Зачем на вокзале? Они все едут машинами, встретимся позже у меня.

…На восьмом километре шоссе Винница – Киев на берегу Южного Буга раскинулось село Коло-Михайловка. Если, чуть недоезжая его, свернуть вправо, то окажешься в небольшом сосновом лесу. Издали видны нарядные домики-теремки, примостившиеся на опушке. Большая вывеска по-русски и по-английски сообщает: «Кемпинг». Здесь останавливаются на отдых автотуристы.

На картах этого района можно найти названия и других окрестных сел: Стрижавка, Якушинцы, Калиновка, Павловка, Корделевка, Черепаншицы, Полевая Лысиевка. Обычные украинские колхозные села, каких в республике тысячи.

Необычное путешественник заметит лишь тогда, когда

углубится в Коло-Михайловский лес. Сначала ему попадутся растрескавшиеся остатки асфальтированных дорог, по которым уже давно никто не ездит. Потом он натолкнется на огромные глыбы железобетона, разбитые и искореженные. Встретятся ему разрушенные и обвалившиеся бункеры и подземные переходы, уже поросшие молодым лесом. На всем печать запустения, заброшенности. И хочется поскорее уйти из этого угрюмого места, словно оно проклято…

Резкий, порывистый ветер гнал поземкой сухой, колючий снег. Низко нависло белесое небо. Слабые солнечные лучи скользили по земле, не одаряя ее ни теплом, ни светом.

В такой безрадостный день из леса неподалеку от большого села Рудни Бобровской выехали сразу после полудня пять фурманок. Подпрыгивая и громыхая на ухабах, они направились кружным путем в сторону шоссе Ровно – Киев. На передней фурманке, зябко кутаясь в длинную офицерскую шинель с пелериной, восседал немецкий лейтенант. На шее у него болтался автомат. Слева от пряжки на ремне темнела предусмотрительно незастегнутая кобура парабеллума. Время от времени ругаясь сквозь зубы, офицер яростно оттирал замерзшие уши.

Лейтенант был в колонне единственным немцем. Спутники же его, судя по внешнему виду и манере поведения, принадлежали к той категории лиц, с которыми гитлеровцы хотя и имели дело, но ровней себе не считали, а лишь брезгливо терпели, поскольку обойтись без нее не могли. Это были полицаи, человек двадцать, в большинстве своем молодые мужчины. Одеты кто во что горазд: армейские полушубки, украинские свитки, немецкие шинели, шапки-ушанки, лохматые треухи… Одинаковыми были лишь белые нарукавные повязки – вот и вся полицейская форма. Вооружение – автоматы, винтовки и гранаты.

Свесив с фурманок ноги, стражи «нового порядка» дымно курили самокрутки, горланили песни.

В общем, обычная для тех мест в те времена картина: команда полицаев во главе с немцем-офицером отправляется в какое-нибудь село «наводить порядок» или реквизировать продовольствие для фашистской армии. Случайные встречные при виде колонны поспешно сворачивали в сторону – подальше от беды…

Уже начало темнеть, когда фурманки выехали на шоссе и свернули влево, в сторону Корца. Время от времени, шурша колесами по заснеженному асфальту, мимо колонны в обе стороны проносились грузовики, изредка попадались и легковушки. Если в кабине машины виднелась горбатая офицерская фуражка, лейтенант четким движением вскидывал в

приветствии правую руку.

Сумерки сгустились. Стало еще холоднее. Должно быть, не выдержав мороза, два полицая соскочили с фурманки и побежали вперед, изо всех сил притоптывая сапогами и хлопая рукавицами по бокам. Но, согревшись, обратно на фурманку полицаи не вернулись, а пошли пешком по обочине шоссе один за другим шагах в двадцати впереди первой подводы. Затем еще несколько полицаев соскочили на землю, но эти уже зашагали сзади колонны.

Прошло еще полчаса. И вдруг где-то вдалеке по-комариному высоко и надсадно запел мотор, запрыгали, приближаясь с каждой секундой, огни подфарников еще невидимого автомобиля. Полицаи оборвали песню, полетели в снег недокуренные цигарки. Встрепенулся и невозмутимый до сих пор лейтенант. Оп опустил поднятый воротник шинели, поправил автомат на груди.

Машина вылетела из-за поворота, не снижая скорости. И тут произошло неожиданное. Как только она поравнялась с полицаем, идущим в голове колонны, хлопнул пистолетный выстрел. В следующую секунду второй полицай выхватил из висевшей на боку торбы тяжелую противотанковую гранату и заученным, точным взмахом руки неторопливо, словно на ученье, метнул ее под заднее колесо машины. Словно ткнувшись в невидимую стену, тяжелый «опель» встал как вкопанный. Взрыв взметнул вверх задний мост автомобиля с бешено вращающимися колесами. На какой-то миг «опель» замер на хрустнувшем радиаторе, грузно перевернулся и, сминая кабину, рухнул в кювет. Тускло блеснули полированные бока, и тут же их прошили косые строчки автоматных очередей.

Первым с парабеллумом в руке к дымящейся груде исковерканного металла подбежал лейтенант. Одного взгляда в кабину «опеля» было достаточно, чтобы понять: живых нет. Повернувшись к подбежавшим полицаям, офицер приказал:

– Забрать все бумаги, документы, оружие!

Команда была отдана на… чистом русском языке.

Только-только партизаны успели выполнить распоряжение своего командира, как из-за поворота выскочила никем не замеченная еще одна автомашина с желтыми фарами, положенными только автомобилям начальства. Ее пассажиры, видимо, поняли, что на шоссе засада, потому что автомобиль – многоместный, полубронированный – гнал на полной скорости, не сбрасывая газ. Гулко забарабанили по броне бессильные автоматные и винтовочные пули. И автомобиль ушел бы, если б

не кинулся к фурманке невысокий коренастый партизан. За какую-то секунду он успел сменить диск своего ручного пулемета и выпустить вдогонку машине длинную очередь. Тыркаясь и вихляя из стороны в сторону, автомобиль прокатился метров сто и, въехав одним боком в кювет, замер – запасной диск «Дегтярева» был снаряжен бронебойными патронами.

Из машины хлопнули два выстрела, и наступила тишина. Подбежавшие партизаны обнаружили в кабине убитого наповал шофера и еще несколько трупов. Лишь два офицера, прикрытые, кроме стенки, и бронеспинкой, хотя и потеряли сознание, ткнувшись при внезапной остановке головами обо что-то твердое, но остались живы. Один из них – с подполковничьими погонами – продолжал судорожно сжимать в руке большой желтый портфель.

К этому портфелю и устремился в первую очередь человек в форме немецкого лейтенанта. Последовала новая команда:

– Пленных грузить на фурманки! Все вещи и оружие забрать и уходить!

И тут снова запел автомобильный мотор! Но судьба на сей раз хранила пассажиров этой третьей по счету машины: она успела развернуться и уйти назад, в сторону Киева.

Наступила тишина. Обоих пленных офицеров (второй оказался майором), так и не пришедших в себя, уложили на переднюю фурманку, аккуратно прикрыли сеном, чтобы не замерзли. Через пять минут на шоссе было пусто. Только усилившийся снегопад заносил уходящие в темь лесной чащобы следы партизанских фурманок.

Подвижная засада прошла успешно. Полуброневик, в котором ехали майор граф Гаан и имперский советник связи подполковник фон Раис, подбил пулеметной очередью Жорж Струтинский. В операции участвовали лучшие разведчики отряда: Михаил Шевчук, Николай Струтинский, Николай Гнидюк, Петр Дорофеев, Алексей Глипко, Сергей Рощин, Николай Бондарчук, Иван Безукладников, Валентин Семенов, Виктор Семенов, Николай Приходько и другие.

Обыскивая подбитый полуброневик, один из участников подвижной засады, Николай Гнидюк, нашел пистолет «вальтер». К его удивлению, «вальтер» оказался лишним, так сказать, «бесхозным». Пистолеты Раиса и Гаана были на месте – в кобурах. Не успели вынуть оружие и убитые гитлеровцы, обнаруженные в машине. Между тем налицо был лишний пистолет, в обойме которого не хватало двух патронов, а на рукоятке были заметны следы свежей крови.

«Вальтер» вызвал всеобщий интерес. Пистолет действительно был необыкновенным. Его рукоятка вмещала не одну, а две

обоймы – четырнадцать зарядов, расположенных в шахматном порядке.

Этот «вальтер» в дальнейшем чуть было не привел к очень тяжелым для Николая Ивановича последствиям…

Долго петляли и кружили, путая следы, партизаны по лесу, пока не добрались до Кудринских хуторов, где жила семья связанного с отрядом местного жителя, польского патриота Вацлава Жигадло. Приказав разместить пленных в разных комнатах дома и выставив вокруг хутора охрану, Николай Кузнецов разрешил всем участникам подвижной засады отдыхать до утра. Наскоро перекусив, улегся спать и сам.

К допросу взятых офицеров Кузнецов приступил утром, досконально продумав наперед тактику своего поведения. Николай Иванович решил допрашивать пленных в немецкой форме. Во-первых, чтобы привести их в состояние наибольшей растерянности; во-вторых, чтобы лишний раз проверить, насколько удачно получается у него роль гитлеровского офицера.

Кузнецов начал с графа Гаана, раненного осколками в голову, ноги и руку. Он вошел в горницу, где лежал майор, вытянулся, как это положено по уставу в присутствии старшего по званию, и представился:

– Лейтенант Пауль Зиберт.

Не веря собственным глазам, граф в изумлении уставился на хорошо выбритого, подтянутого соотечественника.

– Что все ото значит? Где я нахожусь? Кто вы такой? – истерически закричал он.

– Вы в плену у советских партизан, господин майор.

– Вы предатель! Вы нарушили присягу и предали фюрера!

Зиберт пожал плечами.

– Будьте благоразумны, господин майор. Я пришел к выводу, что война проиграна и Гитлер ведет Германию к национальной катастрофе. Вы должны это понимать не хуже меня. Я решил служить русским и советую вам, как коллеге и соотечественнику, не упрямиться, быть откровенным.

Гаан продолжал неистовствовать, и Зиберт прекратил допрос. Наступила очередь имперского советника связи подполковника фон Раиса – его допрашивали в другой комнате. Подполковник, крупный рыжеволосый мужчина с лицом, носящим следы дуэлей, тоже ни на секунду не усомнился, что имеет дело с настоящим немецким офицером, и тоже осыпал Кузнецова упреками в государственной измене.

Допросы продолжались. Кузнецов был терпелив. Его воля и упорство оказались сильнее отмалчивания пленных. День ото дня Райе и Гаан делались разговорчивее и наконец стали давать

показания.

На Кудринские хутора из отряда был срочно командирован радист Виктор Орлов, прошедший в Москве до заброса в тыл врага специальную подготовку. На хутор он прибыл переодетый в форму полицая, снабженный соответствующими поддельными документами, в сопровождении еще двух таких же «полицаев», Сергея Рощина и Николая Киселева, – для охраны.

Виктор Орлов присутствовал на всех основных допросах Раиса и Гаана лейтенантом Зибертом. Много лет спустя он вспоминал:

«После каждого допроса Николай Иванович сосредоточенно обдумывал, обобщал материал, переписывал и отдавал мне для шифровки и передачи в отряд. На рации я работал в большой комнате хаты, на глазах у пленных. Допрос продолжали пять дней. Было получено много ценных сведений, а также была расшифрована захваченная в портфеле у Раиса топографическая карта, на которой были нанесены все пути сообщения и средства связи гитлеровцев на территории Польши, Украины и Германии. С помощью этой карты было обнаружено местонахождение ставки Гитлера под Винницей…

Все эти сведения были срочно переданы по рации в отряд, а некоторые – непосредственно в Москву».

Среди толстой пачки секретных документов, оказавшихся в заветном желтом портфеле, особое внимание Кузнецова привлекла уже названная топографическая карта. Вряд ли надобно объяснять почему. Эта карта представляла огромный интерес и ценность для советского командования… В ходе допросов Гаан и Райе постепенно дали к ней подробные объяснения. Упорно молчали лишь об одном: что означает красная линия, начинающаяся между селами Якушинцы и Стрижавка близ Винницы и оканчивающаяся в Берлине.

– Государственная тайна, – упорно твердили оба офицера.

Но на третий или четвертый день Райе нехотя процедил:

– Это секретный подземный бронированный многожильный кабель.

– Для чего его проложили? – спросил Кузнецов. – Для прямой связи Берлина с Якуншинцами.

– Когда?

– Летом.

– Кто прокладывал?

– Русские пленные, двенадцать тысяч.

– Где они сейчас?

Подполковник отвел глаза…

– Отвечайте на вопрос! – повысил голос Кузнецов. Давясь

словами, Райе еле слышно пробормотал:

– Их ликвидировали… Был секретный приказ… Служба безопасности…

Кузнецов, взяв себя в руки, продолжал допрос:

– Если я вас правильно понял, подполковник, проложен специальный кабель, чтобы фюрер в Берлине мог в любой момент переговорить по прямому проводу с этой деревушкой… Как ее – Якушинцы?

– Наоборот, – хмуро буркнул Райе. – Чтобы фюрер из Якушинцев мог говорить с Берлином.

– Как прикажете вас понять?

Безнадежно, как человек, которому уже нечего терять, Райе ответил:

– В Якушинцах находится полевая ставка фюрера.

– Расскажите о ней подробнее, – потребовал Кузнецов.

– Подробностей не знаю, – отрицательно покачал головой Райе. – Мое дело только связь. Об остальном спрашивайте Гаана.

За несколько дней пребывания в плену с графа Гаана слетела вся его первоначальная спесь. Он рассказал обо всем, чего не знал Райе.

По словам майора, ставка была расположена в двух километрах от села Коло-Михайловки, в роще, в двухстах метрах восточнее шоссе Винница – Киев. Севернее ставки большой стратегический аэродром для прикрытия с воздуха. Но пролетать над ставкой строго запрещено даже немецким самолетам.

Сама ставка представляет собой последнее слово инженерно-фортификационной техники. Условное кодированное название – объект «Вервольф» («Оборотень»). Раньше называлась «Дубовый дом». Все сооружения возводила организация «Тодт» при участии фирм «Феррenганте арматурен гезелынафт», «МВН», «Мангейм», «Галас», «Нейман» и другие. Кроме немецких специалистов, были еще голландцы, чехи, поляки.

Бункер главной квартиры фюрера, бомбоубежища, службы находятся глубоко под землей. Стены и потолки из железобетона толщиной в три-пять метров. Все сооружения обнесены густой стальной сеткой высотой в два метра, на метр сетка заглублена в землю. Кроме сетки, несколько рядов колючей проволоки, через которую пропускается электрический ток. Заборы оборудованы электросигнализацией.

Гаан говорил долго. Кузнецов быстро записывал каждое его слово.

…Под лесом с северной стороны – электростанция. Сооружены две радиостанции, водокачка, водопровод. Для

фюрера построен одноэтажный кирпичный дом. Снаружи, для маскировки, он обложен сосновыми бревнами. Из дома ход в подземное бомбоубежище из железобетона. Перед домом оборудован специальный бетонный бассейн и разбит цветник: фюрер очень любит цветы…

Все постройки выкрашены в темно-зеленый цвет. Над сооружениями посажены деревья – сосна, граб, дуб. Их привезли из Черного леса и Винницкого городского парка. На территории сооружены также три мощных железобетонных дота. Рядом со ставкой посадочная площадка для связных самолетов.

Около аэродрома в Калиновке – штабс-квартира рейхсмаршала Геринга.

Кроме Берлина, «Вервольф» связан подземными кабелями с Киевом, Харьковом, Днепропетровском, Ростовом и Житомиром, где расположена полевая ставка рейхсфюрера СС Гиммлера. Вокруг леса тридцать шесть наблюдательных вышек… В пяти километрах от леса с трех сторон замаскированы батареи противотанковых орудий, с четвертой стороны, помимо батарей в лесу, вдоль линии железной дороги Калиновка – Винница постоянно курсирует бронепоезд. В лесу и вокруг леса в бараках размещены войска СС внутренней охраны ставки. Через каждые двести метров – специальные секретные заставы. Установлен строжайший режим. Все посторонние лица, узнавшие что-либо о ставке, подлежат немедленному расстрелу. Местных жителей проверяет и фильтрует специальная группа гестапо – СД Даннера… Вся охрана подчинена начальнику имперской службы безопасности при ставке обергруппенфюреру СС, генералу войск СС Роттенхуберу. Он подчинен непосредственно рейхсфюреру Гиммлеру.

Тайна объекта «Вервольф» перестала существовать. Подробная информация о местонахождении ставки Гитлера поступила в Москву.

Мощные удары Красной Армии, уже разгромившей немцев в Сталинграде и перешедшей в решительное наступление, вынудили Гитлера перевести свою полевую ставку из-под Винницы в район города Растенбурга в Восточной Пруссии (ныне территория Польской Народной Республики), где она получила уже новое кодированное название – «Вольфшанце» («Волчье логово»).

Но Гитлер не забыл и о «Вервольфе». Винницкие подпольщики, связанные с отрядом, видели Гитлера в 1943 году, когда он приезжал на совещание командования Восточного фронта. Это совещание проходило на территории…

психиатрической лечебницы.

…Закончив допрос пленных офицеров, Николай Кузнецов в сопровождении Михаила Шевчука, Николая Гнидюка, Николая Струтинского и Виктора Орлова направился в Ровно. Ехали на санях, застланных ковром и запряженных парой добрых рысаков. За кучера – Николай Приходько. Кузнецов и Приходько были в немецкой форме, Орлов – в форме полицая.

На рассвете приехали в Здолбуново, остановились на квартире братьев Шмерег. В тот же день Струтинский и Гнидюк раздельно ушли в Ровно, а Приходько и Шевчук отправились в ближайшее село, чтобы, по указанию Кузнецова, обменять сани на бричку: в лесу сани были хороши, но в городе уже наступала ранняя весна. На квартире Шмерег Кузнецов встретился с местными подпольщиками и передал им взрывчатку, в которой здолбуновцы остро нуждались.

Обменная операция «сани – бричка» завершилась успешно, и в тот же вечер Кузнецов, Шевчук, Приходько и Орлов выехали в Ровно, спрятав под сиденьем рацию и оружие.

Перед въездом в город бричку остановил патруль фельджандармов, но документы лейтенанта Зиберта подозрений или сомнений не вызвали.

В Ровно остановились в доме Ивана Приходько. Виктор Орлов потом вспоминал:

«Квартира находилась на втором этаже, и со двора к ней вела открытая крутая лестница с перилами по одной стороне. Первым стал подниматься Шевчук, за ним – Николай Иванович, а за Николаем Ивановичем – я с чемоданами в руках. И тут едва не стряслась беда: я споткнулся о ступеньку и, пытаясь удержаться, лицом и коленями уткнулся в ступеньки. Лишь чудом я удержался, не загремел вместе с чемоданами вниз. Кузнецов обернулся и на немецком языке закричал на меня.

В квартире, помогая мне разбирать чемоданы, Николай Иванович сказал: «Здорово я тебя отчитал, но ничего, так надо было, ведь во дворе находились люди».

Беда могла действительно стрястись: если бы Виктор уронил чемодан с рацией, нежные радиолампы почти наверняка вышли бы из строя.

По указаниям Кузнецова Орлов провел несколько сеансов связи с отрядом. Но потом обстановка в городе снова усложнилась: участились облавы, на улицах то и дело поголовно проверяли документы, появились машины с радиопеленгаторами.

Кузнецов, оценив создавшуюся обстановку как угрожающую, принял решение временно всей группой покинуть Ровно. Несколько дней разведчики пережидали на Кудринских хуторах, а

затем снова вернулись в Ровно, оставив на месте Орлова. Рацией Кузнецов больше пользоваться не мог, пришлось снова обратиться к помощи связных.

Нежданная беда пришла 22 февраля: выполняя задание командования, героически погиб в неравном бою Николай Приходько, всеобщий любимец, один из лучших разведчиков отряда, человек чрезвычайного мужества и высоких душевных качеств.

Узнав о гибели Николая, Кузнецов ходил сам не свой – за месяцы совместной работы он по-настоящему привязался к своему связному и товарищу, на которого полагался во всем, как на самого себя. Особенно удручало его, что погиб Приходько на пути к нему, Кузнецову… И как рассказать о случившемся, какими словами передать горестную весть сестре и брату Николая?

И не мог, не хотел поверить, что больше никогда не увидит своего молодого товарища живым. И вспоминал, вспоминал, вспоминал…

Самой броской чертой характера Николая Приходько была, пожалуй, горячность.

Частенько бывая по делам разведки в городе или окрестных селах, Приходько с болью видел, что творили гитлеровцы. В одной из деревень Николай стал свидетелем, как молодежь угоняли в рабство, в Германию. Голосили женщины, плакали дети. А полицаи, здоровые, сытые, сгоняли прикладами мобилизованных, хлестали плетями беззащитных людей. И Николай не выдержал… Раздвинув толпу плечом, он подошел к старшему полицаю.

– Что здесь происходит?

Полицай с удивлением оглядел стоящего перед ним рослого хлопца и сквозь зубы пробурчал:

– Не бачишь? Людей забираем до неметчины. А ты сам-то кто такой?

– Кто такой? А вот я сейчас представлюсь!

Старший полицай и ахнуть не успел, как Приходько схватил за шиворот и стукнул лбами двух его подчиненных так, что они рухнули на землю, как мешки с песком, а у третьего вырвал автомат и крикнул:

– Ни с места! Бросай оружие!

Потрясенные столь решительными действиями, полицаи, хоть их и было пятеро, послушно подняли руки.

– А теперь пошли вон отсюда! – скомандовал Приходько. – Да быстрее, пока я не передумал.

Когда в село явились разведчики, шедшие следом за

Приходько, они увидели своего товарища в окружении горячо благодаривших его крестьян.

Но Николаю было не до благодарностей, он чувствовал, что провинился. Нарушил приказ: разведчику, идущему на задание, никак нельзя ввязываться в подобные дела. И когда возвращались в отряд, Приходько попросил товарищей, чтобы они ничего не говорили о случившемся. И, быть может, Медведев никогда не узнал бы об этом происшествии, если бы не отнятое у полицаев оружие. Как того требовал партизанский закон, его пришлось сразу же сдать хозяйственникам.

Тут-то Николая и вызвал командир.

– Откуда принес оружие?

Приходько замялся.

– Я спрашиваю: где ты достал эти винтовки и автомат?

Краснея и смущаясь, Николай рассказал, как было дело.

Некоторое время Медведев не говорил ни слова, глядя в упор на переминавшегося с ноги на ногу разведчика.

– Как же ты мог? – строго сказал наконец Дмитрий Николаевич. – Как ты мог совершить такое при выполнении важного задания? Ты знал, что стрелять нельзя?

– Так ведь я ни разу и не выстрелил!

– Все равно не должен был ни с кем связываться.

Тут Приходько взорвался:

– Не мог я, товарищ командир!

Медведев иронически сказал:

– Вы поглядите на него! Внимательно поглядите. Оказывается, мы все, наши товарищи могут терпеть и не трогать фашистов, если идут на задание, а вот он, Николай Тарасович Приходько, никак не может этого делать. Он, видите ли, ненавидит оккупантов и предателей больше чем мы…

Приходько вздохнул:

– Так я…

– Подожди! – остановил его Медведев. – Ты вдумайся: безрассудный риск может провалить любую операцию. Трезвый расчет – вот что отличает разведчика. Кроме того: рискуя собой, ты рискуешь и товарищами. Делом рискуешь! Понял? Сейчас иди…

Медведев посмотрел вслед Приходько, который вышел из землянки, огорченный сделанным ему внушением, и сказал:

– А все-таки замечательный парень! Конечно, он не полностью согласился с моими доводами. Но не сомневаюсь, что этого с ним больше не повторится.

Николай Приходько был основным связным Кузнецова. На фурманке, велосипеде, а то и просто пешком он мотался из Ровно

на «маяк», а зачастую и прямиком в отряд с пакетом от Кузнецова и обратно.

Велика была его радость побыть хоть недолго среди товарищей по оружию. Коля веселился как ребенок. Он «спивал» свои родные украинские песни, смеялся, слушал занятные партизанские байки. Но вот приходило время возвращаться. Тут Приходько преображался. От беспечности и веселья не оставалось и следа. Он молча выслушивал приказ, принимал пакет и отправился в опасный путь – подтянутый, спокойный, настоящий разведчик.

Николай Приходько никогда не просил отложить задание, дать отдохнуть лишний денек. Всегда, днем и ночью, в непогоду, в любых условиях – Приходько был готов к активным действиям против врага.

Его не очень-то удовлетворяла осторожная и кропотливая, хотя и полная опасностей, работа разведчика-связного. Мечтал Коля о боях, о рукопашных схватках, о диверсиях под носом у врага – в общем обо всем, в чем мог проявиться его открытый, рвущийся наружу темперамент. Встречаться с фашистами в открытом бою и уничтожать их – вот о чем только и думал партизанский богатырь.

Свои обязанности связного Коля выполнял образцово, Дорожил доверием боевых товарищей и старался его оправдать. Но если представлялась возможность повоевать – тут уж Приходько не упускал случая.

В начале 1943 года в лагере ожидали разведчиков, вызванных из Ровно и с «маяка». Предстояла важная операция, и в ней немалая роль отводилась тем, кого с минуты на минуту ждали, – Кузнецову, Приходько, Гнидюку, Шевчуку, Николаю и Жоржу Струтинским и другим.

Время шло, а разведчиков все не было. В штабе чрезвычайно волновались. Что могло случиться? Попали в засаду? Вступили в бой с карателями?

Решили ждать до утра, а затем идти на розыски.

В три часа ночи пришел дежурный. С трудом сдерживая радостную улыбку, он доложил, что разведчики прибыли в лагерь. Через несколько минут Кузнецов докладывал. Вот что произошло.

Разведчики уже собирались покинуть «маяк», на котором они сделали привал, когда стало известно, что начальник людвипольского гестапо Вебер, известный своими зверствами, собрался ехать в отпуск в Германию. Вместе с этим палачом отправлялось несколько подвод с награбленным добром. До станции подводы сопровождали жандармы. Вебер должен был

выехать следом на машине.

Кузнецов, принявший на себя командование над разведчиками, рассудил, что такой случай упустить жаль. Связываться с отрядом и получать разрешение провести операцию времени не оставалось.

Короткий военный совет с товарищами – и Кузнецов принял решение лично познакомиться с Вебером и его охраной. Тем более что однажды Веберу уже повезло. Группа партизан под командованием Владимира Фролова и Валентина Семенова совершила налет на Людвиполь. Было уничтожено много гитлеровцев, освобождены заключенные из местной тюрьмы, захвачены трофеи и взято большое количество зерна, предназначенного для отправки в Германию. Зерно партизаны, разумеется, вернули крестьянам, у которых оно было реквизировано. При налете был убит и гебитскомиссар Людвиполя Браун, но начальник гестапо сумел бежать.

Партизаны устроили засаду возле шоссе Людвиполь – Костополь. Испанец Гросс заложил мину натяжного действия. Конец тщательно замаскированного шнура держал в руке Коля Приходько.

Ждать пришлось долго.

Наконец за перелеском послышались автоматные очереди, показались густые клубы черного дыма. Это горела соседняя деревня…

Что случилось? Неужели Вебер решил устроить прощальную иллюминацию?

Прошел еще час, и со стороны пожарища показалось десятка два фурманок в сопровождении эсэсовцев в черных шинелях, жандармов, полицейских.

Видимо, Вебер узнал о готовящейся засаде и выслал карателей. Они-то и подожгли по дороге деревню.

Когда передние подводы поравнялись с Колей Приходько, он дернул шнур. Взрыв и огонь партизанских автоматов прогремели одновременно. В коротком, но ожесточенном бою разведчики разгромили гитлеровцев. На этот раз Вебер не ушел от возмездия.

– Коля Приходько был похож на богатыря, – рассказывал Кузнецов, обнимая за плечи товарища.

А сам Коля сидел у костра, смущенно опустив голову. Он всегда стеснялся, когда о нем рассказывали. И всегда старался в таких случаях сказать, что он стрелял наравне со всеми.

– А вот Николай Васильевич, вот Коля Струтинский, вот Миша Шевчук – вот те да!

– Ну ладно уж, ладно, не скромничай! – улыбнулся Медведев. – Видишь, все-таки бывают случаи, когда и разведчику

можно подраться! Доволен?

– Доволен, товарищ командир.

…Утром 22 февраля, попрощавшись с товарищами и пожелав им по-боевому отметить День Красной Армии, Приходько с важным пакетом для Кузнецова на подводе отправился в Ровно. Под сеном были спрятаны автомат и гранаты. Как всегда, Коля ехал в город под видом лестного жителя. Документы его были вне подозрений. Казалось, и на этот раз все обойдется благополучно. Но такова доля разведчика: смерть всегда за плечами. И никогда он не знает, в какой момент она нанесет Удар…

Кузнецов так и не дождался Приходько. Не дождались его и в отряде. А днем до Николая Ивановича в Ровно дошли слухи, что у села Великий Житень какой-то человек, может местный, а может и партизан, вступил в неравный бой с немцами, и хотя он сам погиб, но уничтожил и много гитлеровцев.

Спустя некоторое время ровенские товарищи рассказали, что им удалось узнать от очевидцев.

Примерно в десяти километрах от Ровно Приходько остановил патруль из двенадцати фельджандармов.

– Стой! Куда едешь?

Коля протянул документ. Жандарм внимательно проверил его, отдал обратно и сказал:

– Можешь ехать.

Но один из жандармов решил проверить содержимое подводы и запустил руку под сено, где у Коли было спрятано оружие. Опередив жандарма, Приходько выхватил автомат и дал по фашистам длинную очередь. Несколько фельджандармов упали на землю. Остальные, пригибаясь, кинулись за угол амбара и открыли по Николаю стрельбу. Приходько был ранен в левую руку. Стегнув по лошадям, он погнал в Ровно.

Показались дома села Великий Житень. Главное – проскочить село, а там уже до города рукой подать. Там знакомые улицы и переулки, там спасение! Лишь бы в город!

Но у Великого Житня его уже поджидал грузовик, набитый немецкими солдатами в боевой готовности – и стальных касках, с ручными пулеметами и автоматами. Телефонное предупреждение обогнало разведчика.

Завидев повозку Приходько, гитлеровцы без предупреждения открыли огонь. Раненый вторично, Коля бросил повозку и спрыгнул в придорожную канаву. Огонь его автомата ударил по грузовику. Пули прошили борт. Еще несколько убитых фашистов вывалилось в придорожную грязь.

Но бой был неравный.

И когда уже опустел автоматный диск, а в пистолете остался

лишь один патрон, Коля прикрепил пакет к гранате и метнул ее в подползающих все ближе и ближе врагов. Последнюю пулю Николай оставил себе…

Президиум Верховного Совета СССР 26 декабря 1943 года посмертно присвоил Николаю Тарасовичу Приходько звание Героя Советского Союза.

Николай был в городе своим человеком, и командование справедливо опасалось, что немцы его опознают, установят личность, арестуют родственников – и в первую очередь Ивана Приходько, нащупают следы к подполью в Ровно. Поэтому, чтобы не рисковать, группе Кузнецова было дано указание на время выехать из города. Вначале Николай Кузнецов, Михаил Шевчук, Николай Гнидюк и Николай Струтинский перебрались в Здолбуново. Но выбраться из города на сей раз оказалось неожиданно трудно: в начале марта раньше обычного вскрылась Горинь. Единственный мост через нее тщательно охранялся, а кружной путь превышал триста километров.

На квартире Шмерег Николай Иванович спросил одного из здолбуновских разведчиков, Петра Бойко, нельзя ли нанять какого-нибудь шофера, чтобы тот отвез его группу хотя бы за мост, в ближайший населенный пункт. Бойко, подумав, сказал:

– Работает здесь бывший военнопленный Леонтий Клименко. Шофер. Человек он замкнутый, но верный, наш, советский. Может быть, попросить его?

Другого выхода не было.

Клименко принял предложение Бойко охотно. На следующее утро Шевчук, Струтинский и Гнидюк подошли к условленному месту. Возле старенькой полуторки возился худой человек лет тридцати. Гнидюк назвал пароль:

– В каком направлении следует машина?

– В сторону Гощи, а там видно будет…

Разведчики взобрались в кузов. Тут же из-за угла показался Кузнецов в форме и сел в кабину. Клименко растерялся – этого он, конечно, не ожидал. Но немец только кивнул головой: «Трогай, мол…»

По пути полуторку раза три останавливали патрули, но, завидя в кабине офицера, беспрепятственно пропускали ее дальше. Переехав мост, машина вырвалась на шоссе. Через час-полтора Кузнецов знаком показал Леонтию, что нужно остановиться. Разведчики сунули шоферу деньги и быстро зашагали к лесу.

Клименко стоял подавленный, ему было стыдно, что он вез партизан за деньги. Правда, Бойко не говорил ему, что это будут партизаны, он просто договаривался о «левой» поездке, но

Клименко сам обо всем догадался. Вечером Леонтий пришел на квартиру Бойко, вернул ему обратно весь заработок и категорически потребовал принять его в подполье. Так в отряде появился новый разведчик и связной.

На хуторах разведчики соединились с остальными участниками подвижной засады. Теперь им всем вместе предстояло вернуться в отряд. Выехали на пяти фурманках, ночью переправились через реку Случь и в селе Хотынь напоролись на банду националистов. Силы были неравны: партизан всего двадцать три, а бандеровцев свыше ста пятидесяти. Завязался бой. Николай Иванович принял на себя командование и, судя по результатам схватки и рассказам ее участников, проявил себя настоящим строевым командиром.

Разведчики отразили первый натиск бандеровцев, а затем с возгласами: «За Родину!», «За Колю Приходько!» сами бросились в контратаку. Потеряв несколько человек убитыми, бандиты бежали. Семнадцать бандеровцев оказались в плену…

ГЛАВА 8

К весне 1943 года Ровно стал для Пауля Вильгельма Зиберта («произведенного» к тому времени в отряде в обер-лейтенанты) вполне обжитым городом. Он располагал в нем и хорошими квартирами, и многими знакомствами. Наконец, у него появилась в Ровно невеста. Невеста Зиберта, разумеется, была партизанского происхождения.

…Как-то еще осенью 1942 года группе разведчиков было поручено установить связи в районном центре Клесово, где находился постоянный и довольно значительный гарнизон. Там и познакомились они с работником Клесовского лесничества Константином Ефимовичем Довгером.

Довгер был немолод, до революции он закончил в Петербурге Лесной институт и, хотя большая часть его жизни прошла в Польше, никогда не забывал о России. Константин Ефимович с радостью стал собирать и передавать в отряд информацию. Постепенно отцу стала помогать семнадцатилетняя дочь Валентина. Но совместная их работа длилась недолго. В марте 1943 года Константин Ефимович Довгер попал в руки врагов. Его избивали, подвергали пыткам. Он молчал. Тогда его живого затолкнули в прорубь…

Вскоре командование решило послать Валю в Ровно. При этом учтено было и знание ею немецкого языка, и наличие у семьи Довгеров в городе знакомств. Для нее была разработана легенда, что отца, немца-фольксдойче, за активное содействие оккупационным властям убили партизаны. По той же легенде, Валентина должна была считаться невестой Пауля Зиберта. Во многих отношениях это было очень удобной ширмой для Кузнецова.

День ото дня круг знакомств обер-лейтенанта Зиберта продолжал расширяться. И каждое новое лицо в нем было чем-то нужно, чем-то полезно. Среди них оказался и некий Леон, сотрудник немецкой строительной фирмы «Гуго Парпарт». Леон предложил Зиберту пойти с ним в гости к одной его знакомой – пани Леле, у которой, по его словам, иногда собирается интересное общество. Когда Леон назвал и полное имя своей знакомой – Лидия Лисовская, Кузнецов пришел в некоторое замешательство.

Дело в том, что о Лидии Ивановне Лисовской в отряде знали. Впервые о ней рассказал пришедший к партизанам бывший военнопленный Владимир Грязных. После освобождения из плена он работал при кухне лучшего в Ровно ресторана «Дойчегофф»,

где и познакомился с Лисовской, в то время работавшей там же старшей официанткой.

В ресторане было известно, что она вдова капитана польской армии, чуть ли не графа, что она закончила Варшавское балетное училище и консерваторию, что до войны ее даже приглашали сниматься в Голливуд, что в бытность офицерской женой она брала призы в состязаниях по стрельбе и верховой езде. Все это льстило посетителям.

Своих многочисленных поклонников она не отталкивала, но умела, что называется, держать их на почтительном расстоянии. Похвастаться сколь-либо серьезным успехом у нее никто не мог, но некоторые из постоянных посетителей заслужили у нее право приходить в гости, иногда даже – с ее разрешения – приводить друзей-офицеров, оказавшихся в Ровно проездом с фронта или на фронт. Так постепенно в ее квартире в доме № 15 по улице Легионов составилась компания, где бывал и Леон. Учитывая, что местные жители сидели на скудном оккупационном пайке, гости сами приносили вино и закуску. Вечеринки проходили весело, однако никто никаких вольностей себе не позволял.

Лисовская была очень хороша: лет двадцати пяти с виду гибкая, стройная фигура спортсменки, большие серые глаза, пышные волосы цвета спелой ржи. С другими официантками она близко не сходилась. Ей откровенно завидовали, называли за глаза гордячкой, но побаивались – знали, что в обиду она себя никому и никогда не даст. По-настоящему Лидия дружила только со своей двоюродной сестрой Марией Микота, или, как ее обычно называли, Майей. Мария тоже была красавицей, но совсем в другом роде: живая, худощавая, с темными длинными волосами и необычного разреза зелеными глазами. Жили они вместе. Лидия держалась с сестрой, как с ровней, хотя Майя была намного моложе – ей не исполнилось еще и восемнадцати. Майя тоже работала в каком-то кафе «нур фюр дойче» – «только для немцев», но почти каждый день забегала к Лидии в «Дойчегофф» и, разумеется, принимала участие во всех вечеринках.

То, что сестры поддерживают с немцами дружеские отношения, не могло, конечно, вызывать к ним особых симпатий. Но Владимир Грязных и некоторые его товарищи, также присоединившиеся к отряду, настойчиво утверждали, что Лидия Лисовская человек хороший. В доказательство приводили следующее: Лисовская, не слитком жаловавшая своих коллег-официанток и никогда не заискивавшая перед администрацией ресторана, по их словам, хорошо относилась к работавшим на кухне нескольким бывшим военнопленным. (В первый период оккупации гитлеровцы освободили из лагерей некоторое число

рядовых военнопленных украинской национальности, демонстрируя «освобождение» Украины от «московского ига». Это был пропагандистский ход, быстро распознанный населением, рассчитанный на то, чтобы разжечь вражду между двумя братскими советскими народами – русским и украинским.)

Грязных говорил, что Лидия не любит оккупантов, но умело скрывает это. Она сама служила в начале второй мировой войны в польской армии медсестрой и еще в тридцать девятом году нагляделась на фашистские зверства. Она рассказывала, что ее муж, польский офицер, попал в плен к немцам и был ими расстрелян. Лисовская натолкнула Грязных на мысль уйти в лес к партизанам; она якобы даже пожалела, что, скованная семьей, не может этого сделать сама.

Все это представляло молодую женщину уже в другом свете, и командование поручило Гнидюку найти повод для знакомства с Лисовской. Ему это удалось, и вскоре он стал регулярно бывать у нее дома, разумеется, в качестве пана Яна Багинского. Гнидюк приглядывался к ней долго, пока не убедился, что Лидия Ивановна и в самом деле ненавидит гитлеровцев. Тогда он ей раскрылся… Лисовская была ошеломлена, узнав, что расторопный и разбитной спекулянт пан Янек – советский партизан, но предложение о сотрудничестве приняла без тени колебаний, как только пришла к заключению, что ее не провоцируют. Так же охотно, даже с радостью, предоставила себя в распоряжение командования отряда и Майя Микота.

Забегая вперед, следует сразу сказать, что обе сестры за полтора года оказали поистине бесценные услуги советской разведке.

Информация, имеющая военное и политическое значение, стекалась в дом по улице Легионов словно сама собой, без каких-либо видимых усилий со стороны его молодых хозяек. Гитлеровские офицеры и чиновники, столь охотно проводившие здесь свое свободное время, не только пили и танцевали. Они еще и говорили. Одни меньше, другие больше. О всякой всячине, о чем угодно. Вспоминали эпизоды из фронтовой жизни, рассказывали анекдоты, жаловались на служебные неприятности, хвастались успехами и продвижениями, поругивали не слишком высокое начальство, сплетничали о сослуживцах.

Среди этих разговоров проскальзывали отдельные фразы, позволяющие судить о передвижениях войск, настроениях, перемещениях и прочем, представляющим интерес для советской разведки.

В отряде информация выверялась, анализировалась, сравнивалась со сведениями, полученными из других источников,

шифровалась, превращалась в бесстрастные колонки цифр и передавалась за линию фронта – в Центр.

О том, что с отрядом связана некая Лидия Лисовская, знал и Кузнецов, но то, что она и Леля, с которой его собирался познакомить Леон, одно и то же лицо, он не подозревал. Вся история могла быть простым совпадением, но все же – кто его знает! Гнидюк не раз встречался с тем же Леоном у Вали Довгер, но никогда не видел его у Лисовской. Во всяком случае, до полного выяснения всех обстоятельств и с Леоном, и с Лисовской держаться Зиберту следовало осторожно.

…Пока Зиберт представлялся другим гостям, Леон успел шепнуть Лисовской, что обер-лейтенант вообще-то фронтовик, но сейчас после ранения служит по хозяйственно-заготовительной части, и по этой причине денег у него – куры не клюют.

Зиберт понравился. И умением держаться в обществе, и спокойным, но общительным характером, и – главное – щедростью.

Зиберт стал своим человеком в доме по улице Легионов. Так как постоянной квартиры в Ровно он не имел, ибо по роду службы должен был много разъезжать, то попросил Лидию сдать ему одну из трех комнат, чтобы иметь какое-то собственное пристанище в городе; при этом он добавил, что хозяев не стеснит, поскольку фактически будет пользоваться комнатой лишь по нескольку дней в месяц. Лисовскую это вполне устраивало – все равно комендатура могла в любой момент поселить у нее какого-нибудь офицера, к тому же бесплатно. Она согласилась.

Между тем по указанию командования Кузнецов и Гнидюк провели дополнительную проверку Лисовской. Несколько раз Зиберт, симулируя сильное опьянение, рассказывал Лисовской о некоторых выдуманных им от начала и до конца, но внешне весьма правдоподобных секретных мероприятиях властей. И Лидия с абсолютной точностью слово в слово передавала все услышанное от Зиберта Николаю Гнидюку. Как-то она украла у Зиберта крупную сумму денег и до последней марки передала Гнидюку – на нужды партизан. Тот, естественно, доставил их в отряд. Так пачка немецких денег, описав круг, вернулась туда, откуда поступила в обращение.

Лисовская сообщила командованию, что ей и Майе предложено (в достаточно категоричной форме) стать… секретными сотрудницами службы безопасности и регулярно информировать СД и гестапо о настроениях и разговорах в офицерской среде. Так ровенское СД обзавелось новыми сотрудницами, работой которых впоследствии всегда было довольно.

Сняв у Лисовской комнату, Кузнецов, естественно, получил возможность приглашать к себе гостей по собственному выбору. И вот однажды в один из приездов Зиберта в Ровно на квартире Лисовской собралась офицерская компания…

Разговор за столом шел об очередном наступлении, о грядущей близкой победе, о новом секретном оружии, которое, по слухам, в корне изменит ход войны в пользу Германии.

– О! Лично я нисколько не сомневаюсь, что новое оружие, плод германского гения, свершит чудеса, – поддержал интересную тему и Зиберт. – Могу это засвидетельствовать хотя бы на таком, сравнительно незначительном примере. Недавно я был в командировке в Берлине, и там мне подарили пистолет совершенно оригинальной новой конструкции. Вы только представьте: четырнадцатизарядный «вальтер» с великолепным боем. Не угодно ли полюбоваться, господа?

С этими словами Кузнецов вынул пистолет из кобуры и поднял над столом для всеобщего обозрения. Послышались возгласы. Только инженерный капитан со шрамом на руке не разделял любопытства остальных офицеров.

– Ну, не очень-то зазнавайтесь, – сказал он. – У меня еще раньше, чем у вас, был точно такой же «вальтер». Был, да сплыл при довольно трагических обстоятельствах.

– Расскажите, гауптман, – послышалось со всех сторон.

– Что ж, если угодно. Как вы все помните, господа, бандиты совершили нападение на машину, в которой ехали в Ровно из Киева подполковник фон Райе и граф Гаан. Я находился в той же самой машине…

Когда случилась вся эта история, при мне как раз был такой «вальтер», что нам демонстрирует обер-лейтенант Зиберт. Я отстреливался, убил кого-то, но сам был ранен в руку и выронил пистолет в снег. Каким-то чудом мне единственному удалось выбраться из машины и раньше, чем к ней подбежали бандиты, укрыться в лесу. И, поверите ли, господа, я до сих пор помню номер этого пистолета – 46710.

Кузнецов уже понял, какой промах он совершил. Он взглянул на пистолет, который продолжал держать на ладони – на синей вороненой стали рядом с фирменными знаками отчетливо читались цифры 46710. Стоило кому-нибудь из соседей попросить дать пистолет в руки, чтобы посмотреть поближе, – и провал неизбежен. Даже если он успеет перестрелять всех присутствующих, пока они поймут, в чем дело (зарядов четырнадцать – хватит), из Ровно ему придется уйти навсегда… И все же Кузнецов сумел мгновенно найти единственный, удивительно точный психологически ход, чтобы исправить

ошибку. Он медленно поднес пистолет к глазам, делая вид, что внимательно разглядывает цифры на металле, и переспросил:

– Какой, вы назвали, был номер вашего «вальтера»?

– 46710, – повторил капитан.

– Тогда я сдаюсь, – с добродушной улыбкой произнес Николай Иванович. – У моего номер больше. Значит, вы действительно владели таким замечательным пистолетом раньше, чем я…

И спокойно спрятал злополучный «вальтер» обратно в кобуру.

Квартира Лисовской во всех отношениях оказалась удобной для разведки. Здесь также хранилось небольшое количество оружия, боеприпасы, деньги. Однажды это чуть не стоило Лидии жизни.

Немцы регулярно устраивали в Ровно, как, впрочем, и на всей оккупированной территории, повальные обыски и облавы. Пришли однажды и к Лисовской. Провал казался неизбежным, решение нужно было принимать немедленно, и Лидия нашла его: ослепительно улыбнувшись, она пригласила руководившего обыском молодого офицера присесть на диван. Пока жандармы шарили по всем закоулкам квартиры, Лидия кокетничала с их командиром. Вот один из солдат потянулся было к круглой шляпной картонке на шкафу. Лисовская вскочила с места, выхватила из картонки шляпку и со смехом натянула ее на голову растерявшегося солдата. Не удержавшись, офицер рассмеялся и махнул рукой, давая знать, что обыск закончен.

Пересмеиваясь, гитлеровцы ушли, а Лидия, вконец обессиленная, опустилась на стул. В картонке, под шляпкой, был мешочек с пистолетными патронами. В диване, на котором она сидела с офицером во время обыска, лежали пистолеты, ручные гранаты, деньги…

Обер-лейтенант Зиберт вызывал у Лисовской сложные, двойственные чувства. Временами ей казалось, что этот немец непохож на остальных, хотя дать себе определенный ответ, чем именно, не могла. Да, довольно симпатичный, образованный, культурный, отнюдь не обычный тыловой хам. Но она ни на минуту не забывала, что он фашист, удостоенный высоких наград, ворвавшийся с оружием в руках на ее землю.

В конце концов Лисовскую охватила и день ото дня завладевала ею все настойчивее мысль отравить своего постояльца. Гнидюк отговаривал ее, убеждал, что поступок этот не даст никакой пользы и может лишь привести к провалу квартиры, но Лидия уже не была подвластна никаким резонам. Над головой обер-лейтенанта Зиберта неожиданно собрались

тучи. И Кузнецов и Гнидюк знали: Лисовская такой человек, что действительно себя не пожалеет, отравит, коль решила.

Обсудив сложившуюся, угрожавшую жизни разведчика ситуацию, командование позволило Кузнецову открыться Лисовской, тем более что оно располагало полученными из Центра данными, неизвестными ни Кузнецову, ни Гнидюку, а именно: Лидия Ивановна была связана с советской разведкой еще до войны. Известен был и ровенский адрес Лисовской, и старый чекистский пароль для установления связи с ней: «Привет от Попова».

Командование, однако, не спешило сразу устанавливать связь с Лисовской, вначале потому, что не было надобности, а потом сочло нужным еще раз проверить ее. За почти два года жизни в оккупированном городе с человеком могло случиться всякое.

Кузнецову сообщили пароль, и теперь он лишь выжидал удобного повода, чтобы назвать его своей хозяйке. Вскоре такой случай представился. Это произошло в дни, когда разведке стало известно о предстоящем приезде в Ровно одного из ближайших приспешников Гитлера, имперского министра и виднейшего нациста, «теоретика» фашистской партии Альфреда Розенберга.

Учитывая высокое положение Розенберга в «третьем рейхе», командование разрешило Кузнецову подготовить в случае возможности акт возмездия и придало ему в помощь одного из лучших разведчиков отряда – Валентина Семенова. Одновременно и независимо от Кузнецова готовился к покушению и пан Болек – Михаил Шевчук. Шевчук вместе с разведчиком Петром Ершовым должен был сбросить мину, замаскированную под действующий патефон, на машину Розенберга с балкона одного из домов на углу улицы Дойчештрассе, где, по их предположению, должен был проехать рейхсминистр.

Валентин Семенов был отправлен в Ровно вместе с Кузнецовым под именем Владимира Крестнова в форме солдата вспомогательных частей вермахта, формируемых из бывших военнопленных.

Этот худощавый, но очень выносливый парень нравился Кузнецову своей непосредственностью, искренностью, находчивостью и не знающей никакого предела личной храбростью, уже не раз доказанной в боях. К тому же Семенов был секретарем комсомольской организации отряда.

До Ровно Кузнецов и Семенов добрались без особых приключений, их останавливали раза два патрули, но, не обнаружив в документах ничего подозрительного, беспрепятственно пропускали дальше. В городе пути разведчиков

уже не совпадали: Николай Иванович отправился на деловую встречу, а Валентин – прогуляться, чтобы познакомиться с расположением улиц, известных ему до сих пор лишь по плану. Гулял он часа три, дисциплинированно козыряя всем встречным офицерам и особенно старательно унтерам и жандармам.

На город уже опустились сумерки, когда разведчики встретились в условленном месте.

– По одному, я впереди, пойдем сейчас в один дом, – сказал Николай Иванович, – там меня знают как немецкого офицера; поэтому, если столкнемся, делай вид, что со мной незнаком. Будешь ждать меня на улице; если все в порядке, я выйду на балкон и закурю. Тогда и ты поднимайся, спроси Лидию Ивановну. Она приметная – красивая блондинка. Назовешь ей пароль: «Меня зовут Володя, я от Николая».

Затемненные улицы были тихи и безлюдны. Лишь время от времени мрачное безмолвие нарушали гулкие шаги патрулей. Порой глаза разведчиков ослепляли лучи жандармских фонариков, однако на всем пути к улице Легионов их ни разу не остановили – в это время, еще не слишком позднее, немцы обычно проверяли документы на право хождения по городу лишь у местных жителей, своих не задерживали.

Когда подошли к дому Лисовской, уже наступил комендантский час. Кузнецов поднялся на крыльцо, а Валентин встал за выступом соседнего дома так, чтобы, оставаясь невидимым с улицы, самому видеть балкон. Прошло минут десять. Слева из-за угла послышались тяжелые, размеренные шаги, заплясал по мостовой светло-желтый круг света. Снова патруль. Валентин прижался спиной к стене, стараясь слиться со спасительной темнотой. Когда они шли уверенно по улицам вдвоем – немецкий офицер в сопровождении вооруженного винтовкой солдата, – то являли обычное для оккупированного города зрелище, ни у кого не вызывающее никакого подозрения. Но сейчас совсем другое дело, объяснить патрулю, что он здесь делает один, без пропуска, солдат вспомогательных частей Владимир Крестнов не сумел бы.

Патруль прошел совсем рядом. Семенов почувствовал даже едкий запах солдатских сапог, дешевого табака и казенного белья – неистребимый запах казармы. Ну что же там Грачев?

Наконец скрипнула дверь, и на балконе дома напротив показался человек, без фуражки, в расстегнутом мундире. В руке его то разгорался, то затухал огонек сигареты. Офицер несколько раз глубоко затянулся, потом загасил сигарету о парапет, швырнул окурок вниз и вернулся в комнату.

Значит, все в порядке. Убедившись, что, кроме него, на улице

никого нет, Валентин направился к крыльцу. На негромкий стук отворила красивая блондинка. При виде незнакомого солдата спросила удивленно по-немецки:

– Что вам нужно? Вы к господину обер-лейтенанту?

Валентин покачал головой и ответил по-русски:

– Нет, если вы Лидия Ивановна, то я к вам.

– Лидия Ивановна – это я…

– Меня зовут Володя, я от Николая.

На какое-то мгновение Лисовская растерялась, но тут же взяла себя в руки. Конечно, этот парень из отряда пришел не вовремя, когда в доме был Зиберт, но не оставлять же его на улице. Она быстро втянула Валентина в прихожую, предупредила, что в квартире немецкий офицер, велела в случае расспросов выдавать себя за ее племянника из Здолбунова.

В гостиной послышался шум отодвигаемого кресла, и чей-то голос, в котором Семенов никогда не признал бы голоса Кузнецова, недовольно спросил по-немецки, в чем дело. Лисовская сухо ответила, что к ней приехал племянник. Потом она провела Валентина в маленькую комнатку с постелью при кухне, принесла еды и молока. Он поставил в угол винтовку, сунул под матрас пистолет и пару гранат, сбросил с ног сапоги и расположился как дома. Только сейчас Семенов понял, как устал за целый день хождения по городу, полному опасностей, под прикрытием лишь гитлеровской формы и поддельных документов.

Валентин Семенов прожил на квартире Лисовской несколько дней и почти не встречался с хозяйкой. Уходил он по разведывательным делам утром, возвращался часто к ночи и всегда находил на тумбочке возле кровати приготовленный заботливой рукой ужин. Однажды в кухню, где Валентин непринужденно разговаривал с Майей, неожиданно вошел Зиберт. Осмотрев юношу с ног до головы, спросил на ломаном русском языке:

– Ты есть племянник Льели? Карашо… – И ушел. Потом в кухню вбежала взволнованная Лисовская.

– Володя, ты понравился немцу, он хочет, чтобы ты позавтракал с нами. Отказываться нельзя, но будь осторожен, он очень подозрителен, не так слово скажешь, сразу прицепится.

Семенов вошел в столовую, представился, щелкнув каблуками. Обер-лейтенант кивнул ему головой и жестом разрешил присесть к столу. Семенов без аппетита жевал яичницу с ветчиной – каждый кусок словно застревал у него в горле, настолько мало немец, сидевший напротив него за столом, имел общего с хорошо знакомым ему Грачевым, товарищем по отряду.

Перевоплощение было столь разительным, что, когда Зиберт, дождавшись, чтобы Лисовская вышла на кухню за кофе, обратился к Семенову по-русски, тот вздрогнул.

Семенов не понял нотки тревоги, явственно промелькнувшей в интонации Кузнецова:

– Сегодня откроюсь, не могу больше мучить человека.

Кузнецов волновался не зря. Интуитивно он чувствовал, что его признание вызовет у Лидии сильнейшую психологическую реакцию, и не только положительного свойства. Отношения, сложившиеся между работающей на немцев старшей официанткой «Дойчегоффа» и офицером гитлеровской армии Паулем Зибертом, предстанут перед ее глазами в совсем ином свете, как только Лисовская узнает, что этот офицер тоже свой…

Валентин ушел на задание. А Кузнецов еще долго сидел за столом, курил сигарету за сигаретой. Наконец, когда оттягивать объяснение было уже некуда, сказал, стараясь держаться как можно непринужденнее, хотя на душе его скребли кошки:

– Да, Лидия, я совсем забыл, что должен передать вам привет.

Лисовская неприязненно передернула плечами:

– Вы знаете, Пауль, что большинство ваших друзей я терпеть не могу…

Кузнецов улыбнулся.

– Надеюсь, что получить привет от этого человека вам будет приятно. – И, глядя прямо в глаза Лисовской, отчетливо произнес: – Привет от Попова.

Они говорили по-немецки. Но последние три слова обер-лейтенант Зиберт сказал на чистом русском языке.

…Поздним вечером в комнатку Валентина вошла Лидия. Вид у нее был утомленный и подавленный. Присел на табуретку, она тихо спросила:

– Володя, ты знаешь, кто такой Грачев?

– Знаю, – испытывая непонятное смущение, ответил Семенов.

– И когда сюда пришел, уже знал?

– Знал, Лидия Ивановна. Грачев – наш разведчик.

Лисовская недвижимо сидела, обхватив голову обеими ладонями, уткнув локти в колени. Потом встала, почему-то вздохнула грустно, машинально провела рукой по волосам Валентина и, не молвив больше ни слова, тихо вышла.

Утром Николай Иванович спросил Семенова, умеет ли тот кататься на велосипеде. Бывшему студенту института физкультуры вопрос показался даже смешным. Конечно же, он умел. А в чем дело?

– А в том, что я не умею. Будешь меня учить, понял?

Валентин ничего не понял, но задавать лишние вопросы не стал.

Кузнецов ушел и через час вернулся с отличным велосипедом. Пошли. Валентин вел велосипед за руль по обочине дороги. Он ничего не мог понять, пока они не достигли лужайки, пересекаемой речушкой. Поодаль за высоким забором виднелся особняк, занимаемый рейхскомиссаром Украины Эрихом Кохом.

Здесь они разделись. Аккуратно уложили на траву мундиры, оружие, ремни. Кузнецов сделал несколько энергичных приседаний, чтобы размять мышцы, потом сказал:

– А теперь учи, и повнимательнее. Понял?..

Теперь-то Семенов уже все понимал.

Это было не учение, а мука. Кузнецов оказался на редкость бестолковым учеником. Он поминутно падал, руль упорно отказывался повиноваться его неумелым рукам, седло уезжало куда-то вбок, ноги срывались с педалей. Первые успехи стали намечаться лишь через полчаса, когда две пары зорких глаз внимательно осмотрели все подступы к особняку, все складки рельефа, все необходимые ориентиры.

Занятие велосипедистов прервало появление патруля жандармов с собаками. Старший патруля – фельдфебель – было набросился на них с руганью, но, заметив офицерский китель с серебряными погонами и орденами, сразу сбавил тон, извинился, однако попросил господина обер-лейтенанта удалиться, потому что в этом месте купаться, загорать, кататься на велосипеде не разрешалось.

Кузнецов и Семенов не стали спорить с жандармами; соблюдая достоинство, они оделись и ушли, им все равно делать здесь уже было нечего. В памяти у каждого достаточно прочно запечатлелся план территории, занимаемой личной резиденцией господина рейхскомиссара Украины Эриха Коха.

Ночь прошла спокойно, а утром разведчики разошлись, договорившись, что встретятся днем в конспиративной квартире на Грабнике – северо-восточной окраине Ровно. Чтобы попасть туда, Валентин должен был миновать самое оживленное и многолюдное в оккупированном городе место – базар. Подходя улицей Франко к толкучке, он еще издали увидел немецкого офицера, внимательно разглядывающего прохожих. Семенову это не поправилось, но сворачивать в сторону было уже поздно, и вообще у разведчика успело выработаться правило: при встрече с офицером или жандармом идти прямо на него и четко, но не вызывающе приветствовать. И действительно, до сих пор в подобных случаях его еще никто не останавливал и документы не проверял. Но на этот раз Валентину не повезло: немец окликнул

его и властно потребовал документы.

Семенов протянул офицеру удостоверение личности, увольнительную и… тогда только узнал под козырьком низко надвинутой фуражки серые глаза Кузнецова. Зиберт быстро просмотрел его бумаги и еле слышно, не шевеля губами, шепнул:

– На Грабник не ходи, квартира провалена, там засада гестапо. Встретимся у Лисовской, вечером.

Валентин спрятал документы в карман, почтительно козырнул и зашагал в обратную сторону. Вечером у Лисовской он узнал, что Кузнецов, рискуя навлечь на себя подозрение, около часа поджидал его возле базара, что-бы перехватить и предупредить о засаде, о которой ему самому стало известно совершенно случайно.

Судьба хранила рейхсминистра Розенберга – поездка его по улицам украинского города Ровно не состоялась, отпали, следовательно, и все планы покушения на него. Семенов вернулся в отряд.

Между тем в доме № 15 по улице Легионов продолжалась обычная жизнь. Все так же собиралась компания, менялись только время от времени посетители: одни уезжали, другие приезжали. И вот однажды в гостиной появился высокий офицер лет двадцати восьми, в черном эсэсовском мундире. Его темные, уже редеющие волосы разделял безукоризненный косой пробор. Светлые глаза смотрели умно и настороженно.

Остановившись на секунду перед Зибертом, он слегка наклонил голову и представился:

– Штурмбаннфюрер[4] фон Ортель.

Зиберт, приветливо улыбаясь, встал и пожал протянутую ему твердую руку. Об этом эсэсовце он уже слышал от многих, в том числе и от его подчиненной – Майи Микота, и давно искал встречи с ним.

ГЛАВА 9

Шоссе Киев – Львов одна из главных магистралей Украины. Прямое и довольно широкое, оно на 320-м километре от столицы республики вдруг ныряет в низину, а через два километра так же внезапно взмывает вверх, Здесь-то и устроился небольшой украинский город с названием вроде бы даже неуместным для этого места – Ровно. Сохранилось его выразительное описание, относящееся к концу прошлого века:

«Если вы подъезжаете к местечку с востока, вам прежде всего бросается в глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшение города. Самый город раскинулся внизу над сонными, заплесневевшими прудами, и к нему приходится спускаться по отлогому шоссе, загороженному традиционной „заставой“. Сонный инвалид лениво поднимает шлагбаум, – и вы в городе, хотя, быть может, не замечаете этого сразу. Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками… Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кряхтит, вздрагивая под колесами, и шатается, точно дряхлый старик…»

Конечно, и тогда в городе были и другие достопримечательности, кроме тюрьмы, – например, укрытое в глубине двора вековыми деревьями и декоративным кустарником красивое двухэтажное здание с шестью колоннами по фронтону. Особняк – одна из достопримечательностей города, некогда здесь была губернская гимназия, в которой учился и автор приведенных выше горьких строк – знаменитый писатель Владимир Галактионович Короленко. Сейчас в здании и примыкающих к нему более скромных постройках партийные учреждения области.

В наши дни улица, где стоит дом с колоннадой, носит имя Калинина. Но в годы оккупации она называлась иначе, по-немецки, – Шлоссштрассе, а в самом старом особняке размещались рейхскомиссариат Украины и личная резиденция рейхскомиссара Эриха Коха.

Улица (сильно, конечно, как и все Ровно, изменившееся с короленковских времен) справедливо считалась одной из лучших в городе, поэтому почти все дома на ней были заселены высшими чинами фашистской администрации и офицерами. Ровенцы старались на Шлоссштрассе не появляться, разве что только по вызову РКУ. В этом случае в качестве пропуска им служила повестка с точным указанием дня и часа явки. Просто так, без дела пребывание на Шлоссштрассе было опасным; в любой

момент жандарм или гестаповец в штатском мог проверить документы и потребовать объяснить причину появления близ рейхскомиссариата.

31 мая 1943 года к двум часам после полудня к зданию РКУ подкатил экипаж, запряженный норовистым рысаком. Из экипажа вышел пехотный обер-лейтенант. Судя по «Железным крестам» обоих классов и значкам ранений, – заслуженный фронтовик. Протянув руку, он помог сойти на землю своей спутнице – худенькой сероглазой девушке, на вид лет восемнадцати.

Их уже ждали – от решетчатых ворот навстречу, приветливо улыбаясь, шел другой офицер, с погонами гауптмана. Все трое поздоровались, потом гауптман обернулся к кучеру – молодому черноглазому парню – и приказал заехать во двор.

Парень явно удивился – простым городским извозчикам заезжать за решетку не полагалось. Но приказание он, разумеется, выполнил.

Между тем оба офицера и девушка уже входили в комнату охраны. Гауптман подошел к вытянувшемуся эсэсовцу и тоном человека, привыкшего чувствовать себя здесь хозяином, властно спросил:

– Пропуска для обер-лейтенанта Зиберта и фрейлен Довгер готовы?

Пропуска были в полном порядке. Единственное, чего не понял эсэсовец, почему какого-то обер-лейтенанта встречает еще у ворот адъютант рейхскомиссара гауптман фон Бабах.

Но у фон Бабаха, как всякого адъютанта большого начальства – человека влиятельного, были достаточные основания содействовать получению обер-лейтенантом Паулем Вильгельмом Зибертом и его невестой фрейлен Валентиной Довгер частной аудиенции (крайне редкая честь!) у рейхскомиссара Украины и гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха.

…Знакомство гауптмана фон Бабаха и обер-лейтенанта Зиберта произошло случайно, так, по крайней мере, полагал гауптман. Причем познакомил их, офицеров, обыкновенный обер-ефрейтор. Если только можно считать обыкновенным такого обер-ефрейтора, который свободно посещал ресторан «Дойчегофф», куда вход нижним чинам был строго заказан. Это исключение объяснялось тем, что обер-ефрейтор Шмидт занимал единственную в своем роде должность дрессировщика собак для рейхскомиссара Коха. Обер-ефрейтор, служивший в специальной воинской части подполковника Шиллинга, считался отличным дрессировщиком. В «Дойчегоффе» его и приметил Кузнецов, понявший, что Шмидт может для него оказаться человеком весьма полезным.

Но о прямом, непосредственном знакомстве не могло быть и речи: офицер немецкой армии никак не мог первым подойти с этой целью к нижнему чину. Чинопочитание в вермахте носило абсолютный характер и нарушение его расценивалось как серьезный проступок. Это относилось не только к младшим, но и к старшим по званию.

Следовало искать окольных путей, и такой путь неожиданно нашелся. Дело в том, что Шмидт состоял в близких отношениях с некой довольно смазливой и весьма расторопной молодой особой по имени Ядвига. На ее содержание уходило почти целиком жалованье обер-ефрейтора и до последней марки все побочные доходы. По счастливой случайности Ядвига оказалась ближайшей соседкой по дому Каминских и почти ежедневно забегала к жене Яна Эмме по какому-нибудь пустяковому поводу или так, поболтать. Более того, довольно регулярно, по крайней мере раз в неделю, к Каминским заходил в гости и сам Шмидт. Выпивая, он жаловался Яну, что из-за пассии у него набралась куча долгов и вообще он боится, что Ядвига его бросит, лишь только он перестанет удовлетворять ее бесконечные прихоти.

Эмма, выполнявшая отдельные поручения Зиберта – Кузнецова, и познакомила его со Шмидтом и Ядвигой – в домашней обстановке у общих знакомых это было вполне естественно и, главное, допустимо. Знакомство произошло так просто, что Кузнецову даже стало обидно за время и усилия, потраченные уже на поиски подходов к Шмидту.

Николай Иванович не представлял себе еще полностью, как именно сумеет он использовать Шмидта и сумеет ли вообще, но одной из главных целей его деятельности в Ровно был Кох, и он шел к этой цели настойчиво и методично, не упуская ни крупинки информации, ни единого полезного контакта.

Слабое место Шмидта – деньги! – большого секрета не представляло, и оно было незамедлительно использовано. Зиберт несколько раз ссужал обер-ефрейтора не слишком значительными, но для того существенными суммами, почти тут же переходившими к энергичной Ядвиге, которой Эмма Каминская своевременно сообщала, что у ее кавалера завелись деньги.

Разумеется, давать деньги обер-ефрейтору просто так, из любезности, было нельзя, это вызвало бы подозрения. И Кузнецов нашел отличный предлог: он попросил дрессировщика приобрести для него и выучить щенка с хорошей родословной. Тот с радостью согласился. Получалось, что переданные ему деньги были вроде как бы авансом за будущую собаку. Обычная сделка, не более… Все внешне прилично, что и требовалось

обоим ее участникам. Особенно Кузнецову.

В результате Шмидт оказался в полной зависимости от щедрот обер-лейтенанта.

Незаметно Зиберт выяснил, что профессия дрессировщика собак (несмотря на очевидные успехи в этом деле) вовсе не по душе Шмидту, она свалилась на него, так сказать, случайно, вообще же он тяготеет к постоянной спокойной службе. И тогда обер-лейтенант намекнул, что может предложить обер-ефрейтору (после войны, конечно) хорошее место в своем имении в Восточной Пруссии. Шмидт был на седьмом небе от счастья – ни о чем подобном он и мечтать не смел. «Я служил в лучших домах и умею угодить господам», – заверял он Зиберта.

Обер-ефрейтор теперь не только зависел от обер-лейтенанта в денежном отношении, он был ему бесконечно предан как будущему хозяину – после победы над Россией. При каждой встрече Шмидт считал отныне своим долгом непременно рассказать Зиберту все последние слухи и новости, циркулировавшие в рейхскомиссариате. Часто эти сведения не представляли никакой ценности, но иногда заслуживали внимания.

Шмидт смертельно боялся быть убитым партизанами, поэтому он жадно ловил каждое оброненное в его присутствии слово о «бандитах» и карательных экспедициях против них. И сообщал обо всем «своему» обер-лейтенанту. Как-то он рассказал Зиберту, что его знакомый сотрудник СД жаловался ему, что девяносто девять процентов схваченных партизан отказываются давать показания, несмотря на чудовищные истязания и посулы сохранить жизнь в обмен на информацию.

Шмидт, хотя и числился формально в части подполковника Шиллинга, но, как дрессировщик собак Коха, непосредственно подчинялся его адъютанту. Поскольку овчарки никого, кроме Коха и Шмидта, не признавали, дрессировщик всегда должен был находиться под рукой фон Бабаха. В результате между гауптманом и собаководом (они, кстати, оказались и земляками) сложились довольно своеобразные отношения, которые позволили Шмидту познакомить фон Бабаха с Зибертом – разумеется, по желанию последнего.

Фон Бабаху Зиберт понравился, хотя в глубине души, гауптман, как многие тыловики, завидовал «Железным крестам» обер-лейтенанта.

– Будь у меня ваши заслуги, – откровенно признался он как-то Зиберту, – я бы не терялся и сделал настоящую карьеру.

Зиберт в ответ только скромно улыбнулся. Он прекрасно понимал, что его боевая репутация в глазах адъютанта искупается

лишь некоторой наивностью, если не простоватостью, которая проявлялась хотя бы в том, что он весьма успешно разыгрывал роль человека, вовсе не стремившегося к военной карьере.

Несмотря на принятый им покровительственный тон, фон Бабах вынужден был несколько раз занять у Зиберта деньги. Видимо, свои служебные возможности сам он использовал не очень удачно.

Подобно обер-ефрейтору Шмидту, фон Бабах оказался в конце концов перед необходимостью или вернуть долги, или как-то иначе отблагодарить своего нового друга. А для этого он располагал лишь одним достоинством – серебряными аксельбантами адъютанта Коха.

Кузнецов видел, что раз от разу фон Бабах испытывает все более сильное чувство неловкости, и ждал лишь, когда это чувство достигнет кульминации. И дождался. Момент этот счастливо совпал с обстоятельством, действительно потребовавшим от Кузнецова обратиться за содействием к гауптману.

В мае 1943 года «невеста» Зиберта Валентина Довгер получила, как и сотни других ровенских девушек, повестку ведомства Заукеля о мобилизации на работы в Германию – проще говоря, об угоне на фашистскую каторгу. Конечно, можно было забрать Валю в отряд, но ее внезапное исчезновение могло навлечь подозрение на «жениха», то есть обер-лейтенанта Зиберта, что было совершенно недопустимо. Решили, что Зиберт обратится за помощью к фон Бабаху. Кузнецов не сомневался, что гауптман сделает все от него зависящее, но это «все» оказалось много сложнее, чем представлялось на первый взгляд. Однако именно эта сложность и породила у командования определенный замысел…

– Сам по себе я, к сожалению, предпринять теперь, когда повестка уже вручена, ничего не могу, разве что недели на две оттянуть отъезд фрейлен Валентины, – сказал фон Бабах Зиберту. – Отменить уже отданное распоряжение может только Кох. Однако если фрейлен Довгер действительно, как вы говорите, фольксдойче и вы заинтересованы в этом, то я могу устроить, чтобы рейхскомиссар ее и вас принял. Может быть, он и отменит в виде исключения мобилизацию вашей невесты.

Сейчас Коха в Ровно нет, он уехал в Берлин на похороны погибшего в автомобильной катастрофе давнего товарища по партии старого борца – «альте кампфер» – Лютце, начальника штаба штурмовых отрядов. Но днями он вернется, тогда я и доложу ему ваше заявление, но только дайте мне заранее все нужные бумаги.

Фон Бабах всегда сдерживал свои обещания, во всяком случае, если это ему было выгодно. 25 мая Кох вернулся в Ровно, 26 мая Шмидт передал фон Бабаху заявление Вали, а уже вечером 30 мая через нарочного пришло уведомление, что рейхскомиссар Эрих Кох примет обер-лейтенанта Пауля Зиберта и фрейлен Валентину Довгер в своем кабинете в рейхскомиссариате.

Трудно представить, какие минуты пережил бы гауптман фон Бабах, если бы ему стало известно, что по приказу своего подлинного командования обер-лейтенант Зиберт, он же советский разведчик Николай Иванович Кузнецов, должен использовать предоставленную ему частную аудиенцию для уничтожения кровавого палача украинского и польского народов, личного друга фюрера Эриха Коха.

Уничтожение Коха намечалось давно. Первоначально в отряде предполагалось даже произвести налет на РКУ группы бойцов, переодетых в немецкую форму, под командованием обер-лейтенанта Зиберта. Для участия в нападении были отобраны партизаны Лева Мачерет, Борис Харитонов и другие, владевшие немецким языком. Они готовились к этому, часами маршировали на поляне близ лагеря, распевая знаменитую солдатскую песню «Лили Марлен». Но потом от этого плана отказались, поскольку он не гарантировал успеха и мог привести к большим потерям.

…В кобуре на поясе Пауля Зиберта лежал заряженный «вальтер» на боевом взводе: разведчик долгими часами учился в лесу стрелять из него не целясь, навскидку. На козлах экипажа, поджидавшего его у подъезда, восседал Николай Гнидюк. Под козлами – автомат, ручные гранаты. Несколько прохожих, оказавшихся случайно в этот час на Шлоссштрассе, были отнюдь не случайными. Михаил Шевчук, Василий Галузо, Николай Куликов, Жорж Струтинский и другие разведчики должны были прикрыть отход Николая Ивановича.

Волновался ли Кузнецов в ночь накануне того самоотверженного акта, который ему предстояло совершить? И да и нет. Да, потому что понимал, как отзовется по всей Украине его выстрел, сколько патриотов поднимет он на новую борьбу с оккупантами. Нет, потому что он так ждал этого дня, столько раз представлял, как все произойдет, что теперь испытывал своего рода облегчение. Известное разочарование он пережил как раз в апреле, на параде по случаю дня рождения Гитлера, когда не смогло состояться покушение на Коха из-за его отъезда в Кенигсберг.[5]

Что будет с ним после?.. Не загадывал. Понимал, что уйти живыми из особняка после выстрела он и Валя вряд ли сумеют. Знал, что верные товарищи вступят в отчаянный бой за их

спасение, но сам он должен рассчитывать на худшее. Да, Кузнецов знал, на что идет, идет добровольно, и был готов выполнить свой долг. Каждый день тысячи советских солдат отдавали свои жизни во имя свободы, независимости и самого существования Родины. Он тоже солдат.

В назначенное время аудиенция состоялась – канцелярия рейхскомиссара отличалась скрупулезной точностью. Обер-лейтенант Зиберт был принят Кохом. Провел полчаса в его кабинете. И – не смог уничтожить гитлеровского наместника. Охрана Коха оказалась столь тщательно продуманной, что исключала возможность покушения, во всяком случае, выстрела из пистолета.

Как только Зиберт вошел в кабинет и после приветствия по молчаливому знаку рейхскомиссара сел на стул для посетителей, за спиной его выросли два эсэсовца, готовые схватить при малейшем подозрительном движении. Третий эсэсовец стоял напротив, за креслом Коха, еще два – за портьерами больших окон. На полу, возле самого стула, лежали настороже две громадные овчарки, на совесть выученные обер-ефрейтором Шмидтом. Такой сильной охраны Кузнецов не ожидал. А Валя, Валя, которую вызвали к рейхскомиссару первой (Зиберт же полагал, что их введут в кабинет вместе) не смогла предупредить его ни словом, ни знаком. Она не успела сделать и шага обратно из кабинета в приемную, как дежурный офицер-эсэсовец тут же вызвал Зиберта.

Почтительно, но с достоинством отвечая на безразличные, ленивые вопросы коренастого рыжеватого человека о усиками под фюрера, облаченного в коричневый нацистский мундир, он лихорадочно перебирал и тут же отвергал все возможные варианты. Стрелять нельзя, даже руку к карману за платком поднести не позволят, – перехватят телохранители, разорвут овчарки.

С горечью разведчик вынужден был смириться с неудачей.

Позже, вернувшись в отряд, Николай Иванович говорил, что, знай он заранее об обстановке, в которой Кох принимал посетителей, он убил бы все же рейхскомиссара, пожертвовав собственной жизнью. Мог бы сделать это, например, взорвав спрятанную на теле мину или противотанковую гранату.

Впоследствии Дмитрий Николаевич Медведев писал:

«Несостоявшееся покушение вызвало в штабе отряда целую бурю споров. Разговоры шли вокруг одного вопроса: была ли, в конце концов, у Кузнецова возможность убить Коха? То, что это было делом невероятной трудности, ни у кого не вызывало сомнений. В кабинете гаулейтера все было рассчитано на

невозможность покушения. И овчарки и телохранители прошли, надо думать, немалую тренировку, прежде чем попали в этот кабинет. Был какой-то математически точный расчет в том, как были расставлены люди и собаки, как стоял стул, предназначенный для посетителей, – математически точный расчет, не допускавший никаких случайностей.

И все же какая-то доля возможности успеха могла быть. И нашлись товарищи, которые прямо ставили в упрек Николаю Ивановичу его благоразумие, осторожность, нежелание рисковать при незначительных шансах на удачу…

Разумеется, никому не приходило в голову сомневаться в храбрости Николая Ивановича; речь шла не о храбрости, а о чем-то несравненно более высоком – о способности человека к самопожертвованию, к обдуманной, сознательной гибели во имя патриотического долга. Сотни тысяч, миллионы советских людей в час, когда Отечество оказалось в опасности, схватились с ненавистным врагом и в этой схватке явили миру невиданные образцы воинской доблести, презрения к смерти. Но одно дело презирать смерть, идти на рискованную операцию без мысли о своей возможной гибели, другое дело – сознательно и добровольно пойти на смерть ради победы…

– Такой подвиг, – говорил Лукин, когда мы обсуждали поведение Кузнецова, – требует особого рода героизма. Мы должны воспитывать в наших людях готовность пойти в любой момент на это святое дело. («Именно святое», – поддержал Стехов.) Но не всякому это дано. В каждом из наших людей живет высокое чувство патриотизма, и вот это чувство, это сознание своего долга перед Родиной мы должны возвести в такую степень, чтобы любой из нас мог, не задумываясь, отдать, когда нужно, свою жизнь.

Готовить к самопожертвованию! Справедливы ли эти слова по отношению к Кузнецову? Да и не только к нему, а к сотням наших партизан, день за днем совершавших свой скромный подвиг?

…Готовность и воля к подвигу во имя Родины живут в каждом советском человеке, в каждом большевике, партийном и непартийном. К числу таких людей принадлежал и Николай Иванович Кузнецов. И я не сомневался, что не совершил он акта возмездия над Кохом потому лишь, что не хотел идти на бессмысленный риск. Я был уверен, что если в его судьбе еще наступят минуты, когда нужно будет во имя победы жертвовать жизнью, он сделает это, не задумываясь».

Да, можно не сомневаться, что Кузнецов пошел бы на геройское самопожертвование, если бы оказался на приеме у Коха вторично. Но другого такого случая не представилось…

Отказ от принятого заранее плана, мгновенное переключение в связи с изменившейся неожиданно обстановкой всегда самый опасный момент в работе разведчика. Тот самый, когда он может себя выдать. Причем не только губительной поспешностью – иногда оказывается вполне достаточным, чтобы дрогнул голос или мелькнуло в глазах разочарование. И Кузнецов должен был вести себя сообразно своей роли скромного армейского офицера, удостоенного чести быть принятым самим рейхскомиссаром, оставаясь в то же время советским разведчиком.

…Поначалу Кох был хмур, говорил сухо и раздраженно. Выбор Зиберта ему явно не нравился.

– Никак не могу одобрить, обер-лейтенант, вашего намерения, – говорил рейхскомиссар. – Вы кадровый офицер германской армии, а связались с какой-то местной девицей весьма сомнительного происхождения.

Обер-лейтенант почтительно возражал:

– Это не совсем так, господин рейхскомиссар. Фрейлен Валентина Довгер – чистокровная немка. Ее покойный отец был человеком, преданным фюреру и великой Германии, имел большие заслуги перед рейхом. Именно за это его, к общему сожалению и горю девушки, убили партизаны. Я знал его лично, видел соответствующие документы, которые также, к сожалению, погибли во время пожара.

Кох немного смягчился. В настроении его неизвестно почему наступил перелом, и он постепенно втянулся в разговор с обер-лейтенантом, словно забыв, что в приемной ждут своей очереди несколько генералов и ответственных чинов. И задал вдруг вопрос, ответ на который разом повернул его симпатии к скромному посетителю.

– Где вы родились, Зиберт?

– В Восточной Пруссии, господин рейхскомиссар.

– В Восточной Пруссии? Приятно слышать. Значит, мы с вами земляки, это мое гау. Ну, ладно, ладно. – Кох снисходительно помахал рукой. Он подтянул к себе поближе ходатайство и черкнул на нем несколько строк: распоряжение об отправке в Германию Валентины Довгер отменить, зачислить ее канцеляристом-машинисткой в хозяйственный отдел рейхскомиссариата.

Видимо, земляк, к тому же почтительный и, судя по крестам, боевой фронтовик, прочно снискал расположение рейхскомиссара. Зиберт ждал теперь только одного: знака, что аудиенция закончена. В глубине души он еще не потерял надежды, что, быть может, ему удастся выхватить оружие, когда придется встать, чтобы покинуть кабинет. Но Кох пока что не

собирался отпускать обер-лейтенанта. Говорил он теперь вполне добродушно, угостил Зиберта египетскими сигаретами, даже протянул в подарок целую нераспечатанную коробку, достав ее из ящика стола.

Кох продолжал задавать вопросы:

– За что получили «Железные кресты»?

– Первый – за поход во Францию, второй – в России.

– Что вы делаете сейчас?

– После ранения временно служу в «Виршафтскоммандо», господин рейхскомиссар. Жду возвращения на фронт, к своим солдатам.

– А где сейчас ваша часть?

– Под Курском, господин рейхскомиссар.

– Под Курском? Фюрер готовит большевикам сюрприз как раз в этом районе! Мы нанесем русским такой удар, который переломит Ивану хребет.

Кузнецов вздрогнул от неожиданности – это не было опасным, но точно так же не только мог, должен был бы отреагировать и обер-лейтенант Зиберт. Может быть, он ослышался? Нет, не ослышался. Сам рейхскомиссар Украины и гаулейтер Восточной Пруссии в случайном разговоре с рядовым офицером разгласил военную тайну о намечаемой гитлеровцами важной наступательной операции.

А рейхскомиссар продолжал говорить. И снова – о важном.

– Вы имели дело с русскими танками, обер-лейтенант?

– К сожалению, имел. И должен признать, что их тридцатьчетверки очень опасны.

Кох самодовольно хохотнул:

– Вот-вот, посмотрим, что они смогут сделать против наших новых машин – «тигров» и «пантер».

…Обер-лейтенант Зиберт закрыл за собой дверь кабинета Коха. Ожидавшая в приемной Валентина Довгер вскочила. В больших серых глазах застыл немой вопрос: «Почему не стрелял?»

Довольно помахивая листком бумаги с резолюцией, он громко сказал:

– Все в порядке, дорогая, господин рейхскомиссар любезно удовлетворил нашу просьбу. Весьма признателен вам, господин гауптман.

Это уже к фон Бабаху.

Валя растерянно стоит посреди приемной, нервно перебирая руками сумочку. Сейчас девушка способна на все… Кузнецов подхватывает ее под локоть и, не давая опомниться, торопливо выводит из особняка. Вот и пролетка. Гнидюк на козлах тоже ничего не понимает.

– Трогай!

Звонко зацокали по булыжной мостовой подковы. Исчезли бесследно несколько человек, до этого прогуливавшихся по Шлоссштрассе.

Рейхскомиссар Эрих Кох 31 мая 1943 года остался жив. Но зато радиограмма, подробно излагавшая его беседу с обер-лейтенантом Паулем Зибертом, в тот же день ушла в Москву.

Эта информация была важнее жизни Эриха Коха, все равно не ушедшего от смертного приговора, вынесенного ему, хотя и годы спустя, справедливым судом в новой, народной Польше.

Курская битва – одна из крупнейших в истории второй мировой войны. Замысел «Цитадели» сводился к тому, что немцы намеревались двумя одновременными встречными ударами на Курск из района Орла на юг и из района Харькова на север сокрушить, уничтожить советские войска на Курском выступе. В дальнейшем они рассчитывали расширить фронт наступления к югу и разгромить части Красной Армии в районе Донбасса.

Для осуществления операции «Цитадель» немцы собрали огромные силы: 50 дивизий – 900 тысяч солдат и офицеров, 10 тысяч орудий и минометов, 2700 танков, свыше 2000 самолетов.

Своевременно разгадав план врага, хорошо информированное из многих источников советское командование сосредоточило здесь еще более крупные силы и 5 июля нанесло опережающий удар.

Пятьдесят дней продолжалось невиданное, ожесточенное сражение. За это время гитлеровцы потеряли полмиллиона солдат, около 1500 танков, в том числе и «тигров» и «пантер», 3 тысячи орудий и большое количество самолетов! Фашистская армия потерпела поражение, от которого уже не смогла оправиться.

ГЛАВА 10

Приключенческая литература уже выработала образ своего любимого героя. Это очень смелый и решительный человек, как правило, молодой и красивый (пожилой и некрасивый тоже обычно присутствует, но лишь в качестве безликого начальника, а то и хуже – его противника, старого иностранного шпиона). Этому герою после многих приключений удается достать секретный план врага, после чего последнему остается лишь проиграть решающее сражение.

В жизни так бывает тоже. Ибо нет такой невероятной ситуации, порожденной фантазией писателя, которую бы не была в состоянии превзойти реальная действительность. Можно привести не одну историю, случившуюся с советскими разведчиками, которую даже писатель с очень богатым воображением не решится описать, настолько она покажется читателю невероятной, выдуманной.

Но дело не в фантазии литератора и степени достоверности создаваемых его воображением персонажей и событий. Дело в самом подходе к теме разведки.

Никакой, даже самый талантливый и удачливый разведчик не может решить судьбу сражения в современной войне (не говоря уже о самой войне), хотя может в определенной степени предрешить его успех или неудачу. Представьте только, что военачальнику разведка приносит добытый ею план мощного вражеского наступления. Но где гарантия, что этот план не провокация, имеющая целью дезинформировать его и его войска? Последствия легковерия могут быть в этом случае катастрофическими. Но и пренебречь информацией, которая поступила из в общем-то надежного источника, он не вправе. Следовательно, любые разведданные – причем в прямой зависимости от их важности – должны быть проверены, а то и не раз. Подобную проверку бывает осуществить даже труднее, чем достать первоначальную информацию.

Но знать стратегический замысел вражеского командования, дату и место готовящегося наступления еще недостаточно. Чтобы правильно и в полной мере использовать эти, хотя и ценные, сведения, необходимо огромное количество дополнительных данных различного характера, иногда очень неожиданных.

Опыт Великой Отечественной войны показал: чтобы подготовить крупную наступательную операцию, необходимо подтянуть к определенному участку фронта огромное количество живой силы, танков, орудий, прочей военной техники,

боеприпасов, привести в движение сотни тысяч людей на больших пространствах, измеряемых тысячами километров.

Реальную пользу от донесения разведки командование получит только в том случае, если будет достаточно полно знать обо всем, что происходит накануне операции в глубоком и ближнем тылу врага.

Решить эту задачу с помощью одних только разведчиков-профессионалов невозможно хотя бы потому, что их для этого потребуется слишком много. К тому же для того чтобы добывать некоторые специфические данные, нужно обладать специальными знаниями, а эрудиция разведчика, как и любого другого человека, имеет пределы.

В годы Великой Отечественной войны во вражеском тылу действовало много замечательных советских разведчиков. Своими победами в тайной войне они в немалой доле обязаны самоотверженной помощи тысяч бесстрашных патриотов на временно оккупированной гитлеровцами территории СССР или антифашистов в других странах Европы, в том числе и Германии.

Это общее правило подтверждается и боевой работой особого чекистского отряда «Победители». Отряду помогали во всем и всем, чем могли, сотни советских людей, и многие из них, принадлежавшие ранее к самым мирным профессиям, стали превосходными – тонкими, наблюдательными, смелыми и инициативными – разведчиками. В частности, весьма результативно действовала группа связанных с отрядом подпольщиков из городка Здолбунова, расположенного в двенадцати километрах от Ровно.

Многомесячная работа этой группы заслуживает подробного описания и потому, что ей помогал Николай Иванович Кузнецов, бывавший в Здолбунове в дни, когда почему-либо оставаться в Ровно ему было нежелательно.

До войны это был маленький уютный городок с тихими приветливыми улицами, летом утопающими в зелени каштанов, лип и акаций.

В Здолбунове было несколько заводиков: цементно-гипсовый, стекольный, пивоваренный, а в окрестности еще и несколько кирпичных. Для нашей разведки эта индустрия никакого интереса не представляла. Зато другое обстоятельство надолго приковало сюда ее внимание. Заштатным Здолбуново было лишь как населенный пункт, в качестве же железнодорожного узла оно имело значение чрезвычайное.

Через Здолбуново шла значительная часть снабжения гитлеровской армии.

Гитлеровцы, разумеется, понимали стратегическое значение

Здолбуновского узла и наводнили его жандармерией, полицией, агентами гестапо. Для местных жителей был установлен строжайший режим, нарушения которого карались вплоть до смертной казни. И в этих предельно тяжелых условиях в Здолбунове около двух лет успешно действовала группа советских разведчиков.

Одним из ее организаторов стал Дмитрий Михайлович Красноголовец. Было ему тогда чуть больше тридцати. Начало войны застало Красноголовца на службе в железнодорожной милиции. Эвакуироваться из города он не успел, потому что до последней минуты спасал военные грузы. Партбилет и личное оружие Красноголовец спрятал, а сам занялся портняжным делом, которому обучился когда-то в юности. Каким он был портным, сейчас уже сказать трудно, но подпольщиком и разведчиком оказался превосходным. В активную борьбу с оккупантами он включился добровольно и самостоятельно через несколько дней после вступления в Здолбуново немцев, уничтожив 16 июля 1941 года на железнодорожных путях эшелон с горючим.

Вскоре вокруг Красноголовца сложилась группа надежных людей, главным образом железнодорожников, твердо решивших вступить в борьбу с оккупантами: Николай Мельниченко, Александр Дигоран, Константин Шорохов, Александр Попков, Виктор Азаров, Дмитрий Скородинский, Сергей Яремчук, Петр Бойко и другие.

Организация росла, набиралась сил и опыта, ее удары по врагу делались все весомее. С ней-то, как уже было сказано выше, и связались в первую очередь разведчики Николай Приходько, Николай Гнидюк и Михаил Шевчук и другие связные отряда, когда осенью 1942 года Здолбуново было включено в сферу активных действий отряда. От имени командования они разъяснили подпольщикам, что, учитывая особое стратегическое значение Здолбуновского железнодорожного узла, группа может принести гораздо большую помощь Красной Армии не разрозненными диверсиями, а систематической глубокой разведкой.

Основной конспиративной квартирой разведчиков, прибывающих из отряда, стал дом № 2 по улице Ивана Франко. Он принадлежал братьям Михаилу и Сергею Шмерегам, рабочим железнодорожного депо. Жена Михаила – Анастасия – была старшей сестрой Николая Приходько.

Здолбуново оказалось очень удобным местом отдыха для разведчиков, действовавших в Ровно, в первую очередь для Николая Кузнецова. Здесь они пережидали дни, когда после крупных операций в «столице» им было опасно там оставаться.

Здесь же хранили деньги, одежду, документы и прочие нужные вещи. Михаил Шмерега был высококвалифицированным столяром. Он сделал на чердаке специальный двойной потолок, где всегда находились взрывчатка, автоматы, пистолеты, гранаты.

Однажды Дмитрия Михайловича вызвали в лагерь. Когда он собрался в обратный путь, то вместе с ним до Ровно отправился и Кузнецов. У Николая Ивановича был отличный, по его мнению, мотоцикл БМВ, но с бензином дело обстояло плохо – каких-нибудь литра полтора. Только-только чтобы проехать по асфальту от Оржева до Ровно (от лагеря до «маяка» их доставили лошадьми). А от «маяка» до Оржева тяжеленный мотоцикл нужно было тащить лесом на руках. Занятие это было весьма утомительное: достигнув Оржева, и Кузнецов и Красноголовец совсем выбились из сил.

Возле переезда через железную дорогу, откуда начинался асфальт, они присели отдохнуть. Через полчаса Кузнецов встал, поблагодарил Красноголовца, попрощался, сел на мотоцикл и нажал на стартер. Мотор взревел и… тут же заглох. Все попытки Николая Ивановича завести его успеха не имели. Кузнецов был в форме, поэтому пришлось Красноголовцу под улюлюканье деревенских мальчишек одному тащить проклятый мотоцикл в какой-то двор.

Провозившись минут сорок с мотором, Кузнецов сказал, что теперь все в порядке. Снова сел на мотоцикл, снова попрощался с Дмитрием Михайловичем и тронулся. На сей раз ему удалось проехать метров сто, и после чего БМВ стал посреди села возле колодца с журавлем. Красноголовец видел издали, как Николай Иванович яростно пнул БМВ сапогом, потом донеслись до него все немецкие ругательства, какие знал Кузнецов.

Не успел Красноголовец подойти на помощь, как со стороны Ровно показалась легковая машина с двумя немцами. Кузнецов поднял руку – машина остановилась. Николай Иванович вступил в переговоры. Наконец, тот из немцев, что сидел за рулем, вылез из машины и принялся за починку злополучного мотоцикла.

Красноголовец рассудил, что ему здесь теперь делать нечего, и зашагал к Ровно, полагая, что через полчаса, самое большее, Николай Иванович нагонит его на шоссе.

Однако миновал час, другой – Кузнецов не появился. Встревоженный Красноголовец отправился в Здолбуново, так ничего и не зная.

Как оказалось, немецкий шофер разбирался в мотоциклах не лучше Кузнецова. Правда, после его ремонта мотоцикл проехал километра два, но зато потом заглох окончательно. Разозленному и расстроенному Николаю Ивановичу пришлось остановить

какого-то крестьянина, взвалить мотоцикл на его телегу и так добираться до Ровно.

Из Здолбунова в отряд поступали данные о маршрутах проходящих поездов, передвижениях воинских частей, перевозимых грузах и прочем. Здолбуновский узел стал одним из важнейших центров в разведывательной сети, сотканной отрядом в глубоком тылу врага.

Наблюдение за воинскими эшелонами было совсем не таким безопасным и легким делом, как это может показаться непосвященнохму. Нередко разведчику, чтобы добыть сведения, приходилось идти на риск.

Фашистская железнодорожная администрация отличалась той утрированной педантичностью, которая, превращаясь в свою противоположность, шла немцам уже не на пользу, а во вред. Так, до сих пор не поздно сказать спасибо тому гитлеровскому железнодорожному чиновнику, кто установил очень удобный для советской разведки порядок, по которому к каждому товарному вагону прибивался плоский деревянный ящичек, забранный металлической сеткой. При формировании эшелона за эту сетку вкладывался листок бумаги с указанием, какой груз содержится в вагоне, станция отправки, станция назначения и прочее. Разведчики, даже не знавшие немецкого языка, переписывали эти листки, а потом переправляли в отряд. Занятие это было опасным: стоило такого любопытного приметить жандарму или часовому – и его участь была бы предрешена.

Очень заметную роль в подполье после своей первой встречи с Кузнецовым стал играть Леонтий Клименко. Он одинаково успешно собирал разведданные, участвовал в боевых диверсионных операциях, к тому же оказался прекрасным связным. Его старенькая полуторка обладала большим достоинством – газогенераторным двигателем, что полностью снимало какую бы то ни было заботу о горючем.

Клименко стал частым гостем на «маяке». И никогда не приезжал с пустыми руками – обязательно прихватывал что-нибудь для лагеря. Так однажды он привез целый кузов сахарного песка, немцам же сказал, что его в дороге ограбили партизаны. Для полной имитации налета он даже облил машину бензином и поджег, а потом потушил.

…Весной 1943 года резко возросла интенсивность движения на магистрали. Эшелоны, преимущественно с живой силой, боевой техникой, боеприпасами следовали к фронту один за другим через Здолбуново каждые пять-десять минут. Стало очевидным, что немцы готовят крупную наступательную операцию, но где – удалось установить не сразу.

В один из дней разведчики насчитали пятнадцать эшелонов к фронту, груженных танками цвета яичного желтка! Оказалось, что танки столь экстравагантной окраски перебрасываются в район Курска из африканской армии Роммеля. Фашистское командование так спешило, что не успело даже перекрасить танки из «африканского» песчаного цвета в обычный сине-зеленый.

Дальше – больше! Разведка установила, что в район Курска немцы передислоцировали несколько пехотных дивизий из Франции и танковую дивизию из-под Ленинграда.

Полученная информация также была передана в Москву. В ответ пришло указание активизировать деятельность разведывательных групп, использовать все каналы получения информации, чтобы непрерывно обеспечивать командование Красной Армии данными о подготавливаемом немцами наступлении. Для всех разведчиков наступила страдная пора.

Станция Здолбуново превратилась в важнейший стратегический пункт. Учитывая ее исключительное значение, гитлеровцы резко усилили охрану. Вести разведку в этих условиях становилось с каждым днем все сложнее и опаснее.

Трудно передать то чувство горечи, которое испытывали разведчики при виде беспрерывного потока, несущего смерть бойцам Красной Армии. Одна только мысль доставляла какое-то удовлетворение – собираемые сведения приносили пользу командованию. И все-таки их было недостаточно. Почти невозможно к тому же было установить, что представляли собой эшелоны, проходившие мимо Здолбунова без остановки. Сеть разведки с возросшим количеством объектов наблюдения не справлялась. Между тем Москва требовала: «Не оставлять ни одного железнодорожного состава без обследования». По-прежнему трудно было и с доставкой информации в отряд: связных не хватало.

Был разработан план расширения и улучшения разведки на станции. Намечались новые надежные люди для привлечения к подпольной работе.

– Есть один человек, – предложил как-то Красноголовец, – его зовут Авраамий Иванов. До войны был учителем в Башкирии, комсомолец. Оказался в плену… Сейчас работает уборщиком на путях. Думаю, что он может быть нам полезен.

Действительно, вскоре Иванов стал одним из лучших связных.

Каждый день, невзирая на погоду и постоянную усталость, в плохонькой одежонке, едва прикрывавшей тело от стужи, голодный, он садился в поезд, ехал до станции Клевань, а оттуда

пешком отмеривал четыре километра до «маяка». Вручив дежурным очередное донесение, он обычно тут же отправлялся в обратный путь. Домой Иванов возвращался далеко затемно, чтобы, проспав несколько часов, ранним утром без опоздания явиться на работу.

Лишь иногда обстоятельства позволяли ему немного отдохнуть в самом лагере. Однажды он пришел настолько утомленным, что заснул, как только опустился на землю. День был холодный, и Николай Иванович, сам поеживаясь от холода, прикрыл его шинелью.

Работа связного требовала полной мобилизации физических сил, огромного нервного напряжения. Опасности подстерегали разведчика на каждом шагу, особенно если он нес пакет с донесением или оружие. В каждой поездке документы связного несколько раз подвергались проверке. Над ним постоянно висела угроза обыска. Если такое случалось, связной мог рассчитывать только на свою выдержку и находчивость. Оказалось, что Авраамий Иванов обладает и этими качествами.

Кузнецова подкупили в новом здолбуновском связном не только его смелость, но и какое-то особенное, не громкое мужество, с которым этот хрупкий на вид молодой человек преодолевал все тяготы и лишения. Николай Иванович довольно часто разговаривал с Ивановым и все допытывался:

– Откуда только у тебя силы берутся, двужильный ты, что ли?

Авраамий в ответ только пожимал плечами, словно удивляясь самому себе: в самом деле, откуда?

Когда как-то в штабе при нем зашла речь об Иванове, Николай Иванович вдруг убежденно сказал:

– Знаете, я, кажется, понял. Авраамий – прирожденный учитель, настоящий русский народный учитель. Любовь к Родине и народу, долг для таких людей – все… Я знаю это не с чужих слов, сам в сельской школе учился. Ему бы, Авраамию, детей учить, а он воюет, каждый день жизнью рискует. Такой вернется в школу, и никто из ребят и знать не будет, что он герой…

…С некоторых пор Дмитрий Красноголовец стал внимательно приглядываться к Павлу Ниверчуку, секретарю Здолбуновской городской управы. Это был хмурый, неразговорчивый человек, свои служебные обязанности выполнял ревностно, начальство – и в управе, и немецкое – относилось к нему благосклонно.

Постепенно Красноголовец добился расположения и доверия Ниверчука, и тогда ему стала ясна душевная трагедия этого хмурого, подавленного человека. Павел Васильевич Ниверчук, секретарь Здолбуновской городской управы, всем сердцем ненавидел гитлеровских оккупантов. Работа в их учреждении,

клеймо фашистского прихвостня жгли его совесть, но сам он не мог найти никакого выхода. Павел Васильевич делал все, от него зависящее, чтобы помогать советским людям, обращавшимся в городскую управу по своим делам, но понимал, что этого слишком мало.

Павел Васильевич Ниверчук стал активным участником здолбуновского подполья, о чем, правда, почти никто, кроме Красноголовца, не знал.

Секретарь городской управы оказался для разведчиков очень полезным человеком. Достаточно сказать, что он мог в изобилии снабжать их любыми настоящими документами – различного рода удостоверениями личности, справками и прочим – через посредничество своего шурина, чеха по национальности, Владимира Секача, занимавшего должность секретаря здолбуновского гебитскомиссара.

Оказывается, господин гебитскомиссар, не желая утруждать себя лишними заботами, передал своему секретарю пачку уже подписанных пропусков. Тому оставалось лишь вписывать в них фамилии владельцев и прикладывать печати.

Тот же Секач достал у знакомого немца для Иванова за взятку и бесплатный служебный билет, дававший право проезда даже на товарных воинских эшелонах. Это сильно облегчало задачи Авраамия Иванова, как основного после гибели Приходько связного, доставлявшего разведданные из Здолбунова в отряд.

И вот однажды Авраамий доставил в штаб отряда очередной пакет. Сам же скромненько отошел в сторону. Уже по одному его подозрительно невинному лицу можно было догадаться, что пришел он с чем-то необычным. Но действительность превзошла все самые смелые ожидания. На сей раз Иванов принес отпечатанный под копирку абсолютно секретный документ – подлинный экземпляр ежедневной сводки о прохождении эшелонов через Здолбуново, которая составлялась для немецкого коменданта станции.

– Откуда? Как?

Авраамий только застенчиво улыбался.

Четкие лиловые строчки готического шрифта: столько-то составов с живой силой, столько-то с танками, столько-то с боеприпасами, откуда следуют, куда, когда должны прибыть в пункт назначения. Отмечены даже опоздания и их причины. Все! Решительно все, о чем только может мечтать разведчик.

Кое-кто в штабе вначале даже усомнился в подлинности документа. Как говорит английская поговорка, это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Уж не крылась ли здесь гестаповская ловушка, попытка ввести в заблуждение нашу

разведку?

Но проверка подтвердила стопроцентную точность сводки. Это была неслыханная удача. Сведения о передвижениях войск – одна из главных задач разведки в тылу врага. От ее выполнения зависит подготовленность командования к операциям врага. Сбор точных, надежных сведений о передвижении войск противника – трудное дело, связанное с риском для жизни многих людей.

Вот почему командование отряда давно вынашивало мысль – нащупать пути к прямому, не основанному только на внешнем наблюдении получению сведений о работе Здолбуновского железнодорожного узла. Доступ к прямой информации снимал еще несколько проблем, с которыми ранее приходилось сталкиваться штабу.

Разведчики имели возможность довольно детально ознакомиться с содержимым почти любого эшелона, составленного из крытых вагонов, но при одном условии: если он хоть на несколько минут задерживался в Здолбунове – скажем, заправиться водой. Но в описываемую пору очень много составов миновало станцию без остановки и, следовательно, без досмотра.

Далее сведения о вражеских передвижениях поступали в отряд не только от здолбуновской группы, но и из других источников. Отчасти это помогало взаимно проверять многие разрозненные данные, но отчасти и мешало. Порой было трудно разобраться, читая донесения нескольких разведчиков, сообщают ли они о разных эшелонах или об одном и том же, зафиксированном разными людьми в разных местах и в разное время.

Наконец, иногда очень тяжело приходилось Кузнецову и другим разведчикам, когда они должны были взвешивать, насколько достоверны те или иные данные, полученные ими порой случайно, насколько они могут быть уверены, что их не вводит в заблуждение тот или иной знакомый гитлеровец. И причем не обязательно даже с провокационной целью, а, скажем, из-за обычного пьяного бахвальства?

Сводка, доставленная Ивановым – а она была лишь первой ласточкой, – снимала во многом и все эти проблемы. Но как же все-таки попала сводка в руки Иванова?

…Однажды Ниверчук сказал Авраамию, что хочет познакомить его с хорошим человеком, который, по его мнению, может принести большую пользу советскому командованию и давно ищет связи с подпольщиками. Красноголовец разрешил Иванову выйти на встречу.

Ниверчук встретил Иванова приветливо. Работа для организации словно подменила, выпрямила этого человека. Его

лицо разгладилось, оно дышало теперь душевным спокойствием, уверенностью, вновь обретенным чувством собственного достоинства. Здесь, дома, в нем, казалось, не было ничего общего с хмурым и вечно насупленным секретарем, которого привыкли видеть служащие и посетители городской управы.

Павел Васильевич провел Иванова в заднюю комнату и предложил присесть.

Минут через пятнадцать стукнула щеколда калитки, а затем в комнату вошли двое. Одного из них Авраамий уже знал – Владимир Секач из гебитскомиссариата, что выправил ему документы. Второй был… высокий ладный немец с нашивками фельдфебеля. Авраамий инстинктивно сунул руку в карман за оружием. Это невольное движение не ускользнуло от фельдфебеля. Он засмеялся и замахал обеими руками.

– Не беспокойтесь, пан, я пришел в этот дом не как враг, а как друг!

Тут Авраамий удивился еще больше: немец говорил с ним по-чешски.

Между тем фельдфебель продолжал:

– Я понимаю, пан, что вас смущает моя форма. Ну так я могу ее с удовольствием снять.

И он повесил свой мундир на спинку стула.

Все четверо сели вокруг стола. Фельдфебель уже не улыбался. Был серьезен и сдержан: понимал значимость момента.

– Я догадываюсь, – сказал он, обращаясь к Иванову, – что вы, пан, есть представитель советских партизан и хотите знать, кто я есть. Прежде всего об имени. Называйте меня Йозеф. Я рискую не только собой, встречаясь с вами, но и своей семьей. Понимаете?

И фельдфебель рассказал Авраамию Иванову свою историю.

Он родился в Судетах. Его отец был немец, а мать чешка. С детства Йозеф одинаково владел обоими языками и одинаково любил и народ отца, и народ матери. Потом, когда Йозеф уже был юношей, в Судетах появились штурмовые отряды из местных немцев. Их организовал главарь судетских фашистов Генлейн. Йозеф тоже записался: он наивно поверил речам генлейновцев, уверявших, что их цель – способствовать сближению германского и чехословацкого народов.

– Я хотел, – говорил Йозеф, – чтобы все чехи и немцы жили в такой же дружбе и любви, как в моей семье.

Потом был Мюнхен. Гитлер захватил Чехословакию. И Йозеф увидел, что означало на деле то сближение, о котором так красиво твердили нацисты. Он понял, что его обманули, и за прозрение пришлось заплатить дорогой ценой – его дядя по матери был расстрелян гитлеровцами за антифашистские

убеждения.

Потом Йозефа мобилизовали в германскую армию, послали учиться в школу военной железнодорожной администрации. Последнее время служил в Здолбунове.

– Здесь я встретился с паном Секачем, он тоже чех, и мы говорили с ним на одном языке. Мы подружились, он стал мне доверять. И вот я перед вами.

Как выяснилось, Йозеф был как раз тем работником военной железнодорожной администрации, который собственноручно печатал на машинке сводки о прохождении через Здолбуново воинских эшелонов. У входа в комнату, где он работал, всегда стоял часовой. Начальники всех эшелонов обязаны были сдавать сюда рапортички (их просовывали в забранное металлической сеткой оконце в дверце), содержащие полные сведения о составах. Рапортички с поездов, идущих без остановок, передавались на ходу дежурному офицеру станции. В конце дня оператор составлял общую сводку. Ее полагалось готовить в двух экземплярах: один шел начальнику железнодорожных сообщений вермахта, второй аккуратно подшивался в секретную папку и хранился в специальном сейфе военного коменданта станции под постоянной охраной.

Теперь Йозеф стал закладывать в машину третий лист бумаги…

В шесть часов вечера одного из последующих после упомянутой встречи дней из здания вокзала вышел высокий молодой фельдфебель. Он присел на скамейку и ленивым движением вытащил из кармана пачку сигарет. Закурил. По-видимому, это была последняя сигарета, потому что фельдфебель смял пачку и швырнул ее в стоящую рядом урну. Докурив сигарету, он погасил окурок о подошву сапога и с явной неохотой – стояла отличная солнечная погода – вернулся в вокзал. Через несколько минут к урне подошел худой, очень плохо одетый человек. Перед собой он катил тяжелую железную тачку, в которой поверх всякого бросового хлама лежали совок и метла. Молодой человек с некоторым трудом перевернул бетонную урну и аккуратно собрал в тачку совком весь накопившийся за день мусор. Потом он тщательно подмел землю вокруг, водворил урну на место, взялся за ручку тачки и неторопливо покатил ее дальше.

Третий экземпляр начал свое путешествие в Москву…

Йозеф передавал свою информацию на протяжении многих месяцев 1943 года. Командование теперь располагало подробнейшими данными о всех поездах, миновавших Здолбуново. Радисты Лидия Шерстнева, испанка Ивонна, Марина

Ких, Валя Осмолова, Аня Беспояско, Иван Строков, Виктор Орлов стали самыми занятыми людьми в отряде: ежедневно по нескольку часов, подменяя друг друга, они зашифровывали и передавали в Москву полные и совершенно точные сведения о прохождении фашистских транспортов через важный железнодорожный узел в тылу врага. Командир радиовзвода Лидия Шерстнева, отстукивая бесконечные шифровки, даже ворчала порой на обилие работы. Но сама она отлично понимала, что чем дольше ей и ее боевым товарищам приходится сидеть за ключом, тем меньше вражеских эшелонов доберется до фронта, тем легче нашему войсковому командованию будет предупредить замыслы врага, тем больше фашистов найдет смерть на советской земле.

Система «Йозеф – Иванов» была отработана настолько безукоризненно, что за все время своего существования не дала ни единой осечки. Ни одной гестаповской либо абверовской ищейке так и не удалось обнаружить, что секретнейшая военная информация утекает из комнаты со стальными решетками на окнах, в которой работал образцовый военный оператор.

К сожалению, в дни стремительного наступления Красной Армии на запад следы Йозефа затерялись.

…С тех пор, как фронт стал неудержимо откатываться на Запад, значительная часть здолбуновского подполья по сигналу командования смогла переключиться на диверсионную работу.

Красноголовец и его товарищи начали с ключевого объекта – паровозного депо. Они так рьяно взялись за ремонт паровозов, что их простой стал измеряться огромной цифрой в тысячи паровозо-часов. Фактически из всего подвижного состава немцы могли использовать не больше половины. Организацию снабдили маленькими, но чрезвычайно мощными и весьма удобными для работы магнитными минами. И начались взрывы…

…Вдоль состава, груженного боеприпасами и техникой, идет человек в старой, лоснящейся спецовке, В руке у него молоток на длинной деревянной ручке. Через каждые несколько шагов он останавливается, и раздается звонкое «тук-тук»! Звук чистый – значит, скат в порядке. Осмотрщик идет дальше. Обычная, привычная картина. Она не вызывает ни малейшего интереса у часовых на тормозных площадках. Грязно-серые мундиры, толстой кожи сапоги с нерусскими широкими голенищами, глубокие горшки касок. На шее автоматы. Вся станция забита охранниками. Кажется, что от их колючих взглядов не укроется ничто. И все же укрывается самое главное: точно рассчитанным движением осмотрщик выхватывает из-за пазухи плоский темный брусок и пришлепывает его под буксу. Брусок прилипает –

голыми руками не отдерешь. И снова тук-тук, тук-тук! Вроде бы ничего и не изменилось.

Нет, изменилось… Этот эшелон на фронт не попадет. Часовые на тормозных площадках с губными гармошками в оттопыренных карманах – уже покойники.

Особенно не везло эшелонам с нефтепродуктами, в которых остро нуждалась фашистская армия. Их перевозили из Плоешти (Румыния) большей частью в двадцатипятитонных цистернах. Подпольщики их любили за экономичность. На весь длинный состав требовалась всего-навсего одна «магнитка». Стоило ей взорваться, как бушующее пламя охватывало весь эшелон.

Мины были замедленного действия. Эшелоны взрывались нескоро. Поэтому неуловимых диверсантов гитлеровцы искали – разумеется, безуспешно – далеко от Здолбунова.

Остроумный способ устраивать крушения придумал старейший железнодорожник, опытный тормозной кондуктор Яков Тыщук, сражавшийся на бронепоезде за Ровно еще в годы гражданской войны.

Этот способ мог родиться только в голове человека, знающего порядки на железной дороге как свои пять пальцев. Тыщук как раз и был таким человеком. В один прекрасный вечер состав, который он обслуживал, остановился на несколько минут в Славуте. Тыщук вышел на перрон размять ноги. Степенный, благообразный, со свистком на шее, он спокойно прошел вдоль стоявшего на параллельном пути воинского эшелона и незаметно снял оградительный сигнал с хвостового вагона. Потом так же размеренно вернулся к себе. Через несколько минут разразилась катастрофа: прибывший на станцию новый поезд на полном ходу врезался в воинский эшелон. Вопреки известной поговорке стрелочник виноват не был; он не мог видеть оградительного огня, означающего, что путь уже занят. Впоследствии этот прием несколько раз и с неизменным успехом повторяли и другие подпольщики.

Диверсии, одна смелее другой, следовали теперь непрестанно.

Леонтий Клименко с несколькими товарищами вывел из строя поворотный круг, что вынудило часть паровозов ходить только задним ходом и, следовательно, снизить скорость движения. Потом он же подорвал эшелон с живой силой на выходной стрелке станции. Авраамий Иванов сжег состав с авиационным бензином.

Но самым громким делом здолбуновцев и присланных им в помощь разведчиков из отряда стал взрыв 12 августа 1943 года…

Битва на Курской дуге была в разгаре, когда в отряд пришел

из Москвы приказ – во что бы то ни стало, любой ценой уничтожить имеющий исключительное значение Прозоровский мост – единственный двухколейный железнодорожный мост через реку Горинь между Шепетовкой и Здолбуновом. Мост этот усиленно охранялся, и по очень серьезной причине – его уничтожение или даже недолгий вывод из строя прервало бы снабжение гитлеровской действующей армии в самое напряженное для вермахта время.

Командование отряда и само уже нацеливалось на мост, но каждый раз откладывало диверсию из-за ее чрезвычайной сложности. Но теперь поступил прямой приказ Центра, который, естественно, следовало выполнить без отлагательства.

А вот как?.. Основная трудность заключалась в очень сильной охране моста – ее несла целая рота солдат. Со стороны обоих въездов угрожающе уставились в небо стволы зенитных орудий. Разведчики нащупали там же несколько тщательно замаскированных батарей минометов и до двух десятков пулеметных гнезд. С наступлением темноты и до самого рассвета над мостом и его окрестностями каждые несколько минут взлетали в небо осветительные ракеты и опускались на парашютиках, заливая землю ослепительно-белым, мертвенным светом. Дежурные пулеметчики то и дело на всякий случай выпускали в разные стороны длинные очереди веером.

Иначе говоря, о том, чтобы подойти к мосту со стороны въездов, не могло быть и речи. Аналогичные меры предосторожности не позволяли подобраться к нему и по воде. Нужно было искать какое-то принципиально иное решение.

После долгого обсуждения с участием как разведчиков, так и специалистов подрывного дела, командование пришло к выводу, что мост можно уничтожить, только сбросив на него мину непосредственно с поезда, для чего требовался снаряд большой разрушительной силы, весом в сорок-пятьдесят килограммов. Изготовить такую мощную мину специалистам большого труда не составляло, но как доставить ее на мост? Гражданским лицам проезд на всех поездах через мост категорически запрещался без специальных пропусков.

Решить задачу удалось с помощью здолбуновских подпольщиков. В составе подполья действовали несколько поляков, в том числе Ежи, или, как его чаще называли, Жорж Жукотинский, и его родственники по линии жены Владек и Ванда Пилипчуки. Однажды Николай Гнидюк, будучи в Здолбунове, зашел к Пилипчукам. К своему удивлению, рядом с Вандой за накрытым столом Гнидюк увидел представительного мужчину лет сорока пяти в… черном гестаповском мундире. Отступать было

некуда, и Гнидюк, изобразив самую приятную улыбку, на какую только был способен, представился, в полном соответствии со своими документами, Яном Багинским, коммерсантом и двоюродным братом панны Ванды.

Гость Пилипчуков, в свою очередь, отрекомендовался как Генек Ясневский, сотрудник специального отдела гестапо по наблюдению за охраной железнодорожных объектов.

После ухода гестаповца Ванда рассказала Гнидюку, что Ясневский случайно познакомился с нею на улице, влюбился, уговаривает выйти замуж, обещая взамен все земные блага и даже «синеву с неба». Она же видеть его не может без отвращения, но вынуждена водить за нос, так как Ясневский выручает ее от мобилизации в Германию.

Как и положено, Гнидюк сообщил о новом перспективном знакомстве командованию и получил указание извлечь из пана Генека максимальную пользу, играя на его влюбленности в Ванду и жадности к деньгам. И Генек Ясневский попался в расставленные ему сети. После соответствующей умелой подготовки он поклялся на коленях перед иконой «матки бозки», что никогда не изменит панне Ванде и… «Речи Посполитой», поскольку принимал Гнидюка за представителя польского эмигрантского правительства в Лондоне.

От Генека Ясневского с этого дня стала поступать в отряд информация о планах гестапо, датах намечаемых облав, расположении секретных постов, имена и адреса секретных агентов и осведомителей. А потом, когда Ясневскому, как говорится, некуда уже было деваться, от него потребовали оказать содействие во взрыве моста.

Вначале гестаповец перепугался, но, когда с ним заговорили строже, согласился. Подумав, он сказал, что один из его осведомителей, проводник Михаль Ходаковский, из фольксдойче, горький пьяница, готовый за бутылку водки на что угодно, пожалуй, сможет взяться за это дело.

Утром следующего дня Ясневский сообщил, что Ходаковский за две тысячи рейхсмарок (что равнялось двадцати тысячам оккупационных) готов при переезде через мост сбросить мину с тамбура своего вагона. Командование приняло этот план и выдало в качестве задатка десять тысяч оккупационных марок. Однако указало, чтобы за Ясновским и Ходаковским следили: не ведут ли они двойной игры. Ничего подозрительного установлено не было. Однако «честный и бескорыстный» патриот Ясневский (как и следовало ожидать) выдал Ходаковскому лишь половину полученных им денег. Вторую половину он попросту присвоил.

По плану перенести взрывчатку из тайника в доме Шмерог на

квартиру Жоржа Жукотинского должна была Ванда Пилипчук.

Утром \ 1 августа девушка отправилась на улицу Франко к Шмерегам.

В гостиной с окнами, задернутыми шторами, находились уже трое – братья Шмереги и Дмитрий Красноголовец. Девушке указали на стоящий возле стола большой коричневый чемодан.

– Донесешь?

– Донесу, – уверенно сказала девушка, взялась за ручку и… тут же пожалела о своей самоуверенности. Чемодан словно прирос к полу, было в нем килограммов пятьдесят.

– Надо донести, Ванда, – негромко сказал Красноголовец.

И он, и братья Шмереги, и тем более Анастасия прекрасно понимали, что чемодан со взрывчаткой слишком тяжелый груз даже для такой крепкой дивчины, как Ванда. Однако другого выхода не было. Им, троим сильным мужчинам, было стыдно перед ней, но перенести смертоносный груз все же должна была именно она. И они молчали.

Девушка с усилием оторвала чемодан от пола и, не сказав ни слова, шагнула к двери. Все облегченно вздохнули: эта донесет.

Путь на Длугу улицу был для Ванды действительно долгим. Тяжеленный чемодан оттягивал плечо. То и дело девушка вынуждена была менять руку. Она шла одна, но одинокой себя не чувствовала, так как понимала, что боковыми улицами, сзади, справа, слева идут незнакомые ей люди, готовые в соответствии с приказом командования защитить ее в случае необходимости с оружием в руках.

– Могу я просить панну об услуге? – Резкий мужской голос с немецким акцентом словно толкнул ее в грудь.

Девушка охнула и невольно опустила чемодан на землю. Перед ней, широко расставив ноги в лакированных сапогах, стоял пехотный обер-лейтенант с «Железным крестом» первого класса на мундире. Из-под козырька низко надвинутой горбатой фуражки на Ванду, не мигая, смотрели бесцветные, как ей показалось, холодные глаза. Ванда почувствовала, как у нее пересохло горло, словно комок застрял в груди, который ни протолкнуть и ни выдохнуть.

Обер-лейтенант небрежно бросил к козырьку два пальца и спросил на том уродливом немецко-польско-русском жаргоне, который употребляли оккупанты при общении с местными жителями:

– Как пройти на Длугу улицу?

Ванда указала дорогу. Обер-лейтенант кивнул головой, повернулся и зашагал прочь какой-то деревянной походкой. Взглянув на мерно покачивающуюся, обтянутую узким серым

мундиром спину гитлеровца, девушка вздохнула и смахнула ладонью со лба капельку пота. И снова взялась за ручку чемодана.

Так Ванда Пилипчук в первый и последний раз в своей жизни встретилась с Николаем Кузнецовым. Обер-лейтенант Зиберт появился в Здолбунове не случайно – чтобы выручить Ванду, если другая охрана не сумеет отвести беду.

Чемодан со взрывчаткой был благополучно доставлен на место, где Николай Гнидюк и Жорж окончательно снарядили мину.

В конце дня мина была передана Генеку Ясневскому, и тот ранним утром на глазах Ванды отдал ее Михалю Ходаковскому. Несмотря на все опасения, Ходаковский выполнил свое обещание: 12 августа 1943 года, в два часа дня, когда эшелон проходил сквозь гулкий пролет железнодорожного моста через Горинь, он сбросил чемодан с миной ударного действия. Оглушительный взрыв расколол воздух… Важный мост вышел из строя. Хвостовые вагоны поезда с грохотом полетели в реку вместе с гитлеровскими офицерами и солдатами, танками и орудиями, спешно отправляемыми на Восточный фронт.

Две недели ушло у гитлеровцев только на то, чтобы растащить обломки моста и вагонов…

Гестапо напало на следы участников операции. Но поздно. Своевременно предупрежденные, все они были уже вывезены в отряд.

До самого естественного прекращения деятельности здолбуновской организации в феврале 1944 года, когда город был освобожден Красной Армией, гитлеровцы так и не сумели до нее добраться, хотя по подозрению в связи с партизанами они арестовали и продержали некоторое время в заключении Дмитрия Красноголовца. Видимо, из-за чьего-то предательства (точно это не выяснено до сих пор) погиб только один Авраамий Иванов. Он долго отстреливался, окруженный в своем домике целым отрядом жандармов и гестаповцев, убил семерых. Будучи сам уже тяжело раненным, Авраамий пытался последним патроном покончить с собой, но неудачно. Потерявшего сознание, обливающегося кровью разведчика бросили в кузов грузовика и доставили в гестапо. Авраамий выдержал самые чудовищные пытки, не проронив ни слова. Потом его расстреляли…

Погиб и Леонтий Клименко, не дожив до освобождения совсем немного. Буквально за несколько часов до вступления в Здолбуново Красной Армии он решил обезвредить заложенные им на железнодорожном полотне два фугаса. Друзья уговаривали Леонтия не выходить на линию: «Придут наши, покажешь им, где заряды. Без тебя обойдутся…»

Но Леонтий не мог, чтобы обошлись без него, не захотел подвергать опасности жизни советских солдат. Первый фугас он снял благополучно. Что произошло со вторым, мы уже никогда не узнаем…

Посмертно Авраамий Иванов и Леонтий Клименко были награждены орденами Отечественной войны 1-й степени.

ГЛАВА 11

Прыгая во вражеский тыл, Кузнецов знал, что его ждет трудная и опасная работа, но все-таки он не представлял, какого огромного напряжения духовных и физических сил потребуют от него долгие месяцы пребывания во вражеском тылу.

Он уже почти не играл роль гитлеровского офицера – обер-лейтенант Зиберт постепенно и незаметно для Кузнецова становился реальной личностью, со сложившимся характером, укладом жизни, привычками, манерой поведения. И все же разведчика никогда не оставляла мысль, достаточно ли точно он играет взятую роль, не выдал ли он себя неосторожным словом или жестом.

Постоянно настроенный на опасность, он подсознательно взвешивал все: слова, которые произносил при покупке пачки сигарет, газеты или билета в кино, размер чаевых официанту в кафе, сумму, которую можно, не вызывая подозрений, проиграть в казино нужному человеку. Ведь малейшая ошибка, фальшь, малейшая непохожесть на того, кем ой должен был быть, могли привести к провалу.

Кузнецов никогда не забывал, что гитлеровцы предполагают существование советских разведчиков и предпринимают соответствующие меры – ищут, что для этого у них существуют служба безопасности, гестапо и контрразведка, где работают не дилетанты, а опытные профессионалы. Понимал, что для успеха своей работы должен обдумывать не только свои поступки, но и предвидеть действия противника.

В разведке ничто не делится на особо важное и второстепенное. Важно все. Роль офицера вермахта Зиберта Кузнецов готовил много недель, но только в Ровно обнаружилось, что знает он далеко не все, потому что там, за линией фронта, на своей стороне просто невозможно учесть каждую мелочь, с которой приходится считаться здесь.

Николай Кузнецов впервые приехал из отряда в Ровно, одетый безукоризненно по форме. Однако – что он уловил уже через полчаса – лейтенант Зиберт все же привлекал внимание (хотя и не вызвал подозрения) встречных военных: на голове его красовалась пилотка, обычная офицерская пилотка. По неписаному, но само собой разумеющемуся в вермахте обычаю пилотки носили только на фронте. В тылу же офицеры ходили в фуражках. Точно так же неуместным оказался в тылу и тяжелый парабеллум – его носили лишь при исполнении служебных обязанностей. В другое время гитлеровские офицеры

предпочитали более легкий пистолет – «вальтер».

Перед следующей поездкой в город Кузнецов внес в свою экипировку соответствующие поправки.

Вначале у Николая Ивановича был только один комплект летней и зимней немецкой офицерской формы, но со временем их у него стало несколько, причем отменных по исполнению. Дело в том, что в отряде появился свой прекрасный портной, бежавший из варшавского гетто, закройщик Ефим Драхман. Мундиры и шинели, которые он шил Кузнецову, сидели на Зиберте как влитые, без единой морщинки.

Ровно в период гитлеровской оккупации считался «столицей» Украины, и полицейский режим в городе был чрезвычайно строгим. Освоиться здесь советским разведчикам было труднее, чем в любом другом месте. Поэтому предметом особого внимания командования были документы разведчиков. Часть документов особой важности, в первую очередь предназначенных для Кузнецова, была привезена из Москвы, точно так же, как и некоторые подлинные печати и штемпеля. Однако в связи с расширением масштабов разведывательной работы «московских запасов» не хватало.

Преодолевая немалые трудности, подчас рискуя жизнью, разведчики и подпольщики доставали подлинные бланки немецких аусвайсов – видов на жительство, так называемых мельдкарт – рабочих карточек (их отсутствие грозило местным жителям угоном в Германию), всяких справок, пропусков и прочего. Нужные тексты печатали па пишущих машинках с немецким шрифтом Николай Кузнецов и Альберт Цессарский. Потом ставилась нужная печать и хорошо подделанная подпись соответствующего должностного лица. Если «канцелярия» подлинной печатью не располагала, ее по имеющимся образцам великолепно вырезали на резине (обычно из старых подметок) разведчики Николай Струтинский и Олег Чаповский.

По далеко не полным подсчетам гестаповцы, жандармы и патрули свыше четырехсот раз проверяли документы у разведчиков отряда и ни разу не усомнились в их подлинности!

Парадоксальный случай произошел с Жоржем Струтинским. В результате устроенной ему фашистами провокации он, раненный, попал в гестапо. У Струтинского были изготовленные в отряде документы на имя жителя местечка Олыка Грегора Василевича. Их отправили для проверки по месту выдачи. И начальник жандармского поста в Олыке признал документы подлинными, а украшавшую их поддельную подпись – своей!

Гестаповцы стали требовать, чтобы Струтинский сознался, когда и при каких обстоятельствах он… убил Грегора Василевича

(на самом деле никогда не существовавшего) и с какой целью присвоил его документы. Жоржа нужно было спасать…

Сделать это удалось с помощью разведчика Петра Мамонца, по заданию отряда служившего в полицейской охране тюрьмы. Надзиратели зарабатывали на заключенных, направляя их под охраной на работы в одну строительную фирму. В список очередной партии Мамонец, ставший старшим полицейским, включил и Грегора Василевича, уже приговоренного к смерти.

Мамонец встретился с Николаем Струтинским, сказал ему, что для успеха побега нужна машина.

3 ноября 1943 года, за день до назначенной уже казни, Жоржа в составе группы заключенных под конвоем полицейских погнали на улицу имени СС. Незаметно для остальных Мамонец сказал Жоржу, что тому следует делать и когда. На строительном дворе «Василевичу» стало дурно, и старший полицейский Мамонец отвел его в подворотню приводить в чувство. Теперь все решало время. Выйдя на улицу, Жорж и Мамонец свернули в сторону и через соседний проходной двор вышли в переулок, где их уже ожидали в машине Николай Струтинский и Кузнецов – Зиберт, решивший принять участие в спасении боевого товарища.

Измученного, но счастливого Жоржа вместе с Мамонцем благополучно вывезли в отряд.

Много раз проверяли и документы Пауля Вильгельма Зиберта – в том числе личная охрана Коха. За порядком в его «Солдатской книжке» командование следило с особой тщательностью, а всевозможных записей в ней было много: о наградах, ранениях, прохождении службы, присвоении очередных воинских званий – сначала обер-лейтенанта, а затем и гауптмана. Аккуратно выписывались ему и командировочные удостоверения с отметками о прибытии и убытии.

Впервые документы Зиберта проверил еще в декабре 1942 года офицерский патруль в казино, как и у всех присутствующих. Изучив его удостоверение, офицер фельджандармерии только козырнул и молча перешел к следующему столику. Эта первая проверка показала, что документы Зиберта сомнений у гитлеровцев не вызывают, и Кузнецов сразу стал чувствовать себя увереннее и свободнее.

Теперь он не опасался даже «выяснения отношений». Так, 23 мая, когда поздно вечером он шел по улице Коновальца вместе с неким Шварце – сотрудником штаба организации Заукеля, занимавшейся угоном населения в Германию на работу, их остановил патруль. Шварце, у которого не было ночного пропуска, очень напугался возможных неприятностей. Но Зиберт так энергично вступился за него, что старший патруля не

решился задержать обер-лейтенанта и его спутника. А признательный Шварце еще долго восхищался выдержкой и поведением Зиберта.

3 июля 1943 года Кузнецова останавливали трижды. Два раза его удостоверение проверяли офицерские патрули. В третий раз обер-лейтенанта Зиберта остановил пехотный полковник. Внимательно просмотрев предъявленные ему документы, полковник неожиданно спросил, где обер-лейтенант обычно обедает. Зиберт назвал несколько мест. «Странно, – пробурчал полковник, возвращая документы, – я знаю в лицо почти всех офицеров гарнизона, но вас вижу впервые».

Зиберт вежливо объяснил, что он не служит в городе постоянно, но лишь наезжает от случая к случаю, в зависимости от служебных заданий.

У полковника, видимо, действительно была хорошая зрительная память. Но документы обер-лейтенанта были в полном порядке, да и держался он совершенно спокойно. На самом деле Кузнецов был встревожен. Тройная проверка в один день могла быть и совпадением, но могла быть вызвана и какими-то промахами с его стороны, наконец, не исключалась и более серьезная подоплека. В отряде решили, что на всякий случай ему лучше переждать и не показываться в городе некоторое время.

Впоследствии выяснилось, что 3 июля в Ровно ожидался приезд весьма высокопоставленного лица из Берлина – имперского министра восточных оккупированных территорий Альфреда Розенберга. В этой связи на центральных улицах документы проверяли у всех без исключения.

Один лишь раз реальнейшая угроза нависла над документами разведчиков, действовавших в Ровно. Разведчица отряда Лариса Манжура была устроена на неприметную, но важную для разведки должность уборщицы ровенского гестапо. В ее обязанности входила и уборка кабинета самого шефа.

Лариса регулярно передавала в отряд листки использованной копировальной бумаги, которые она иногда находила среди мусора в корзинках. В частности, именно из одного такого листка стало известно, что в ровенской тюрьме появился новый заключенный – Грегор Василевич. До этого о судьбе Жоржа Струтинского, жив он или нет, в отряде не знали.

Из другой копирки стала известна секретная директива Берлина о тайном уничтожении с целью сокрытия следов чудовищных преступлений десятков тысяч уже захороненных трупов советских граждан. Эти данные о массовых убийствах были переданы в Москву и приведены впоследствии в ноте наркома Иностранных дел СССР о зверствах гитлеровских

оккупантов. Эта нота, в свою очередь, была принята в качестве официального документа на процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге.

Случилось, что однажды шеф гестапо, уходя со службы, забыл вынуть ключ из ящика письменного стола, где его и обнаружила Манжура, когда вечером пришла убирать кабинет. Не подумав, к чему это может привести, Лариса похитила подлинную печать ровенского гестапо вместе со штемпельной подушкой с особой мастикой, книжку незаполненных орденов на обыск и арест с подписями и печатями, бланки служебных удостоверений и другие важные документы. Все это она вместе с Николаем Струтинским, очень гордая и довольная, доставила в отряд.

Решение командования показалось Струтинскому и Манжуре неожиданным: немедленно, благо суббота и до понедельника немцы пропажи не хватятся, вернуть все на место.

Иного выхода не было. В городе действовали десятки разведчиков отряда с отличными документами, до сих пор никто к ним придраться не мог. Но в понедельник кража будет обнаружена, гестапо немедленно отменит все старые документы, начнутся облавы и проверки, введут новые печати, их образцы достать удастся не скоро. Ровенские разведчики попадут в опасное положение, так как их документы окажутся недействительными.

Вот почему Ларисе и приказали в тот же день вернуться в город, в понедельник прийти на работу пораньше и положить все в стол до прихода шефа. Командование понимало, что посылает Манжуру на риск, но рисковать жизнью многих людей, выполнявших чрезвычайно важные задания, оно не имело права. К счастью, лее обошлось благополучно.

Николай Иванович Кузнецов, кроме обычного офицерского удостоверения, имел еще один документ – подлинный гестаповский жетон за № 4885, добытый в схватке с гестаповцами. Трофей представлял тяжелую овальную пластинку из черненого металла, прикрепленную к длинной цепочке. Такие гестаповские жетоны предоставляли их обладателям очень большие полномочия. Николай Кузнецов должен был пользоваться жетоном лишь в исключительных случаях.

Положение Кузнецова – Зиберта было особенным: мало того, что он не был настоящим офицером фашистской армии, он не имел никакого отношения к какому-либо официальному учреждению гитлеровцев в Ровно, да и ко всему вермахту вообще. Нужные для него знакомства с гитлеровцами он заводил частным образом. Почти каждый новый знакомый рано или поздно представлял Зиберта своим друзьям уже как приятеля.

Из-за нелегального положения Кузнецов не мог пользоваться постоянными квартирами – это было связано с регистрацией в военной комендатуре и полиции, а самая элементарная проверка непременно установила бы, что никакой обер-лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт в составе «Викдо» не числится. Поэтому некоторые знакомства Зиберт заводил лишь с целью получения квартир, где можно было бы без риска остановиться в случае необходимости.

Николай Струтинский останавливал машину у кромки тротуара в каком-нибудь оживленном месте и начинал копаться в моторе, устраняя несуществующую поломку. Зиберт же выходил из автомобиля и прогуливался рядом со скучающим видом. Так проходило иногда пять минут, иногда полчаса, пока мимо не проходила женщина, достойная внимания молодого, элегантного обер-лейтенанта с несколькими боевыми наградами. Остальное было просто – пустячный предлог для начала разговора всегда находился. А потом шофер устранял неисправность, и обер-лейтенант предлагал новой знакомой подвезти ее к дому. В машине у Зиберта для подобных случаев всегда находились небольшие подарки: шелковые чулки, хорошая пудра, духи, шоколад…

При схожих случайных обстоятельствах Кузнецов познакомился на улице и с молодой красивой немкой по имени Лотта Хайне. Николая Ивановича в этом знакомстве привлекала возможность бывать еще в одной безопасной квартире, к тому же Лотта сказала, что служит в штабе начальника тыла германской армии генерала авиации Китцингера. Это уже было интересно…

Они недолго погуляли по Дойчештрассе, болтая о всяких пустяках. Зиберт немного ухаживал, Хайне немного флиртовала. При прощании договорились встретиться на следующий день, в восемь часов вечера, у сквера на Дойчештрассе.

Минули сутки. И с каждым часом приближения условленной встречи Николая Ивановича все сильнее охватывало чувство смутного беспокойства. Ни в словах, ни в поведении Хайне не было вроде бы ничего особенного, странного, но все же он не мог отделаться от неосознанной тревоги. В какой-то миг он даже готов был отказаться от свидания, но тут же прогнал эту мысль. Кузнецов в определенной мере считался со своей интуицией разведчика, но никогда не позволял ей брать верх над разумом и волей.

К месту встречи с Лоттой Николай Иванович подходил без десяти восемь, предельно собранный. По вошедшей в кровь и плоть привычке еще издали с обостренным вниманием обежал взором сквер и прилегающие дома. И – неприятно екнуло сердце.

Хайне его ожидала. Но, кроме нее, были и другие: три эсэсовца прогуливались по тротуару у входа в сквер. Еще двое в штатском стояли на углу возле большого черного автомобиля, а неподалеку от Хайне кто-то в штатском, сидя на скамейке, читал газету…

Чувствовалось, что эти люди друг с другом связаны, кого-то встречают, кого-то ждут.

Что делать? Первая мысль – повернуть назад. Невозможно. Не исключено, что сзади уже кто-нибудь только и ждет, что он остановится, к тому же эсэсовцы на тротуаре его заметили и вели уже тяжелыми, цепкими взглядами… Продолжая неторопливо приближаться к скверу, Кузнецов думал: если он разоблачен, то отступать поздно. Но если немке просто показался подозрительным ее новый знакомый, тогда… Накануне Хайне видела Зиберта в мундире. Сейчас на нем была темная офицерская пелерина без знаков различия, скрывавшая особые приметы, которые могла бы она запомнить: ордена и знаки ранений.

Спокойно, как ни в чем не бывало, не ускорив шага и не повернув в сторону немки головы, он прошел мимо места свидания. Краем глаза уловив на одном из эсэсовцев шитье штурмбаннфюрера, первым выбросил руку в приветствии. Теперь только не оглядываться, только не спешить…

Преследования не было. Хайне не узнала обер-лейтенанта Зиберта, когда тот прошел мимо нее.

После возвращения Кузнецова в отряд через несколько дней в штабе обсуждали эту историю, пытались в ней разобраться.

Три версии имели право на существование. Первая – совпадение, эсэсовцы ждали на этом месте и в это же время кого-то другого. Вторая – Хайне действительно лишь служащая штаба Китцингера, но она заподозрила в чем-то своего случайного знакомого и дала знать в СД. Наконец, третья, самая серьезная: фашистская служба безопасности взяла на заметку общительного обер-лейтенанта и специально подставила ему для знакомства свою сотрудницу. Последнюю версию можно было бы снять, если бы Кузнецов был твердо уверен, что именно он сделал первый шаг к знакомству с Хайне, но у него такой уверенности не было. История с Лоттой Хайне так и осталась неясной.

Подводя итог обсуждению, Дмитрий Николаевич Медведев со свойственным ему чувством юмора заметил: «Всегда считал, что знакомства с женщинами дело опасное. Даже в мирных условиях… Тут надо быть очень осторожным».

…Кузнецов после «встречи» с Хайне вернулся к себе, лишь убедившись, что «хвоста» за ним нет. А на квартире его уже с нетерпением ждал связной из отряда – Алексей Глинко со

срочным пакетом. Задание было необычным.

Накануне в отряд пришла группа бывших советских военнопленных. Их, как обычно, допросили, подвергли санобработке, накормили и разбили по взводам. И вдруг один из вновь прибывших, очень взволнованный, попросил дежурного по лагерю срочно отвести его к командиру отряда. В штабном чуме новичок заявил, что среди бойцов он опознал человека, которого ранее видел в гестапо, где сам находился некоторое время до отправки в концлагерь (откуда ему чудом удалось бежать). По его словам, опознанный им человек был в гестапо своим, он участвовал в очных ставках, изобличал патриотов, помогавших подпольщикам и партизанам.

По описанию определили, что речь идет о бойце Питанине, якобы тоже бывшем пленном, недавно принятом в отряд. За ним тут же послали несколько бойцов комендантского взвода. Те вернулись ни с чем: Питанин исчез, не оказалось на месте в землянке и некоторых его вещей.

Все дозорные посты и дежурные на «маяке» были немедленно оповещены о бегстве провокатора. Командование было встревожено: Питанин мог видеть в лагере Кузнецова и других разведчиков, мог собрать сведения об отряде вообще.

В Ровно срочно отправили связного с указанием Кузнецову: Питанина перехватить. Было ясно, что предатель, стремясь уйти от погони, отправится в Ровно кружным путем. Достигнув города, он свяжется с гестапо лишь поздним вечером.

Была уже полночь, когда разведчики из группы Николая Кузнецова – Николай Куликов, Дмитрий Лисейкин, Василий Галузо, Дмитрий Баланюк и другие выполнили приказ. Позднее стало известно, что по подозрению в убийстве Питанина фашистская служба безопасности расстреляла в Ровно нескольких сослуживцев предателя.

Николай Кузнецов был глубоко засекреченным разведчиком. То, что он работает в Ровно под видом офицера вермахта, его немецкая фамилия, городские адреса-явки и прочее было известно очень немногим проверенным товарищам. Остальные бойцы и командиры его в немецкой форме не видели.

Командование не исключало возможность проникновения в отряд вражеского лазутчика, поэтому Кузнецова всячески оберегали. Привести разведчика к провалу могла и простая неосторожность кого-либо из его боевых друзей, чья-нибудь неуместная разговорчивость, наконец, непредвиденная случайность.

В числе предпринятых мер охраны был, естественно, запрет Кузнецову фотографироваться во вражеском тылу (фотографии

для его документов гитлеровского офицера были изготовлены еще в Москве).

И все-таки дважды могла случиться беда из-за того, что запрет был нарушен людьми, недостаточно сведущими в разведывательной работе.

Впервые это случилось в пасхальные праздники весной 1943 года на квартире Ивана Приходько. Кроме хозяина, там присутствовали Николай Кузнецов – Зиберт, Николай Гнидюк, свояк Ивана Тарасовича Петр Мозолюк и два настоящих эсэсовца: уже упоминавшийся ранее фон Диппен и его сослуживец Ганес. Потом зашли еще двое гостей: Ян Каминский и его знакомый – некто Аркадий, работавший корреспондентом в немецких газетах. У Аркадия был с собой фотоаппарат со штативом.

За праздничным столом они сидели довольно долго. Много шутили, смеялись. Обстановка была непринужденной, и как-то само собой получилось, что Приходько предложил присутствующим сфотографироваться на память.

Кузнецов вынужден был согласиться, так как его отказ мог вызвать у эсэсовцев подозрение. Все же он успел шепнуть Приходько, чтобы тот любой ценой изъял потом у Аркадия пленку. Впрочем, Приходько уже и сам понимал, что допустил оплошность.

Хозяин и гости вышли на улицу, и здесь Аркадий отснял один кадр, затем он поменялся местами с Гнидюком, и тот сделал второй снимок.

Иван Тарасович знал, что Аркадий через два дня уезжает на фронт, – следовательно, требовалось не допустить, чтобы корреспондент за это время отпечатал снимки. Приходько со своей задачей справился успешно: двое с лишним суток он почти непрерывно поил Аркадия и у себя и у него. Пленку Аркадий в последний момент все же проявил, но печатать фотографии у него уже не было ни времени, ни сил.

Приходько уговорил Аркадия отдать ему оба негатива, пообещал быстро сделать отпечатки и один выслать его матери по оставленному адресу. Аркадий уехал на фронт, никаких вестей от него больше не было.

Кузнецова в немецкой форме сфотографировали и в отряде по указанию Стехова. Им, разумеется, руководили лучшие побуждения – сохранить для истории облик замечательного советского разведчика, сфотографировавшись вместе с ним, но возможных последствий этого он не учел. Медведев не знал о необдуманном распоряжении своего замполита, он, старый опытный чекист, никогда бы не допустил такого нарушения конспирации.

Как бы то ни было, партизан Борис Черный сфотографировал в лесу Кузнецова в форме офицера вермахта рядом со Стеховым и Николаем Струтинским. Фотография эта, к счастью, за пределы отряда не вышла.

Создать внешне безукоризненный образ фашистского офицера Кузнецову удалось успешно: у гитлеровцев обер-лейтенант Зиберт подозрений не вызвал. Труднее оказалось другое: сдерживать, ничем не выдавая, естественные чувства советского человека, вынужденного на своей же советской земле играть роль ее злейшего врага. В его присутствии немецкие офицеры радовались победам или расстраивались при неудачах на фронтах. Кузнецов испытывал прямо противоположные чувства, но Пауль Вильгельм Зиберт вел себя точно так же, как они.

Николай Иванович должен был совершенно равнодушно проходить мимо виселиц с телами повешенных патриотов, не обращать внимания на оборванных, изможденных советских военнопленных, которых гоняли на работу под охраной свирепых овчарок, наконец, он должен был привыкнуть к ненависти и презрению в глазах советских людей.

Однажды он с разведчиком Василем Буримом шел по улице. Внезапно из-за угла вынырнула какая-то старушка с кошелкой в руках. Столкнувшись с Зибертом, старушка упала. Вместо того чтобы испугаться, старушка принялась ругать «окаянного фрица». Растерявшийся Кузнецов, бормоча извинения, попытался было помочь ей подняться, но был незаметно остановлен рукой Бурима. «Что вы делаете! Ведь вы в форме!» – успел шепнуть Василь.

Кузнецов опомнился – Бурим был прав – и молча зашагал дальше, злой и мрачный. И вдруг остановился. Плотно сжатые губы его расплылись в теплой улыбке. Он повернулся к Василю:

– А здорово она честила меня, эта старушка! Ведь я мог застрелить ее на месте за дерзость, а она не испугалась! Понимаешь, что это значит?

Эпизод с незнакомой старушкой заставил Кузнецова трезво отнестись к еще одной опасности, о которой он, правда, знал и раньше, но в полной мере ее не учитывал.

Советского разведчика Грачева знало лишь несколько человек, для тысяч жителей города Ровно и его окрестностей гитлеровский офицер Зиберт был ненавистным фашистским оккупантом. В Ровно активно действовали подпольные организации. В целях конспирации Кузнецову не разрешалось вступать с ними в контакты. Поэтому обер-лейтенант Зиберт должен был всегда помнить, что фашистский мундир, свастика на

фуражке, «Железный крест» могут стать мишенью для меткой пули народного мстителя. Пуля от советского человека, от своего!..

Василь Бурим стал свидетелем и следующего эпизода. Несколько солдат на главной улице города Дойче-штрассе устроили себе развлечение: грубо задевали проходящих местных жителей, бросали им оскорбительные реплики, насмехались над ними.

Кузнецов, заметив ото, тут же поставил их во фронт и обрушил на солдат весь свой запас крепких немецких выражений. Затем он заставил гитлеровцев несколько раз промаршировать перед ним строевым шагом. На прощание предупредил взмокших солдат: «Я научу вас, тыловых крыс, как балаганить на улице. Убирайтесь отсюда!»

Когда солдаты поспешно ушли, Бурим сказал:

– С какой ненавистью смотрели они на вас, разорвать готовы были!

Кузнецов, все еще не успокоившись, ответил:

– Вот и хорошо! Это ведь они не меня хотят разорвать, а офицера собственной армии.

17 августа Кузнецов сидел в парикмахерской неподалеку от Парадной площади, когда до его слуха донесся лай собак, предостерегающие окрики на немецком языке и пение… «Интернационала»! Он быстро вышел на улицу, и глазам его предстало зрелище, наполнившее сердце ненавистью и болью, горечью и гордостью.

По улице гнали колонну пленных женщин. Они шли обессиленные, еле передвигая ноги. Раненых в грязных окровавленных повязках поддерживали под руки подруги.

Медсестры, санитарки, радистки, попавшие в фашистский плен…

А сзади, спереди, по бокам колонны шагали рослые, откормленные эсэсовцы с автоматами. Некоторые из них еле удерживали на поводках свирепых, натасканных на людей овчарок.

Девушки пели «Интернационал». Несломленные. Гордые. Непобедимые. И слова великого гимна внушали страх их конвоирам.

Вечером Зиберт встретился с фон Диппеном и словно невзначай спросил, что стало с пленными женщинами.

– Отправили на Белую… – с полным равнодушием ответил тот.

Фон Диппен зашел, чтобы, как обычно, поделиться ровенскими новостями и заодно одолжить деньги. Получив

просимую сумму, фон Диппен спросил Пауля Зиберта, собирается ли он в «Немецкий театр» на собрание, где будет выступать прибывший из Мюнхена один ил лучших ораторов Германии. Кузнецов ответил, что рад бы пойти, но, к сожалению, у него нет пригласительного билета, на что фон Диппен тут же вручил ему входной билет, отпечатанный на плотной веленевой бумаге. Из приглашения следовало, что 18 августа, в восемь часов вечера, в помещении «Немецкого театра» приехавший из Мюнхена имперский оратор рейхсэнзацреднер Шойман прочитает доклад под названием «Вера Германии в ее миссию».

Рассматривая билет, Кузнецов обратил внимание на примечание: «Явка обязательна» – и неудержимо рассмеялся. Вот уж чего никогда не мог предвидеть бывший уральский комсомолец Коля Кузнецов, что ему придется присутствовать на собрании активистов нацистской партии, причем в «обязательном» порядке!

К театру он прибыл минут за десять до начала, предъявил охранникам пригласительный билет и прошел в зал. Здесь уже собралась вся верхушка ровенских оккупационных властей и офицеры гарнизона. В глазах рябило от погонов, орденов, нарукавных повязок, аксельбантов. Сцену «украшали» (если только можно употребить в данном случае это слово) огромный портрет фюрера, германский орел и полотнище со свастикой.

Ровно в восемь часов на сцену стремительно выбежал коротенький человечек с невыразительным лицом, облаченный в коричневую форму, взобрался на кафедру и обрушил на собравшихся ноток истерического красноречия.

«Что ж, подкуемся теоретически», – с иронией сказал сам себе Кузнецов, устроившись поудобнее в кресле.

Имперский оратор, явно подражая фюреру, два часа подряд изрыгал человеконенавистнические бредни об исторической роли великой Германии – спасти цивилизацию от большевизма, о священной миссии Адольфа Гитлера, о несокрушимом арийском духе, о тысячелетнем рейхе.

– Мы должны уничтожить славян поголовно, – выкрикивал господин рейхсэнзацреднер, – потому что они недостойны быть даже рабами германской нации! Враг силен и нас ненавидит. Они не сдаются. Даже их женщины, когда их ставят к стенке, плюют нам в лицо!

Дорога в лагерь для Кузнецова, других разводчиков и связных была полна опасностей. Гитлеровцы и украинские буржуазные националисты: бандеровцы, бульбовцы, мельниковцы боялись встреч с партизанами в открытом бою, но постоянно охотились на

связных. Фашистские засады на пути к Ровно стали серьезно мешать своевременной доставке информации, реально угрожали жизни связных. После гибели Николая Приходько разведчикам пришлось придавать охрану.

9 июля 1943 года у села Скрежетовки бандеровцы убили москвича – комсомольца Гришу Шмуйловского, только в апреле прибывшего из Москвы с очередной группой парашютистов. Гриша нес в отряд пакет от Кузнецова. Шмуйловский был всеобщим любимцем, храбрым бойцом, талантливым поэтом – его перевод «Гамлета», сделанный им еще в бытность студентом ИФЛИ, до сих пор высоко оценивается в поэтических кругах. Шмуйловский и его спутник, партизан Сергей Кузьминов, попав в засаду, свыше часа отстреливались, пока у них не кончились патроны. Потом они попытались прорваться через болото. Кузьминову это удалось, но Гриша погиб.

Дорогу в лагерь нужно было обезопасить, тем более что командование разрабатывало уже проведение в Ровно ряда серьезных разведывательных операций. Помог случай.

28 июля разведчика комсомольца Всеволода Попкова, шедшего с «маяка» в отряд, кто-то тихо окликнул из-за дерева. Оглянувшись, он увидел человека в черном эсэсовском мундире. На его фуражке вместо обычного черепа был трезубец. Такую форму носили предатели украинского народа, служившие в так называемом «украинском СД». Гитлеровцы использовали их для борьбы с партизанами и карательных экспедиций.

Попков вскинул было автомат, но человек замахал руками.

– Не стреляй, поговорить надо!

Незнакомец рассказал, что немцы его мобилизовали насильно, что он и три его товарища хотят уйти к партизанам.

Попков слушал его недоверчиво.

– А где же стоит ваш отряд?

– В Руде Красной. Сто человек. Командует атаман Вишня.

О встрече в лесу Попков доложил командованию.

– Нужно принять решительные меры, – сказал Медведев, – чтобы обезопасить связных и обеспечить связь с разведчиками в Ровно.

Уничтожение вражеского отряда в Руде Красной было поручено замполиту Сергею Трофимовичу Стехову. Желающих участвовать в предстоящей боевой операции оказалось более чем достаточно. Все хотели воевать, к командованию началось паломничество добровольцев. Задача, поставленная перед отрядом в Москве – глубокая разведка, – не позволяла без крайней надобности ввязываться в бой. Но сейчас как раз и была эта крайняя надобность.

Первыми на разведку ушли Борис Сухенко и Владимир Ступин. Они установили, что бандиты расположились в основном в восточной части села и нападения не ожидают. В ночь с 30 на 31 июля партизаны окружили Руду. С рассветом по команде Стехова начался бой. В первых рядах, как всегда, шли комсомольцы москвичи-парашютисты Валентин Семенов, Владимир Ступин, Борис Черный, Всеволод Попков, Сергей Рощин, Борис Сухенко, Григорий Волков. Лев Ермолин и Александр Базанов в неизменной зеленой фуражке. Достойно сражался и партизан Владимир Малашенко – своим ручным пулеметом он работал, как шахтер отбойным молотком. Отличились и другие партизаны, присоединившиеся в разное время к отряду уже во вражеском тылу: Борис Харитонов, Николай Бондарчук, Петр Королев, Николай Киселев. Отлично сражался и связной из Здолбунова, Леонтий Клименко, бывший тогда в лагере и уговоривший Медведева разрешить ему участвовать в бою.

Схватка быстро закончилась полным разгромом националистов. Несколько десятков их было убито и утонуло в реке при бегстве, сорок попало в плен, в том числе и командир отряда атаман Вишня. Среди партизан убитых не было.

Восемнадцать пленных, в том числе и того, что предупредил Попкова, привели в отряд.

Дорога на «зеленый маяк» была расчищена.

Кузнецов долго огорчался, что его не было в этом бою, завидовал его участникам, расспрашивал о подробностях.

Бывая в отряде, Кузнецов любил провести час-другой у партизанского костра, слушая рассказы боевых товарищей, родные песни, русские и украинские, сам пел своего любимого «Ермака».

Вечерние встречи у костра возле штабного чума стали в отряде традицией – назывались они «вести банк». Иногда здесь собирался настоящий интернационал борцов с фашизмом, кровных братьев по оружию: русские Николай Кузнецов и Валентин Семенов, украинцы Марина Ких и Николай Гнидюк, белорус Михаил Шевчук, поляк Юзеф Курьята, евреи Григорий Шмуйловский и Лев Мачерет, грек Макс Селескериди (впоследствии известный артист Театра имени Вахтангова и кино Максим Греков), болгарин Асен Драганов, чех Витек, казах Дарпек Абраимов, испанцы Филиппе Артуньо и Хосе Гросс, армянин Наполеон Саргсян, ингуш Абдулла Цароев и многие другие.

Говорили в такие вечера о разном, рассказывали о прошлой, кажущейся теперь бесконечно далекой, прекрасной мирной

жизни, говорили о будущем, о встречах после Победы.

Кузнецов сказал как-то:

– Очень много пережили наши люди за войну… Столько горя и слез кругом! Я думаю, что после войны мы совсем иначе жить должны, хорошо относиться друг к другу, внимательно, по-братски…

– Смерть вокруг, каждый день товарищи гибнут. Вспомнят ли о нас после войны? Хорошо, если бы не забыли…

Еще говорили, кто кем хочет стать. Владимир Ступин, разведчик, «хозяин» луцкого «маяка», пришел в отряд добровольцем прямо со студенческой скамьи Московского архитектурного института. Размечтавшись, он как-то признался товарищам, что хочет после войны строить такие дома, красивые и светлые, жизнь в которых была бы одной радостью. Но первое, что пришлось построить Ступину, – памятник и ограду на братской могиле двенадцати партизан отряда «Победители» в Цумани…

И конечно, много говорили о любви, а вернее – спорили до хрипоты. Одни утверждали, что любовь остается любовью даже на войне; другие возражали, полагая, что в суровых партизанских условиях для любви места нет. Спор этот рассудила сама жизнь: те несколько семей, что сложились в отряде, выдержали испытание не только войной, но и временем. В этих разговорах Кузнецов участия не принимал, в ответ на прямой вопрос, что он думает о любви, лишь коротко, с оттенком затаенной грусти сказал:

– А я еще никогда никого по-настоящему не любил… Но об одной любви Кузнецова – к детям – знали все.

Для него не было большей радости, чем возиться с темп немногими ребятишками, которые были в отряде: младшими Струтинскими Володей, Васей, Славой, Володей Саморукой, Колей Маленьким.

Володе Саморухе было лет одиннадцать, по он сумел совершить для своего возраста почти невероятное: за короткий срок мальчик прошел по оккупированной территории около пятисот километров! Ночевал где придется: в лесу, в копне сена, в заброшенных сараях. Питался тем, что давали добрые люди. Когда его останавливали, говорил, что родители его убиты и что он идет к единственной своей родственнице – старой тетке. Адрес тетки все время менялся по мере приближения к Ровно.

В штабном чуме мальчик решительно заявил, что будет говорить только с «самим командиром Медведевым». Оставшись наедине с Дмитрием Николаевичем, он распорол подкладку кепки и извлек оттуда письмо. В нем говорилось, что «податель

сего, сын секретаря парторганизации партизанского отряда имени Ленина Володя Саморуха, послан с заданием разыскать отряд Медведева…». Далее командир этого отряда, действовавшего под Винницей, просил Медведева сообщить в Москву, что такой отряд существует, но не имеет своей радиостанции и поэтому лишен возможности передавать разведывательную информацию и получать, в свою очередь, указания командования. Командир далее сообщал место расположения своего отряда, назначал дни и условные сигналы для того, чтобы из Москвы ему могли прислать самолетом рацию.

За подкладкой штанишек у Володи было второе такое же письмо – на случай, если бы он потерял кепку.

Разумеется, просьба винницких партизан была выполнена, но не полностью: командир отряда имени Ленина в последних строках письма просил Медведева при первой возможности отправить мальчика в Москву, но Володя отказался наотрез.

Колю Янушевского в отличие от многих взрослых Николаев прозвали Маленьким. Над Колей Маленьким в отряде как бы взяла опеку радистка Марина Ких, замечательная женщина, чье имя хорошо известно на Украине. При всей ее молодости за плечами Марины была большая жизнь. В 1932 году она вступила в Коммунистическую партию Западной Украины, стала профессиональным революционером. В 1936 году во Львове при разгоне демонстрации жандармами она была ранена, арестована и осуждена к шести годам тюремного заключения.

Освободила Марину Красная Армия при воссоединении Западной Украины с Советским Союзом. Ких была избрана в Народное собрание, принимала участие в чрезвычайных сессиях Верховных Советов УССР и СССР.

Коля стал связным Кузнецова. Он проходил жандармские и полицейские посты, которые к взрослому отнеслись бы с гораздо большей строгостью. Несколько раз его задерживали для дальнейшей проверки, но ему удавалось бежать, и здесь помогал возраст – не так сильно охраняли.

Марина Ких сшила для Маленького два костюма: городской, для Ровно, и деревенский. В обоих костюмчиках были специальные потайные карманы.

Кузнецов очень ценил юных связных, но переживал, что ребята, как и их сверстники в других отрядах, принимают участие в таком недетском деле, как война. О «сыновьях полков» в действующей армии партизаны тогда еще не знали. С гордостью Николай Иванович не раз повторял, что никогда гитлеровцам не покорить страну, где даже дети встают на борьбу с оккупантами.

Свои немногие свободные часы Кузнецов охотно отдавал

детворе. Он собирал их вокруг себя, пересказывал им хорошие книги, старинные уральские сказы, читал стихи, которых помнил множество. Словом, хоть ненадолго, но переносил в светлый мир детства.

Однажды Кузнецов вернулся из очередной поездки из Ровно, бережно прижимая к груди укутанного в немецкую офицерскую шинель дрожащего от холода и пережитого страха мальчугана лет четырех. Найденыша звали Пиней. Родителей он потерял в ровенском гетто, сам же каким-то образом оказался в лесу, где и прятался несколько дней, пока на него, совершенно уже обессиленного, не натолкнулся случайно Кузнецов.

В отряде Пиню выходили, а потом самолетом отправили на Большую землю. Кузнецов скучал о нем, не раз говорил, что после войны обязательно разыщет мальчика, усыновит и воспитает.

«После войны…» О чем бы ни говорили у костра по вечерам, всегда возвращались к этой теме. Однажды кто-то из разведчиков-москвичей с беспокойством заметил:

– А далеко мы забрались, ребята. Сколько это времени топать домой придется…

Кузнецов сказал на это совершенно серьезно:

– Вам-то что, до Москвы только, а мне до Урала добираться.

Разведчики и партизаны, столько нашагавшие за эти месяцы во вражеском тылу, забыли даже, что существуют другие способы передвижения по земле, кроме пешего хождения.

Любил Николай Кузнецов и посмеяться вместе со всеми над разными веселыми историями, до которых партизаны были большие охотники. К одной из них – знаменитой истории о паре гнедых – он и сам имел некоторое отношение. Много лет спустя А. А. Лукин передал ее так:

«Случилось это еще весной 1943 года в лесу под селом Берестяны, когда отряд совершал переход, чтобы быть поближе к Ровно. Дорогу преградило вражеское подразделение. В бою противник был частью уничтожен, а частью рассеян. Партизанам же достались богатые трофеи: оружие, боеприпасы, целый обоз с продовольствием и фуражом. Взяли и принадлежавший фашистскому командиру фаэтон, запряженный парой красавцев гнедых.

В те дни Николай Кузнецов готовился к очередной поездке в Ровно.

Покончив с обсуждением задания, Кузнецов попросил Медведева:

– Дмитрий Николаевич, дайте мне этих гнедых.

Просьба была естественной. Отряд в то время не располагал еще ни легковыми автомобилями, ни мотоциклами. Не мог же

Кузнецов в своей офицерской форме идти пешком тридцать километров до Ровно! Дать ему обычную крестьянскую телегу – тоже плохо. И все же командование было вынуждено отказать Николаю Ивановичу. Кто раньше ездил на этих лошадях – неизвестно, вдруг их в городе опознают? Тогда…

Кузнецов это, конечно, понимал, но продолжал просить. В конце концов он уговорил Медведева и меня, но с условием: только доехать на этих лошадях до города, а там бросить.

Прошел день, другой. Возвращаюсь откуда-то к своему чуму и вижу… стреноженные, отгоняя пышными хвостами мошкару, преспокойно щиплют травку те самые гнедые.

Неужели что-то случилось с Кузнецовым? Ведь он должен вернуться не раньше чем через неделю и, разумеется, без коней! Срочно вызываю дежурного по штабу, спрашиваю:

– Что, Грачев вернулся? Он отвечает:

– Никак нет.

– А лошади откуда?

– Из Ровно. Мажура и Бушнин привели…

Ничего не понятно. Мажура и Бушнин были разведчики отряда, выполнявшие в Ровно особое задание. Но ни один из них не знал Николая Кузнецова! Вызываю к себе обоих. Ребята приходят довольные, сияющие. Наперебой докладывают: задание выполнили, молодцы. Похвалил я их и осторожненько так, вроде бы невзначай, спрашиваю:

– А что это за лошадки там пасутся?

Мажура так и расцвел:

– Боевой трофей в подарок командованию.

– Какой трофей? Откуда?

Мажура докладывает:

– Значит, выполнили мы задание, решили, что пора возвращаться в отряд. Идем по улице, вдруг видим, подкатывает к ресторации на шикарной бричке какой-то фриц, важный такой, весь в крестах. Переглянулись мы с Бушниным и враз решили, что такие добрые кони этому немцу ни к чему, а нам очень даже удобно будет на них до отряда добраться. Только этот фриц слез с брички…

Тут я похолодел. Неужели?..

– … и вошел в ресторацию, – продолжал, не замечая моей реакции, Мажура, – а солдат-кучер куда-то отлучился, как мы аккуратненько взяли коньков под уздцы, отвели в сторонку, а потом ходу! Вот и все.

Я сидел взмокший. Только и не хватало, чтобы из-за этих проклятых гнедых Мажура и Бушнин ухлопали Николая Кузнецова.

– Ладно, идите.

Так ничего и не поняв, Мажура и Бушнин ушли. А Медведеву и мне ничего не оставалось, как хоть порадоваться про себя хорошей конспирации, коли Мажура и Бушнин не узнали в немецком офицере и его кучере разводчиков из своего же отряда».

ГЛАВА 12

К концу лета 1943 года Кузнецов впервые ощутил, что долгие напряженные месяцы почти непрерывного пребывания в стане врагов отнюдь не прошли дня него бесследно. Он, конечно, уже не испытывал прежней скованности, опасения совершить пустяковый, но необратимый по последствиям промах, однако постоянная нервная мобилизация оставалась по-прежнему его непременным спутником. Кузнецов понимал, что теперь, когда он стал среди гитлеровцев своим, у него появился новый враг – самоуверенность и беззаботность. А потому ни о каком ослаблении бдительности не могло быть и речи. Постоянная настороженность, установка на опасность стали как бы его второй натурой.

Во время очередного наезда в отряд Николай Иванович как-то описал Альберту Цессарскому свой самый обычный день.

Рано утром он просыпается сразу, точно от удара, и несколько минут лежит неподвижно, прислушиваясь к тому, что происходит вокруг. Затем встает, осторожно подходит к окну и из-под края занавески оглядывает улицу. Все спокойно.

Теперь можно побриться, умыться… Он идет в кухню, старается сделать это внезапно, чтоб поймать выражение лица хозяйки – не случилось ли чего за ночь, не подозревает ли она… Потом он одевается медленно, тщательно и выходит из дому. Здесь он особенно сосредоточен – не пропустить ни одного прохожего! – не следят ли за ним, не мелькнуло ли удивление на чьем-либо встречном лице – это значит, что-то неладно в его внешности.

Потом в кафе встречи со знакомыми офицерами – обдумывание каждого слова, веселый, бодрый тон, улыбка, от которой через несколько минут сводит скулы… И огромное напряжение, когда рядом звучит русская речь, – ничем не выдать, что понимает. А все это время бешеная работа памяти – запомнить, зафиксировать каждое интересующее тебя слово, каждую подробность, из которой вырастают потом важнейшие данные.

Кузнецов понимал, конечно, сколь важна информация, которую он чуть не ежедневно отправлял или лично доставлял в отряд, и все же час от часу в нем росло чувство неудовлетворенности собственной работой. Да, он устал от разведки. Даже сознание ценности информации, полученной им от Коха, не могло перевесить глубокого разочарования от самого факта, что совершить действие ему не удалось. И в этом был ключ

к разгадке его нынешнего состояния: своеобразное переутомление, разрядить, снять которое могла только активная боевая деятельность, личное, непосредственное участие в борьбе с оружием в руках.

Человек высокой выдержки и дисциплины, Кузнецов не допускал и мысли о возможности совершить хоть один выстрел по собственной прихоти (разумеется, если бы этого не пришлось сделать для самозащиты), но все настойчивее и настойчивее просил командование разрешить ему, по его выражению, потрясти немцев.

И такое разрешение было, в конце концов, ему дано. Но не раньше, чем командование, обсудив вопрос с Центром, убедилось, что для этого пришел нужный час.

Действительно, к осени сорок третьего дни фашистской оккупации на Украине были сочтены. Красная Армия наступала, и отряд, в сущности, действовал теперь не в таком уж глубоком тылу врага. Активная партизанская и диверсионная борьба в этих новых условиях приобретала особое значение. И Центр разрешил отряду, – следовательно, Кузнецову, – осуществить несколько актов возмездия над особо ненавистными народу фашистами в Ровно, не в ущерб, однако, основной разведывательной работе.

К сожалению, из списка высокопоставленных гитлеровцев, составленного в штабе, фактически выпадало имя Эриха Коха. Наместник фюрера, напуганный размахом партизанского движения на Украине, старался держаться подальше от своей ровенской резиденции и предпочитал отсиживаться в Восточной Пруссии, где пока было безопасно.

Но кроме Коха, в списке было еще несколько имен, а среди них на первом месте Даргель.

Официальная должность генерала Пауля Даргеля называлась гак – правительственный президент. Фактически он являлся первым заместителем Коха по политическим и партийным делам. Именно он замещал Коха по всем важным вопросам во время частых и длительных отлучек рейхскомиссара. У Коха было еще несколько заместителей, но с ограниченными, строго определенными полномочиями.

Населению Ровно, да и всей Украины имя Даргеля было особенно ненавистно, так как именно он подписывал бесчисленные приказы и постановления оккупационных властей, за нарушение которых в большинстве случаев полагалось одно наказание – смерть. И это была не пустая угроза. Казни не прекращались ни на один день.

В самом Ровно (главным образом на Белой улице) и его пригородах за период оккупации гитлеровцы расстреляли сто две

тысячи советских людей – много больше, чем было тогда в городе жителей!

Выступая еще в августе 1942 года на совещании в Ровно, рейхскомиссар Кох цинично заявил:

«Нет никакой свободной Украины. Цель нашей работы должна заключаться в том, что украинцы должны работать на Германию, а не в том, чтобы мы делали этот народ счастливым. Украина должна дать то, чего не хватает Германии. Эта задача должна быть выполнена, невзирая на потери. Фюрер потребовал с Украины три миллиона тонн зерна для Германии, и они должны быть поставлены».

Кох приказал грабить – генерал Даргель стал главным исполнителем приказа.

Ликвидация Даргеля была поручена Николаю Кузнецову. Он представил свой план, который с внесенными в него дополнениями был утвержден командованием. Надо признать, что план был разработан достаточно детально и вполне реалистично.

Городские разведчики отряда за несколько недель тщательного наблюдения успели хорошо изучить распорядок дня и привычки правительственного президента. Генерал Даргель жил на той же улице – Шлоссштрассе, – где располагался и рейхскомиссариат. Его красивый двухэтажный особняк за № 18 отделяли от зданий РКУ какие-нибудь триста-четыреста метров. Как правило, генерал ездил по городу с большой скоростью в длинном черном «опель-адмирале» с номерным знаком «Р-4», но обедать домой ходил всегда пешком, для моциона, и ровно в два тридцать. («Хоть часы по нему проверяй», – рассказывали разведчики.)

Разумеется, в отличие от рядовых служащих Даргель не просто шел домой наскоро поесть. Его прогулка сопровождалась определенным ритуалом. Вначале на улице появлялись личные телохранители генерала: жандармский фельдфебель и гестаповец в штатском. Охранники внимательно и придирчиво проглядывали Шлоссштрассе, выверяя, нет ли на ней подозрительных лиц. Убедившись, что все в порядке, гестаповец возвращался обратно к РКУ, докладывал, и лишь тогда из ворот выходил Даргель, поворачивал направо и шел к своему дому, неторопливо, размеренным шагом, не обращая внимания на почтительные приветствия прохожих.

Следом за генералом – в двух шагах – всегда шествовал его адъютант, майор с ярко-красной кожаной папкой в руке. Это была вполне достаточная примета, к тому же Кузнецов лично видел однажды Даргеля (весной, на параде по случаю дня рождения

Гитлера, когда тот выступал на митинге вместо отсутствовавшего Коха) и был уверен, что сумеет опознать его в лицо.

Уничтожить Даргеля командование поручило Кузнецову, Николаю Струтинскому и Ивану Калинину, Струтинский уже не раз бывал в Ровно в форме немецкого солдата, хорошо изучил расположение улиц, к тому же умел превосходно водить машину, как разведчик был смел и решителен. Бывшего военнопленного Ивана Калинина включили в число участников операции потому, что только он мог достать необходимый для этого автомобиль. Дело в том, что Калинин, давно уже сотрудничавший с разведчиками и, разумеется, не раз проверенный, работал личным шофером ровенского гебитскомиссара доктора Беера и имел свободный доступ в гараж. Господин гебитскомиссар, конечно, и не подозревал, с какой целью был заимствован 20 сентября 1943 года его светло-коричневый «опель» с номерным знаком РКУ.

К операции, получившей кодированное название «Дар», Кузнецов готовился тщательно и хладнокровно. В успехе ее он был уверен, не сомневался и в том, что ему и его товарищам удастся благополучно уйти от погони.

Но все же он оставил в штабе отряда письмо в запечатанном конверте, которое просил вскрыть только в случае его гибели.

Вот что писал Николай Иванович Кузнецов, еще не зная, что ему придется совершить:

«25 августа 1942 г. в 24 часа 05 мин. я опустился с неба на парашюте, чтобы мстить беспощадно за кровь и слезы наших матерей и братьев, стонущих под ярмом германских оккупантов.

Одиннадцать месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром германского офицера, пробирался в самое логово сатрапа – германского тирана на Украине Эриха Коха.

Теперь я перехожу к действиям.

Я люблю жизнь, я еще очень молод. Но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик. Пусть знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце.

Пусть я умру, но в памяти моего народа патриоты бессмертны.

«Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»

Это мое любимое произведение Горького. Пусть чаще читает его наша молодежь…

Ваш *Кузнецов».*

…Кузнецов понимал, что ждать выхода Даргеля непосредственно на Шлоссштрассе слишком рискованно, поэтому он поставил машину в переулке с таким расчетом, чтобы видеть ворота рейхскомиссариата.

Предварительная информация оказалась точной: около половины третьего весь путь от РКУ до особняка Даргеля осмотрели охранники, а ровно в два тридцать (ни минутой раньше, ни минутой позже) из ворот рейхскомиссариата вышел подтянутый сухощавый генерал со смуглым надменным лицом. За ним вышагивал высокий майор с ярко-красным портфелем под мышкой.

Гитлеровцы успели сделать лишь несколько десятков шагов, как их нагнал светло-коричневый «опель». На какую-то секунду автомобиль притормозил, из него выскочил пехотный обер-лейтенант… Генерал не успел даже удивиться. В руке обер-лейтенанта блеснул ствол «вальтера». Негромко хлопнули четыре выстрела. Качнувшись, рухнул на тротуар генерал с надменным лицом. Выронив красный портфель, упал рядом его адъютант.

И тут же обер-лейтенант впрыгнул в машину, уже на ходу захлопнув дверцу, и «опель» рванул, быстро набирая скорость. Когда к месту происшествия подоспели растерянные жандармы, они нашли на окровавленной мостовой лишь два трупа и вывалившийся при резком движении из кармана обер-лейтенанта кожаный бумажник. А на всем протяжении Шлоссштрассе не было и следа светло-коричневого «опеля».

Кузнецов и его спутники немедленно вернулись в отряд. И потянулись казавшиеся бесконечно долгими дни ожидания. Из Ровно не поступало никаких вестей. Это тревожило, но не удивляло. Можно было предвидеть, что ни один связной не сумеет выбраться из наверняка наглухо оцепленного эсэсовцами и жандармами города.

Николай Иванович заметно нервничал, и это было совершенно естественно: ему, конечно, как, впрочем, и всему штабу, не терпелось узнать о результатах покушения.

– Промахнуться я не мог, – говорил Кузнецов, – стрелял в упор.

Лишь через три дня в отряде получили долгожданные фашистские газеты. На первых полосах жирным шрифтом в черных траурных рамках были напечатаны сообщения об убийстве переодетым в форму немецкого офицера террористом имперского советника финансов на правах министра, генерала, доктора Ганса Геля и его адъютанта майора Адольфа Винтера.

Это казалось сущим наваждением: генерал, майор адъютант с

красной папкой, правильное время, правильный маршрут – и *не те!*

Да… Оказывается, бывают и такие удивительные совпадения. Как стало известно позднее, генерал Гель за несколько дней до покушения прибыл в Ровно из Берлина со специальным заданием усилить вывоз в Германию продовольствия и ценностей с Украины. Остановился он по приглашению Даргеля в его особняке на Шлоссштрассе, 16. Правительственного президента в тот день какие-то неотложные дела задержали в рейхскомиссариате, но Гель вышел из РКУ в обычное время.

У обоих генералов были не только созвучные фамилии, они и внешне были очень похожи. К тому же адъютант Геля – тоже майор! – Винтер носил такой же положенный высокопоставленным чинам гитлеровской администрации красный портфель, что и адъютант Даргеля.

На Кузнецова было жалко смотреть. Он разве что не плакал от досады, хотя никто и не думал его ни в чем упрекать, – очень уж невероятным было стечение всех обстоятельств.

– В следующий раз документы буду проверять, прежде чем стрелять, – в сердцах сказал он.

И все же командование было вполне довольно результатом покушения, так что расстраивался Кузнецов зря. Во-первых, сам акт возмездия прошел безукоризненно, – значит, план, в сущности, был разработан правильно. Во-вторых, и это тоже достаточно важно, генерал доктор Гель был по фашистской иерархии фигурой не меньшей, если не большей, чем правительственный президент генерал Даргель. Недаром Гитлер посмертно наградил Геля рыцарским «Железным крестом».

Дерзкое уничтожение в самом центре «столицы» средь бела дня гитлеровского генерала имело одно важное последствие. Дело в том, что бумажник, подобранный на мостовой Шлоссштрассе жандармами и доставленный в гестапо, Кузнецов обронил не случайно. Чего-чего, а подобной оплошности разведчик не допустил бы, если б это не входило почему-либо в его планы. А план как раз и был: эта утеря должна была послужить, и послужила, завязкой весьма любопытной комбинации, разработанной в штабе отряда.

Бумажник, новенький, с маркой известной берлинской галантерейной фирмы, был обнаружен при обыске у захваченного незадолго до того в плен видного эмиссара украинских националистов, только что прибывшего из Германии. В бумажнике находился паспорт с разрешением въезда на оккупированную территорию, членский билет берлинской организации украинских националистов и директива

организации (в форме личного письма) своим ответвлениям на Западной Украине. В ней излагалось требование гестапо усилить борьбу с советскими партизанами.

В отряде бумажник пополнили: для полного правдоподобия в него вложили около ста сорока рейхсмарок, немного американских долларов, пять английских фунтов стерлингов, несколько советских купюр по десять червонцев (на оккупированной территории среди населения они продолжали ходить), три золотые царские десятки и пригоршню золотых коронок, которые бандиты имели обыкновение вырывать у расстрелянных ими людей.

Но кое-что из бумажника изъяли, а именно – директиву. Вернее, ее не изъяли, а подменили новой, хотя и написанной «тем же самым» почерком. Эта директива имела совсем иное, прямо противоположное, содержание: ее автор давал адресату указание в связи с явным проигрышем Гитлером войны взять другую линию и начать действовать против фашистов, чтобы ввести в заблуждение украинский народ. В директиве были, к примеру, такие строки:

«Дорогой друже! Мы очень удивлены, что ты до сих пор не выполнил нашего поручения. Немцы войну проиграли, это ясно теперь всем. Нам надо срочно переориентироваться, а мы скомпрометированы связью с гитлеровцами. Батько не сомневается, что задание будет тобой выполнено в самое ближайшее время. Эта акция послужит сигналом для дальнейших действий против швабов».

Весь строй и стиль директивы был умело и строго выдержан в духе хорошо известной командованию отряда бандеровской переписки.

Удар был рассчитан точно. Гестапо, крайне подозрительно относившееся к националистическим главарям, готовым продаться в любой момент кому угодно, попалось на удочку. В местных газетах появились многозначительные намеки, что, хотя покушавшийся и был одет в немецкую офицерскую форму, на самом деле он принадлежал к числу лиц, не оценивших расположения немецких властей и предавших фюрера. Газеты сообщали далее, что органы безопасности, то есть гестапо и СД, уже напали на след преступников.

Оставленный Кузнецовым след привел гестаповских ищеек именно туда, куда и наметило командование. За причастность к убийству генерала Геля гитлеровцы схватили тридцать восемь видных националистов, в том числе и несколько сотрудников так называемого всеукраинского гестапо. Как те ни уверяли в своей полной невиновности, как ни клялись в преданности фюреру и

«Великонеметчине», их всех расстреляли, хотя и не за то, за что следовало. Тогда же гитлеровцы убрали из города всех украинских полицейских, заменив их немецкими.

Всего четыре немецких патрона израсходовал Николай Иванович Кузнецов на Шлоссштрассе. Но они стоили жизни многим злейшим врагам советского народа.

Выходившая в Луцке на немецком языке газета «Дойче Украинише цейтунг» так сообщала об этом в номере от 21 октября:

«Расплата за преступное покушение. Правильные мероприятия назначены и приведены в исполнение. Ровно, 20 октября. Официальное сообщение.

В последнее время были проведены два покушения на жизнь одной политически высокопоставленной личности рейхскомиссариата Украины.

Проведенным следствием были абсолютно установлены связи между исполнителями покушений и их идейными вдохновителями. Поэтому нами проведены соответствующие мероприятия против большого количества заключенных с территории Волыни, которые принадлежат к этим преступным кругам.

Мероприятия назначены и исполнены».

Кузнецова благодарили, поздравляли с двойным успехом. И только он один, все отлично понимая, не чувствовал полного удовлетворения. Он не мог смириться с мыслью, что палач тысяч советских людей остался жив. Ему хотелось во что бы то ни стало довести дело до конца, и он добился разрешения вторично стрелять в Даргеля.

8 октября 1943 года Николай Иванович вместе с Николаем Струтинским подстерег правительственного президента Пауля Даргеля, когда тот выходил из собственного особняка, и выстрелил в него несколько раз из пистолета, выскочив из той же машины, перекрашенной на этот случай в зеленый цвет. Но привести в исполнение смертный приговор на одной из главных улиц оккупированного города, на глазах гитлеровцев, совсем не то, что спокойно всаживать пулю за пулей в центр мишени на лесном стрельбище. Генералу Даргелю удивительно везло – он и на сей раз остался невредим! Более того, правительственный президент разглядел нападавшего: обер-лейтенанта германской армии с «Железным крестом» первого класса на груди.

Как и в первый раз, Кузнецов и Струтинский, хотя и с трудом, сумели уйти от погони. Но теперь уже ничто не золотило горькую пилюлю неудачи, Николай Иванович был расстроен вконец и нещадно корил самого себя за дрогнувшую от понятного

волнения в решающий момент выстрела руку. И тут же поклялся, что не отступится, пока не доберется до словно заговоренного генерала.

Командование, оберегая замечательного разведчика, поначалу не хотело разрешать ему еще раз повторить акт возмездия. Ему и так уже слишком везло, что дважды удавалось беспрепятственно уйти от догони. Всегда так не будет. Но Кузнецов продолжал настаивать на своем и настоял…

20 октября обер-лейтенант Зиберт совершил третье покушение на заместителя Коха. Оно было точной копией первого. Кузнецов психологически верно рассчитал, что гитлеровцы никак не будут ждать нового нападения на том же месте и не предпримут здесь дополнительных мер охраны. Так оно и оказалось.

Автомобиль в том же гараже гебитскомиссариата был взят другой – зеленый «адлер», вместо знака РКУ на нем был установлен отличительный знак и номер вермахта. Кроме марки и цвета машины, Кузнецов сменил и оружие: вместо пистолета он для надежности применил тяжелую противотанковую гранату, к которой к тому же мастер на все руки испанец Ривас для усиления действия изготовил дополнительный стальной чехол.

И снова – технически операция прошла блистательно. Снова Кузнецов и Струтинский ушли от преследователей. И снова невероятно досадная случайность! Граната в двух шагах от ног Даргеля ударилась в бровку тротуара и отскочила так, что взрыв пошел в сторону, в стену дома! Ручкой гранаты был наповал убит какой-то подполковник, стоявший на противоположной стороне улицы. А Даргель снова остался жив, однако на сей раз он был тяжело ранен и контужен.

– Обер-лейтенант! Это все тот же обер-лейтенант, – сумел выговорить генерал в госпитале, прежде чем потерял сознание.

В тяжелом состоянии правительственный президент был специальным самолетом отправлен в Берлин.

Лишь отъехав на сравнительно безопасное расстояние от места покушения, Кузнецов ощутил боль в левом плече: он был ранен осколком собственной гранаты. Решив, что рана пустяковая, царапина, так как крови было немного да и боль чувствовалась лишь при движениях рукой, Николай Иванович ограничился тем, что подложил под рукав сложенный вчетверо носовой платок, чтобы не протекала кровь. Но врач Альберт Цессарский, когда Кузнецов в тот же день вернулся в отряд, расценил ранение иначе.

Как показал осмотр, острый осколок засел в глубине мышц возле самой плечевой артерии. Крохотный кусочек стали мог

перерезать артерию при малейшем неосторожном движении, а тогда Кузнецов неминуемо бы погиб от кровотечения, которое остановить в лагерных условиях было невозможно. Осколок следовало немедленно и осторожно удалить.

Врач стал готовиться к операции. Когда он вынул шприц и бутылку с новокаином для обезболивания, Кузнецов спросил:

– Вы что, хотите заморозить?

– Конечно. Нужно сделать разрез, и я хочу обезболить рану.

Николай Иванович несколько раз отрицательно покачал головой. Цессарский удивился, сказал, что новокаина у него достаточно, экономить, как это было когда-то, нет надобности.

Но Кузнецов упорно настаивал:

– Режьте так.

Цессарский предупредил, что будет очень больно. Но Николай Иванович оставался непреклонным. Потом, видя недоумение врача, объяснил:

– Я должен себя проверить. Если мне придется когда-нибудь испытать такую боль, вытерплю я или нет. Оперируйте!

Время было дорого. Поняв, что переубедить Кузнецова не удастся, Цессарский удалил осколок без обезболивания.

Несмотря на ранение, Николай Иванович был рад, что снова оказался в отряде. Только теперь он мог получить определенную разрядку от огромного нервного напряжения последних недель. Сброшен ненавистный фашистский мундир, его заменила обычная одежда – и офицер вермахта Пауль Вильгельм Зиберт превратился если и не в Кузнецова, то все же в советского человека, партизана славного отряда «Победители» Николая Васильевича Грачева.

Вечер у весело потрескивающего костра, традиционный «банк», знакомые лица боевых друзей вокруг, любимые песни, последние отрядные новости. Словом, родной партизанский дом!

Утром – слова Ровно…

Из этой поездки Кузнецов вернулся быстро, необычно озабоченным. Убийство Геля и Винтера, ранение Даргеля привели к тому, что оккупанты предприняли ряд мер для укрепления своей контрразведки в Ровно. Об одной из них Кузнецов и поспешил поставить в известность командование.

Как сообщил Николай Иванович, на пост начальника отдела гестапо по борьбе с партизанами был назначен крупный «специалист» своего дела – гауптштурмфюрер СС Ханке, прибывший в Ровно прямо из Житомира, где находилась полевая ставка самого рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Назначение в Ровно гауптштурмфюрера Ханке его местные коллеги справедливо расценили как проявление крайнего неудовольствия

со стороны Гиммлера их деятельностью, а вернее, бездеятельностью.

Первый шаг Ханке («новая метла чисто метет») был решителен и энергичен: он переписал все население города! Гауптштурмфюрер установил порядок, по которому на дверь каждого дома был прибит листок с фамилиями всех жильцов дома или квартиры. Последняя по списку фамилия была подчеркнута жирной линией, скрепленной печатью и личной подписью гауптштурмфюрера СС Ханке. Ни одной фамилии вписать в листок уже было нельзя – для нее попросту не оставалось места. Населению было объявлено, что если в квартире после комендантского часа будет обнаружен кто-либо, не перечисленный в списке жильцов, все семьи, проживающие в доме, не исключая стариков и детей, будут расстреляны как пособники партизан.

По первому впечатлению этой крутой мерой Ханке достиг своей цели: действительно, положение городских разведчиков сразу стало критическим. Почти во всех квартирах, которыми они пользовались, жили женщины, старики, дети. Рассчитывать на удачу не приходилось: облавы и обыски устраивались теперь каждодневно, причем преимущественно в ночное время.

Нужно было немедленно найти какое-то противоядие изобретательности гауптштурмфюрера. И оно было найдено – неожиданное и до смешного простое. Оказалось, что система, введенная Ханке, способна обернуться сама против себя. Командование приказало ровенским подпольщикам сорвать с любого дома, где жили люди, связанные с немцами (чтобы не поставить под удар невинных), листок со списком жильцов и доставить в отряд – для образца. Когда приказ был выполнен, в штабе засели за пишущие машинки. На листке чистой бумаги печатали только одну фразу: «В этом доме проживают». Далее оставалось пустое место, под которым ставилась специально изготовленная печать отдела гестапо по борьбе с партизанами и штемпель «гауптштурмфюрер СС». Готовые листки несли в штаб, и там на них проставлялась размашистая подпись «Ханке», абсолютно идентичная оригиналу.

За два дня было изготовлено несколько тысяч таких листков, решительно ничем не отличавшихся от подлинных. Их прилепляли к домам и заборам, раскидывали по улицам, целыми пачками оставляли на прилавках базара. Несколько штук почтой послали в адрес гестапо… Идея гауптгатурмфюрера Ханке была безнадежно скомпрометирована. О каком контроле теперь могла идти речь, когда каждый домовладелец мог вписать в листок, какие валялись повсюду, кого угодно! Гитлеровцам не оставалось

ничего иного, как немедленно отменить новый порядок регистрации населения. Карьере гауптштурмфюрера Ханке пришел конец. Эсэсовца постигла печальная участь его предшественников: он был снят с должности и отправлен на Восточный фронт. Разведчики отряда могли спокойно пользоваться своими квартирами.

ГЛАВА 13

Все чаще и чаще в последнее время Кузнецов думал об этом человеке. Фон Ортель. Штурмбаннфюрер СС. Впрочем, иногда он появляется в городе и в обычной пехотной форме с витыми майорскими погонами. Еще тогда, на вечеринке у Лидии Лисовской, когда они встретились впервые, в груди у Николая Ивановича словно включил кто-то сигнал опасности. Лишь они двое в тот вечер оставались трезвыми, хотя (Кузнецов это знал точно) фон Ортель и напивался порой целеустремленно и настойчиво до полного беспамятства, словно стремился укрыться в пьяном забытье от чего-то.

Но такое случалось с фон Ортелем редко, по лишь ему одному ведомым поводам, а так обычно он едва прикасался к рюмке.

Что делает в Ровно этот внешне всегда невозмутимый, с манерами хорошо воспитанного человека эсэсовский офицер? У него незаурядный ум – это Кузнецов понял уже после первых десяти минут, в общем-то, довольно тривиального разговора. Он не сомневался, что фон Ортель разведчик, и не из мелких. И опирался в этом выводе отнюдь не на одну только интуицию. Честолюбив, умен, наблюдателен, смел (на мундире фон Ортеля красовались ленточки довольно высоких наград) – такому, конечно, вряд ли по душе сугубо тыловая карьера, но и передовая для таких тоже не самое привлекательное место на земле. Каратель? Тоже непохоже. Слишком хитер, «грязную» работу такие обычно препоручают другим.

В среде общих знакомых никто не знал, где служит фон Ортель, кому он подчинен, как вообще попал в Ровно и чем здесь занимается. На Дойчештрассе у него было нечто вроде конторы, но вывеска на здании утверждала, что здесь размещается… частная зуболечебница. Из разговоров с другими офицерам Кузнецов уяснил, что фон Ортель, не занимая вроде бы никакого официального поста, держится, однако, с местными властями абсолютно независимо и пользуется в гестапо и СД большим влиянием. И денег у него было всегда много, больше, чем полагалось бы по жалованью.

Пауль («тезка»!) Ортель был высок, крепко сбит и подтянут. Его негустые темные волосы разделял безукоризненный косой пробор. Под хорошо очерченными бровями умно и настороженно смотрели светлые, чуть прищуренные глаза.

От тех офицеров вермахта и СС, с которыми Кузнецов познакомился за год, фон Ортель выгодно отличался кругозором,

эрудицией, остроумием. Прекрасно знал литературу и разбирался в музыке.

Был он еще молод – слишком молод для звания штурмбаннфюрера СС, которое, видимо, мог получить лишь за какие-то особые заслуги: в двадцать восемь лет получить витые погоны иным путем было, конечно, никак нельзя.

Год жизни во вражеском окружении многому научил Кузнецова, в том числе разбираться в характерах врагов, с которыми его сталкивали теперь повседневные обстоятельства. Это было необходимо, без этого умения все его многочисленные связи и знакомства ровным счетом ничего бы не стоили.

Поначалу все немецкие офицеры и чиновники казались ему словно сшитыми но одной колодке – самодовольными, ограниченными, жестокими, фанатично убежденными в своем превосходстве над всем и всеми, но в то же время слепо подчиняющимися воле фюрера и приказам любого начальства.

Однако Кузнецов никогда не забывал, что среди всех этих лейтенантов, капитанов, майоров обязательно должны быть люди, понимающие преступный характер развязанной Гитлером войны. Но он понимал и то, что для таких людей Пауль Зиберт, удачно окопавшийся в тылу обер-лейтенант с двумя «Железными крестами» и большими деньгами сомнительного происхождения, – человек опасный, от которого лучше держаться подальше. Таких офицеров в вермахте, конечно, было немного, но все-таки они были, во всяком случае, лично он, Николай Кузнецов, одного такого в Ровно встретил и нашел в его лице надежного и полезного помощника.

Офицеров старшего поколения подкупала почтительность – но без заискивания – обер-лейтенанта Зиберта, его искренний, живой интерес к их рассказам о былых сражениях под Марной и в Мазурских болотах. Офицерской молодежи импонировала его репутация боевого офицера, подкрепленная двумя крестами и почетным знаком за ранение. Некоторые офицеры из оккупационных учреждений знали, что Зиберт земляк и давний знакомый самого рейхскомиссара Коха (в чем Кузнецов их, конечно, не разубеждал). Наконец, всем его знакомым нравились его щедрость, умение в любое время суток добыть настоящий коньяк и деликатесы, всегдашняя готовность одолжить по-товарищески сотню марок.

За год Пауль Зиберт стал своим человеком в различных слоях ровенского офицерства и чиновничества, знал его движущие пружины, хорошо разбирался в настроениях, побуждениях и интригах каждого из своих многочисленных приятелей.

Первым по-настоящему крепким орешком для него оказался

лишь штурмбаннфюрер фон Ортель. Между тем интерес Зиберта к эсэсовцу возрастал день ото дня. Особенно после одного весьма примечательного случая.

Как-то в присутствии Зиберта штурмбаннфюрер подозвал в ресторане человека, судя по внешности и одежде, из местных, и заговорил с ним на… чистейшем русском языке (до этого он ни разу не упоминал, что знает русский). Кузнецов внимательно слушал, стараясь ничем не выдать, что понимает. И вынужден был признать, что, заговори фон Ортелъ с ним, скажем, на улице Мамина-Сибиряка в Свердловске, он бы никогда не подумал, что имеет дело с иностранцем. Эсэсовец владел русским языком ничуть не хуже, чем он, Кузнецов, немецким.

Разговор был недолгим – несколько минут, довольно пустячным, потом штурмбаннфюрер отпустил собеседника.

– Откуда вы так хорошо знаете русский? – задавая этот вопрос, первый за всю историю их знакомства, Кузнецов ничем не рисковал: даже человеку, не знающему языка, было бы очевидно, что фон Ортель объяснялся со своим собеседником совершенно свободно.

– Давно им занимаюсь, дорогой Зиберт. А вы что-нибудь поняли?

– Два-три слова. Я знаю лишь несколько десятков самых нужных готовых фраз – по военному разговорнику.

Фон Ортель понимающе кивнул.

– Хотя и не люблю этого делать, но могу похвастаться, что владею русским, как родным. Ручаюсь, что ни один Иван не отличит меня от своего компатриота. Имел случай в том не раз убедиться. Разумеется, когда на мне нет этой формы…

Штурмбаннфюрер весело захохотал, а Кузнецов с ненавистью в душе покосился на серебряные молнии в петлице эсэсовского мундира.

Внезапно оборвав смех, фон Ортель продолжал:

– Мне кажется, Пауль, что вы принадлежите к той категории людей, которые умеют хранить и свои и чужие секреты. Так уж и быть, признаюсь вам, что мой русский отнюдь не плод еженощных бдений над учебниками, хотя, конечно, не обошлось и без того. И имел случай, уж не знаю, считать ли это везением или наоборот, перед войной два года прожить в Москве.

– И чем же вы там занимались?

– О! Чем я мог заниматься там?! Конечно же, помогал большевикам строить социализм. – И фон Ортель снова рассмеялся.

– Понимаю… – протянул Кузнецов и с чисто окопной непосредственностью спросил прямо, точно рассчитав меру

наивности в интонации: – Значит, вы разведчик?

– Не старайтесь выглядеть вежливым, мой друг, – назидательно проговорил фон Ортель, – ведь про себя вы употребили совсем другое слово – шпион. Не так ли?

Кузнецов в знак капитуляции шутливо поднял руки:

– От вас ничего невозможно утаить. Действительно, я именно так и подумал. Простите, но у нас, армейцев, эта профессия не в почете.

Фон Ортель и не думал обижаться, простодушная откровенность Зиберта, казалось, лишь забавляла его.

– И совершенно напрасно, – ответил он. – При всем уважении к вашим крестам могу держать пари, что причинил большевикам больший урон, чем ваша рота.

Об этом странном разговоре Кузнецов тотчас же сообщил командованию отряда. В свою очередь, командование поставило о нем в известность Москву, коль скоро фон Ортель долго находился до войны в советской столице, сведения о нем могли оказаться для чекистов весьма и весьма важными.

Кузнецову же было предписано держаться с фон Ортелем предельно осторожно, ни в какую игру с ним по собственной инициативе не вступать, ждать дальнейшего развития «дружбы» естественным путем, помнить, что ничего пока не подозревающий эсэсовец не оставит без внимания ни одного неверного слова или шага обер-лейтенанта Пауля Зиберта.

Последующие недели они встречались почти каждый день, и в компаниях общих знакомых, и – чаще – с глазу на глаз. Эсэсовец, по-видимому, по-своему привязался к несколько наивному фронтовику, проникся к нему доверием, нашел в его лице благодарного и надежного слушателя, а потому перестал стесняться совершенно. И постепенно Кузнецов убедился, что фон Ортель, несмотря на всю свою кажущуюся привлекательность, человек страшный. Поначалу Николая Ивановича поражало, с какой резкостью, убийственным сарказмом отзывался фон Ортель о руководителях германского фашизма. Геббельса и Розенберга он без всякого почтения называл пустозвонами, Коха – трусом и вором, Геринга – зарвавшимся лавочником. Подслушай кто-нибудь их разговор – обоих ждал трибунал. А фон Ортель только хохотал:

– Что вы примолкли, мой друг? Думаете, провоцирую? Боитесь? Меня можете не бояться. Бойтесь энтузиастов без мундиров, я их сам боюсь…

Перед Кузнецовым день за днем раскрывался человек, страшный даже не своей человеконенавистнической идеей, а полной безыдейностью. Фон Ортель был совершенным циником.

Для него не существовало никаких убеждений. Он не верил ни во что: ни в церковные догмы, ни в нацистскую идеологию.

– Это все для стада, – сказал он как-то, бросив небрежно на стол очередной номер «Фелькишер беобахтер», – для толпы, способной на действия только тогда, когда ее толкает к этим действиям какой-нибудь доктор Геббельс.

– Но почему же вы так же добросовестно служите фюреру и Германии, как и я, хотя и на другом поприще? – не выдержал Зиберт.

– А вот это уже деловой вопрос, – серьезно сказал фон Ортель. – Потому что только с фюрером я могу добиться того, чего я хочу. Потому что меня устраивает и его идеология, в которую я не верю, и его методы, в которые я верю. Потому что мне это выгодно!

Да, еще ни один гитлеровец не формулировал Кузнецову свое кредо столь откровенно и столь четко.

В разговорах с Зибертом фон Ортель словно находил отдушину для выхода обуревавших его эмоций и мыслей. Это было доверие, но более чем своеобразное, чреватое опасностью больше, чем со стороны иного прямое подозрение. И тот день, когда фон Ортель покаялся бы вдруг в своей откровенности, стал бы последним в биографии Пауля Зиберта. Безусловно, на их отношениях сказывалось и то немаловажное обстоятельство, что фронтовой обер-лейтенант ни в чем, по существу, не зависел от штурмбаннфюрера СС, не обращался к нему никогда ни с какими просьбами, даже самыми пустячными.

И если фон Ортель был действительно заинтересован в привлечении боевого офицера к каким-то своим делам (как можно было с некоторых пор судить по его намекам), то он, фон Ортель, должен был первым проявить свое расположение. И штурмбаннфюрер сделал это…

Никто из многих десятков сотрудников рейхскомиссариата Украины не знал с достаточной достоверностью, что, собственно, входит в круг служебных обязанностей майора Мартина Геттеля. Никто не мог похвастаться, что был у него не то что дома, но и в служебном кабинете. Геттель не впускал в него даже уборщицу и самолично возился с веником и совком.

В рейхскомиссариат, в отличие от аккуратных сослуживцев, он являлся, когда хотел, правда, и уходил зачастую позже всех. Большую часть рабочего дня кабинет долговязого «рыжего майора» (так называли Геттеля за глаза) был закрыт на ключ, а его владелец бродил, вроде бы бесцельно, однако всегда в достаточной мере целеустремленно, по служебным помещениям,

болтая с коллегами. Но и чиновники более высоких рангов избегали, кроме как в случаях совсем уж крайней необходимости, но собственной воле обсуждать что-либо с Геттелем.

И нет ничего удивительного в том, что скромная делопроизводительница из фольксдойче Валентина Довгер старалась держаться подальше от малоприятного майора. До поры до времени ей ото удавалось. И все же однажды майор напросился проводить ее до дому. Девушке ничего не оставалось, как согласиться, она резонно полагала, что не стоит высказывать свою неприязнь почти незнакомому офицеру, который, как было нетрудно догадаться, мог причинить ей серьезные неприятности.

С попытками ухаживания со стороны чиновников рейхскомиссариата Валя сталкивалась достаточно часто и научилась тактично, но решительно пресекать их. Но этот майор – совсем другое дело. Поначалу Геттель был достаточно тривиален. Преподнес несколько дежурных армейских комплиментов, потом с грустью в голосе признался в одиночестве. Валя уже знала, что после таких вступлений, как правило, следует предложение провести вечер в ресторане, приготовилась было ответить, что ходит куда-либо очень редко и только в сопровождении жениха, как поняла, что ее спутника интересует вовсе не она сама, а именно ее жених.

Внутренне насторожившись, Валя с самым беспечным видом пересказала давно и основательно разработанную легенду своего знакомства с женихом.

Не будь у Геттеля молчаливо признанной всеми репутации соглядатая, его расспросы вполне могли сойти за чрезмерное любопытство, и только. Но что скрывается за этими вопросами? Немаловажное значение имело и то, кому докладывает Геттель. Одно дело, если он осведомляет обо всем, что знает, кого-либо из высших чиновников РКУ, другое дело – абвер, и уж совсем другое, если гестапо или СД.

В любом случае, понимала Валя, нужно немедленно предупредить Кузнецова.

Геттель слушал Валину болтовню как бы между прочим, поддерживая видимость светской беседы, но девушка чувствовала, что на самом деле он запоминает, взвешивает и сопоставляет с чем-то каждое ее слово.

Когда они подошли к дому, где жила Валентина, девушка облегченно вздохнула, хотя и была уверена, что возможная беда еще не миновала, что это провожание лишь начало чего-то значительного и, без сомнения, опасного. Церемонно попрощавшись, майор выразил надежду, что фрейлейн Валентина при случае познакомит его с обер-лейтенантом Зибертом. Валя

обещала.

В тот же вечер девушка передала Николаю Ивановичу содержание тревожного разговора. А на следующее утро, проверив, нет ли за ним слежки, Кузнецов поспешил в отряд.

Командованию было над чем задуматься. С одной стороны, ничто, кроме расспросов Геттеля, не давало основания полагать, что Зиберт выслежен и разоблачен. Иначе не гулять бы ему по улицам Ровно, а сидеть на Почтовой, 26, где размещалось гестапо.

Однако, к сожалению, имела право на существование и иная версия. Гитлеровская контрразведка могла «зацепить» обер-лейтенанта, заподозрив, что он не то лицо, за которое выдает себя, но, не располагая пока серьезными доказательствами, что перед ними действительно советский разведчик, выжидать.

Наконец, была и третья, пожалуй, самая правдоподобная версия, что Мартин Геттель вел непонятную игру самостоятельно, до поры до времени никого в нее не посвящая.

Тщательно взвесив все «за» и «против», командование склонилось в пользу именно этой версии и рекомендовало Кузнецову пойти на встречу с Геттелем, не теряя, разумеется, благоразумия.

В отряде понимали, что гарантировать благополучный исход контакта Николая Ивановича с майором нельзя, и потому предусмотрели определенные меры безопасности. В случае если бы события стали складываться явно угрожающе, Кузнецову следовало под надежным прикрытием немедленно вернуться в отряд.

И вот именно в один из этих тревожных дней фон Ортель и сделал шаг, который в условиях фашистской Германии, где соглядатайство и доносительство были нормой поведения не только негодяев, но и всех лиц, считавших себя людьми благоразумными и к тому же патриотами, должен был быть расценен Зибертом как высшее проявление дружбы и доверия.

– Я хочу дать вам добрый совет, Пауль, – сказал штурмбаннфюрер, когда они остались как-то наедине, – вернее, не вам, а вашей невесте. Последнее время ей оказывает всяческое внимание майор Геттель…

Зиберт оскорбленно выпрямился:

– Ревновать фрейлейн Валентину, мою невесту, к майору…

– Успокойтесь, Пауль. При чем здесь ревность? Речь идет совсем о другом… Мы с вами друзья, именно поэтому рекомендую фрейлейн Валентине держаться подальше от Геттеля. Вовсе не потому, что он донжуан, не знающий поражений. Просто я встречал этого парня на Принц-Альбрехтштрассе…

Более откровенно фон Ортель, конечно, высказаться не мог. Да этого и не требовалось. Не только Германия, но и вся оккупированная фашистами Европа содрогалась при одном упоминании этого адреса. На Принц-Альбрехтштрассе, 8 в Берлине размещался так называемый «Дом Гиммлера» – главное управление гестапо и СД. Значит, Геттель гестаповец!

Теперь уже можно было не сомневаться, что, раз Геттель завел разговор о Зиберте с Валей Довгер, он непременно попытается прощупать и других его знакомых. Так и случилось. Через несколько дней «рыжий майор» вызвал к себе Лидию Лисовскую, у которой Зиберт формально снимал комнату.

Разговор с нею был сухим и официальным. С самого начала Геттель предупредил Лисовскую о сугубо конфиденциальном характере их встречи и о тех неприятных последствиях, которые будут иметь место, если она разгласит содержание их беседы. А затем потребовал сообщить ему все, что ей, или Майе известно об их жильце.

Пожав плечами, Лидия рассказала то, что сочла нужным. Следующий вопрос Геттеля был довольно неожиданным: не говорил ли Зиберт ей что-нибудь об Англии?

Лидия недоуменно переспросила:

– Об Англии? Никогда! Почему он должен говорить со мной об Англии? У нас достаточно других интересных тем для разговоров.

Геттель был упрям:

– В таком случае, может быть, он употреблял иногда в речи английские слова?

Лисовская рассмеялась:

– Но я не знаю английского языка… Насколько мне известно, Пауль говорит только по-немецки. Он знает несколько десятков польских, украинских и русских слов. Но их знают все немецкие офицеры, кто здесь служит.

Майор задал еще один вопрос: не кажется ли пани Лидии странным, что Зиберт свободно обращается со столь крупными суммами денег? Лидия ответила, что нет, не кажется…

Геттель задумался. Потом пришел к какому-то решению.

– Я попрошу вас сделать следующее, фрау. Попробуйте как-нибудь в разговоре с Зибертом вроде бы случайно употребить словечко «сэр». Приглядитесь, как обер-лейтенант отреагирует на такое обращение, и доложите мне.

Итак, все прояснилось. Сам того не ведая, Мартин Геттель раскрыл свои карты. По-видимому, руководствуясь уж неизвестно какими соображениями, майор всерьез решил, что обер-лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт агент английской разведки –

Интеллидженс сервис.

Кроме того, разговор этот подтвердил именно третью версию, которую командование считало, как мы знаем, наиболее вероятной. Дело в том, что Лидия Лисовская числилась секретным осведомителем гестапо, имела в этом ведомстве определенного непосредственного начальника и без его ведома и приказа не обязана была давать какие-либо показания никаким немецким властям.

Следовательно, вызвать к себе Лисовскую с ведома гестапо Геттель, не знающий, что Лисовская тоже имеет отношение к этому учреждению, не мог, об этом обязательно должны были поставить в известность начальника Лидии, а тот, в свою очередь, дать ей необходимую санкцию на встречу. Значит, как следовало по логике вещей, Геттель вызвал ее по собственной инициативе, никому в гестапо об этом не сказав ни слова. Теперь стало понятно, почему Геттель, подозревая Зиберта в шпионаже, не пытался его задержать, а стремился завязать личное знакомство.

По-видимому, майор, будучи по роду службы хорошо информированным о положении на фронте, понимал уже, что гитлеровская Германия войну проиграла, что близкий крах неизбежен, а вместе с ним неизбежна и расплата за преступления, совершенные фашистами и лично им на советской земле. И предусмотрительно решил заранее войти в контакт с английской разведкой, чтобы вовремя переметнуться на ее сторону.

Продажный и беспринципный человек, он, однако, весьма логично рассчитывал, что «английский шпион» Зиберт оценит его молчание по достоинству и замолвит за него, майора Геттеля, несколько добрых слов перед своим начальством в Лондоне. А там – не все ли равно, кому служить: Германии или Англии? Главное – спасти свою шкуру. Не он, Геттель, первый, не он последний…

Теперь руки Кузнецова были развязаны, поскольку он мог не без оснований полагать, что майор Геттель ни с кем из своего начальства подозрениями относительно обер-лейтенанта Зиберта поделиться не мог. Но только лишь после того, как командование еще раз все тщательно взвесило, оно дало указание Кузнецову пойти на встречу с Геттелем, чтобы использовать сложившуюся ситуацию в интересах советской разведки.

Сам Николай Иванович, конечно, не мог заранее предугадать, как именно будет он действовать, зато знал, чего от него хочет «рыжий майор», знал, что тот, не поставив в известность гестапо о своих подозрениях и войдя самовольно в неофициальные отношения с английской разведкой, совершил фактически акт государственной измены. И все же держаться с Геттелем нужно

было осторожно, так как, не сойдись они в «цене» за «услуги», гестаповец, конечно, не остановится перед физическим устранением свидетеля своей измены фюреру и рейху, каким стал бы тогда обер-лейтенант Зиберт.

Встреча, к которой так стремился гестаповец, состоялась 29 октября на квартире Лидии Лисовской. Геттель держался чрезвычайно дружелюбно, всячески старался показать свое расположение к новому знакомому, расточал комплименты в адрес невесты обер-лейтенанта. Когда все было съедено и выпито, Кузнецов встал и, словно эта мысль только что пришла ему в голову, предложил:

– А не встряхнуться ли нам сегодня как следует по поводу знакомства, господин майор? – И, смеясь, добавил: – Если вы гарантируете, что моя невеста ничего не узнает, то мы можем превосходно провести время в обществе двух очаровательных дам…

Геттель все понял сразу и, разумеется, согласился. Офицеры распрощались с Лисовской и вышли из дома. При виде хозяина невысокий, коренастый шофер-солдат услужливо распахнул дверцу автомобиля.

– Николаус, – Зиберт неопределенно помахал ладонью. – Едем. Маршрут обычный.

Струтинский нажал на стартер, и машина мягко тронулась с места.

Ехали они молча, каждый в уме еще и еще раз проигрывал все возможные варианты важной беседы, которая должна была наконец прояснить их отношения и расставить все на свои места. Один из них рассчитывал получить в результате предстоящей встречи гарантию на спасение никому, кроме него, не нужной жизни, второй, не испытывая к первому ничего, кроме ненависти и презрения, должен был заставить его послужить тому делу, за которое он сам, не колеблясь, отдал бы свою жизнь.

В соответствии с намеченным планом Кузнецов вез Геттеля кружным путем на квартиру надежного человека – подпольщика Леонида Стукало. Но от этого варианта пришлось в последний момент отказаться: поблизости от дома Стукало что-то случилось, собралась толпа, прибыла уголовная полиция.

«Этого не хватало! – с досадой подумал Кузнецов. – Придется перестраиваться». И Николай Иванович приказал Струтинскому ехать по другому адресу: улица Легионов, 53.

– Мы возвращаемся? – с удивлением спросил Геттель.

– Нет, просто я хотел заехать за одной дамой, она здесь живет, но вспомнил, что она уже должна быть у подруги, – сказал Кузнецов первое, что пришло ему в голову.

В доме № 53 по улице Легионов у Николая Ивановича не было ни одной знакомой. Там жил одиноко и скромно некий Роберт Глаас, ничем не примечательный сотрудник так называемого «Пакетаукциона» – весьма характерного оккупационного учреждения, специализировавшегося на отправке в Германию посылок с продовольствием и вещами, награбленными гитлеровцами у местного населения. Глаас считался – и весьма обоснованно – ревностным служакой, исполнительным, услужливым, хотя и не хватающим звезд с неба, военным чиновником. У начальства был на хорошем счету. Шефом «Пакетаукциона» был видный нацист Курт Кнут, второй заместитель рейхскомиссара Украины Эриха Коха. Кнута – невероятно тучного, всегда страдающего от одышки специалиста по организованному грабежу – наверняка хватил бы апоплексический удар, если бы он узнал, что Роберт Глаас, скромнейший из его подчиненных, на самом деле старый голландский антифашист-подпольщик, связанный через обер-лейтенанта Зиберта с советской разведкой.

Глаас был дома не один – у него находился разведчик Иван Корицкий, работавший в «Пакетаукционе» грузчиком. До войны Иван был комсомольским секретарем в селе Березно Ровенской области, потом служил в армии, оказался в плену, бежал, связался с отрядом, стал хорошим разведчиком.

В конспирации Глаас не был новичком. Когда к нему ввалились незваные гости, он встретил их приветливо, не задав Кузнецову, а тем более Геттелю, никаких наводящих вопросов. Карицкому велел из кухни не выходить. Держался так, словно заглянули к нему на огонек два приятеля – дело обычное. Знал, в случае чего Зиберт сумеет ему подсказать, что делать, как вести себя дальше.

Пожав руки обоим офицерам, Глаас предложил им раздеться, а сам со сноровкой закоренелого холостяка принялся накрывать на стол.

Сбросив шинель, Кузнецов, словно желая чувствовать себя совершенно свободно, снял и портупею с кобурой и повесил ее на гвоздь за шкафом. Волей-неволей, но Геттелю тоже пришлось освободиться от оружия.

– Мои приятельницы, видимо, задерживаются, – улыбаясь, сказал Кузнецов, – давайте выпьем пока, господин майор, чтобы не терять зря времени.

Гитлеровец отлично понимал, что никаких приятельниц ждать и не следует, а потому молча протянул руку к своей рюмке.

Постепенно завязывался многозначительный разговор с взаимными намеками, иносказаниями. Неизвестно, чем бы

кончилась эта дипломатическая игра Кузнецова с Мартином Геттелем, если бы Николай Струтинский не совершил ошибки. Совсем небольшой. Но в разведке крупные и не нужны. Николай Струтинский неизвестно почему без стука вошел в гостиную и без разрешения подсел к столу…

Майор Геттель осекся на полуслове. Немецкий солдат, к тому же поляк по национальности, никак не мог бы себе позволить сесть за офицерский стол, даже если бы его пригласили. Но подобной фамильярности не потерпит и кадровый английский офицер! А только им в представлении Геттеля и был обер-лейтенант Зиберт!

Значит… Значит, Зиберт не агент Интеллидженс сервис! Но в таком случае, кто же он? Неужели советский разведчик?! В глазах гитлеровца мелькнул ужас. Он рванулся к своей портупее…

Через полминуты Геттель был скручен и крепко привязан к стулу. Побелевшего от страха майора непрерывно била нервная дрожь. На лбу выступили крупные капли пота.

По воле случая игра отменялась. Теперь Николаю Ивановичу не оставалось ничего другого, как, отбросив ненужную маскировку, просто допросить гитлеровского контрразведчика. Геттель рассказывал все, что знал.

– Кто такой штурмбаннфюрер фон Ортель? – спросил Кузнецов.

– Этого я сказать не могу…

– Повторяю вопрос, кто такой Ортель? – Кузнецов повысил голос.

– Но я этого действительно не знаю! – истерически вскричал Геттель. – Это не известно никому!

– Даже доктору Йоргельсу, начальнику СД? – с иронией спросил Кузнецов.

– Но ведь я же не доктор Йоргельс! Лично мне известно только одно, что у штурмбаннфюрера фон Ортеля особые полномочия от Главного управления имперской безопасности в Берлине. Он имеет право лично связываться по телефону и телеграфу с Миллером и Шелленбергом.

Ого! Кузнецов чуть было не присвистнул. В Главном управлении имперской безопасности Миллер был начальником IV отдела – государственной тайной полиции, сокращенно именуемой гестапо. Шелленберг в том же Главном управлении возглавлял VI отдел, ведавший шпионажем за границей. Значит, фон Ортель действительно птица крупного полета.

Об официальном положении фон Ортеля в Ровно Геттель не мог сказать ничего определенного. Подтвердил только, что у штурмбаннфюрера есть нечто вроде конторы на Дойчештрассе,

272, замаскированной под зуболечебницу. Два или три раза к нему приезжали из Германии какие-то лица. Иногда он увозил к себе по собственному выбору арестованных из гестапо. Никто из них обратно не вернулся. Для чего они были нужны фон Ортелю и что он с ними сделал, ему, Геттелю, неизвестно.

Кузнецов видел, что майор не врет. Он понимал, что местные гестаповцы, судя по всему, ничего не знали о секретной деятельности фон Ортеля в Ровно. Ничего интересного и заслуживающего внимания Геттель больше рассказать не мог. В заключение Николай Иванович задал все же ему один вопрос:

– Почему вы предположили, что я англичанин?

– Никак не думал и не мог предполагать, что вы русский разведчик, – мрачно буркнул Геттель.

На следующий день майор Мартин Геттель не явился в рейхскомиссариат. Не вышел он на работу и послезавтра. Курьер, посланный к нему на дом, нашел пустую квартиру, в которой, судя по тонкому слою пыли на мебели, несколько дней уже никто не жил…

Сведения, полученные Кузнецовым от Геттеля (а они относились, конечно, не только к личности фон Ортеля), были достаточно интересны и сами по себе представляли немалую ценность. Но к тому, что Зиберту уже было известно о штурмбаннфюрере, фактически ничего не добавили, лишь утвердили в необходимости продолжать искать подходы к таинственному эсэсовцу.

Собственно говоря, даже если бы Кузнецов и решил сейчас прекратить знакомство, то сделать бы это уже не смог. Фон Ортель слишком привык к нему, заезжал нередко домой, приглашал к себе – словом, считал близким приятелем, если только этот человек вообще мог состоять с кем-либо в приятельских отношениях, не говоря уже о дружбе. Как бы то ни было, виделись они почти каждодневно.

Зиберт и фон Ортель часто встречались в одном из самых популярных среди оккупантов злачных мест города – офицерском казино на Дойчештрассе. Фон Ортель был неравнодушен к азартным играм. Кузнецов же посещал это заведение, потому что здесь всегда толпилось много офицеров всех родов войск, от которых он черпал ценные сведения.

– Знаете, Зиберт, – задумчиво сказал как-то фон Ортель при их очередной встрече, – вы мне чем-то глубоко симпатичны. О, не пытайтесь отшучиваться. Уверяю вас, что в этом подлунном мире отыщется не больше десятка людей, которым я симпатизирую.

– Почему? – осведомился Кузнецов.

– А вы можете назвать мне хоть пяток наших общих знакомых, которых бы вы хотели считать своими друзьями?

Пожалуй, в уме эсэсовцу отказать было нельзя, и Кузнецов совершенно искренне ответил: «Нет». Фон Оргель удовлетворенно рассмеялся.

– Вот видите! Но бог с ними! Поговорим о вас. Скажите откровенно, вы, получивший на фронтах уже две пули, а от фюрера два креста, неужели вы еще рветесь на фронт?

Зиберт резко откинулся в кресле. Голос его стал сухим и строгим:

– Я солдат, господин штурмбаннфюрер, и мой долг – сражаться без раздумий за фюрера, немецкий народ и великую Германию!

Фон Ортель укоризненно развел руками.

– Великолепно! Но, Пауль, зачем же так официально? И потом – почему вы думаете, что борьба с нашими врагами ведется только на фронте?

Зиберт скривил губы в презрительной гримасе.

– Ну конечно, здесь, в Ровно, полно борцов с девчонками и инвалидами, за которыми мерещатся большевистские диверсанты!

Теперь нахмурился фон Ортель.

– Не говорите так легкомысленно, Зиберт. Партизаны – это очень серьезно, к нашему величайшему сожалению. И я не завидую тем, кому приходится ими заниматься… Не случайно еще в прошлом году, если не ошибаюсь, шестого сентября, наш фюрер издал специальный приказ. Если угодно, могу напомнить, что он в нем писал. Примерно так, во всяком случае, близко к тексту: действия партизанских отрядов на востоке за последние несколько месяцев стали крайне опасными и ныне представляют серьезную угрозу нашим коммуникациям, идущим к фронту… Повторяю, это сказано год назад, и если что за этот год изменилось, так только к худшему… И фельдмаршал Кейтель не случайно указал в одном из своих приказов, что наша борьба с партизанскими бандами отныне не должна иметь ничего общего с рыцарским поведением солдат или правилами Женевской конвенции…

Но сейчас речь не о том. Я не считал бы себя вашим другом, если бы вдруг предложил вам заняться подобным делом.

Фон Ортель умолк. Николай Иванович не прерывал молчания собеседника, понимая, что сейчас-то разговор и подойдет к самому главному, к тому, из-за чего, в сущности, Зиберт и вел эту дружбу, поддерживать которую означало ходить по самому лезвию ножа.

Закурили…

– Пауль, – размеренно, очень буднично начал фон Ортель, – что вы скажете, если я предложу вам сменить амплуа?

– Мне?! Вы смеетесь, Ортель. Ну какой из меня разведчик? Я просто пехотный офицер, который может командовать ротой, и, пожалуй, – все. Вот уж о чем никогда не думал, да и, признаться, профессия эта, при всем уважении к вам, мне никогда особенно не нравилась.

Штурмбаннфюрер умел обрабатывать собеседников. Он понимал, что сказал для одного раза слишком много скромному фронтовику, который должен еще переварить столь неожиданное и чреватое многими последствиями, хотя и лестное, предложение, и перевел беседу на другую, более безобидную тему.

Передышка эта как нельзя кстати была и для Николая Кузнецова. Предложение и впрямь оказалось ошеломляющим. Но ни отклонить, ни принять его без решения командования он, конечно, не мог. Ничем внешне он не выдал охватившего его глубокого волнения.

Штурмбаннфюрер фон Ортель не шутил. Просто так, от нечего делать подобных предложений не высказывают направо и налево. А что, если эсэсовец, не довольствуясь тем, что знал от самого Зиберта и общих знакомых, проверил личность оберлейтенанта по своим собственным каналам?

Если так – конец… И в отряд уйти не удастся, наверняка будут следить за каждым его шагом. Но и панике поддаваться нельзя. Ортель, конечно, вполне мог его уже проверить. Но это лишь одна версия. А вторая – что он, полагаясь на опыт и интуицию, не спешит с проверкой, поскольку Зиберт еще не ответил согласием. В этом случае он, Кузнецов, пока в безопасности, а разговор означает лишь одно, что фон Ортель «клюнул» на Зиберта.

Терзаемый самыми противоречивыми мыслями и сомнениями, Николай Иванович поспешил в отряд. Командование предложило Кузнецову продолжать игру, не связывая себя пока, однако, какими-либо определенными обязательствами.

– Постарайтесь выяснить, – напутствовали в отряде Николая Ивановича, – в какое конкретное дело хочет втянуть вас этот благодетель. Учтите в то же время, что не исключена и возможность провокации, будьте предельно осторожны, не перестарайтесь.

Кузнецов вернулся в Ровно.

В тот же день он постарался встретиться с Майей Микота. И не случайно. Ортель явно выделял веселую, обаятельную девушку

из всех остальных. Он немного ухаживал за ней, не слишком серьезно, с оттенком какой-то снисходительности, постоянно поддразнивал, но не зло. Одним словом, вел себя так, как иногда взрослые мужчины ведут себя с очень молоденькими девушками. Невинный флирт, не более. Но так только казалось. Дело в том, что эта внешне легкомысленная девушка уже давно была секретной осведомительницей гестапо, где носила кличку Семнадцать. Майя постоянно общалась со множеством немецких офицеров, чиновников, коммерсантов, некоторые ухаживали за ней, делали лестные предложения, откровенничали. Это-то обстоятельство и привлекло к девушке внимание гитлеровской службы безопасности. Когда фон Ортель появился в Ровно, агент Семнадцать был передан в его распоряжение. Штурмбаннфюрер нашел девушку очень способной к секретной работе и в результате всерьез принялся обучать ее в индивидуальном порядке приемам и методам шпионского ремесла.

Как агент гестапо, Майя регулярно встречалась с фон Ортелем на конспиративных квартирах СД на Немецкой площади и во 2-м Берестянском переулке. Разумеется, командование отряда незамедлительно получало от Микота подробный отчет о каждой такой встрече.

Штурмбаннфюрер доверял Микота больше, чем кому-либо. Однажды он рассказал ей об очень важном: что он, Ортель, засылает в советский тыл двух террористов с целью убийства двух генералов, в том числе Зейдлица, плененных в Сталинграде и в плену выступивших против гитлеровского режима.

…Во время очередной встречи у Лисовской Майя Микота рассказала Николаю Ивановичу обо всех ровенских новостях, а в заключение сообщила, что ее шеф собирается уехать, куда – неизвестно. По словам девушки, фон Ортель был в последние дни очень доволен чем-то, говорил, что ему оказана большая честь, что дело очень крупное и вызовет большой шум.

Но на вопрос Кузнецова, куда именно собрался эсэсовец, Майя могла только пожать плечами. Этого она, к сожалению, не знала. Подсознательное чувство говорило Кузнецову, что между предполагаемым отъездом фон Ортеля и его предложением Зиберту есть закономерная связь, и он настойчиво просил Майю постараться восстановить в памяти все подробности ее разговора с шефом, все детали, намеки. Это очень важно!

Девушка и сама понимала, что это важно, но только покачала головой.

– Я уже расспрашивала. Отшучивается только. Обещал привезти, когда вернется, персидские ковры.

Николай Иванович насторожился. Первая заповедь

разведчика – не оставлять без внимания ни одной мелочи – за этот год словно вросла в его сознание. Персидские ковры? Вряд ли это случайно…

Прощаясь, Кузнецов дал девушке наставление: постараться вытянуть из Ортеля все возможное. Прикинуться расстроенной его отъездом, намекнуть, что неравнодушна к нему и обеспокоена. И запоминать каждое его слово, каким бы пустячным на первый взгляд оно ни показалось.

Кузнецов не терял времени – уже через несколько часов один из находившихся в его распоряжении связных спешил в отряд с донесением. А вскоре в Москву полетела очередная шифровка.

Обер-лейтенант Пауль Зиберт не смог больше встретиться со своим другом и возможным будущим начальником. Как только он вернулся 24 ноября в Ровно на свою постоянную квартиру в доме № 15 по улице Легионов, взволнованная Майя Микота сообщила ему удивительную весть: штурмбаннфюрер СС фон Ортель, по слухам, застрелился в своем кабинете в помещении «зуболечебницы» на Дойчештрассе.

Кузнецов не сомневался, что трупа «самоубийцы» вообще не существовало. Его волновало другое, почему фон Ортель так стремительно и неожиданно покинул Ровно, симулировав (в симуляции Кузнецов не сомневался) самоубийство? Причин могло быть только две: неожиданный вызов в Берлин или раскаяние в излишней откровенности с пехотным офицером. Во втором случае Зиберту грозила немалая опасность. Фон Ортель мог позаботиться об устранении опасного для него свидетеля.

Командование отряда приняло все необходимые меры для обеспечения безопасности Кузнецова.

Самолет С-54 с президентом Соединенных Штатов Америки Франклином Делано Рузвельтом на борту пролетел из Каира 1310 миль над Суэцким каналом, Иерусалимом, Багдадом, реками Евфрат и Тигр и, наконец, приземлился на тегеранском аэродроме. Уставшего после долгого пути, уже тогда смертельно больного президента отвезли в посольство США находившееся приблизительно в двух километрах от города.

Группа, сопровождавшая Рузвельта на конференцию, включала семьдесят семь человек. В нее входили личный советник Гарри Гопкинс, начальник личного штаба президента адмирал Леги, Аверелл Гарриман, генералы Маршалл, Арнольд, Соммервелл, Хэнди, Дин, зять президента майор Джон Беттигер и другие (в том числе знаменитые филиппинские повара).

На следующее утро – в воскресенье 28 ноября – к Рузвельту в спальню вошли взволнованный Гарриман и начальник секретной

охраны президента Майкл Рейли.

Гарриман рассказал Рузвельту, что русские только что поставили его в известность о том, что город наводнен вражескими агентами и возможны «нежелательные инциденты» – в устах Гарримана это вежливое выражение означало «покушения».

– Русские предлагают вам переехать в один из особняков на территории их посольства, где они гарантируют полную безопасность, – так закончил Гарриман свое сообщение.

– Ну, а вы что скажете, Майкл? – обратился Рузвельт к начальнику своей охраны.

Мрачный Рейли лишь пробурчал что-то, весьма отдаленно похожее на совет принять предложение.

В три часа дня президент и его ближайшие помощники уже переселились на территорию советского посольства в центре Тегерана. Остальная группа лиц, прибывших с президентом, остановилась в Кемп-Парке, где помещался штаб американских войск.

…Примерно через месяц за тысячи километров от Тегерана, в лесах под Ровно получили запоздавшие московские газеты. Одну из них – «Правду» от 19 декабря 1943 года – подарили, разумеется, без права выноса в город, Николаю Ивановичу Кузнецову. Потом уже он пересказал содержание короткой заметки, аккуратно отчеркнутой красным карандашом, Майе Микота – в качестве компенсации за так и не привезенные ей персидские ковры.

Текст гласил:

«Лондон, 17 декабря (ТАСС). По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре.

Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве, с тем чтобы избежать необходимости поездок по городу… Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана»,

ГЛАВА 14

В состав оккупационных войск на Украине, кроме немецких соединений, входили и так называемые «Остентруппен» – «Восточные войска». Они включали в себя части так называемой РОА – «Русской освободительной армии» (как пышно именовали себя предатели-власовцы), украинских националистических «казаков» и разных легионов, набранных из уроженцев Кавказа, Средней Азии и т. п. Командовал ими генерал фон Ильген. Основной контингент «Остентруппен» состоял из бывших белогвардейцев, вернувшихся из-за кордона вместе с оккупантами, предателей Советской Родины, изменивших воинской присяге, откровенных уголовников, а также всякого рода антисоветских элементов, выжидавших в разных темных щелях своего часа, буржуазных националистов и прочего отребья. Достаточно сказать, что одним из заместителей фон Ильгена был крупный петлюровец Омельянович-Павленко, сменивший теперь смушковую папаху с длинным, свисающим верхом, на немецкую генеральскую фуражку с высокой тульей. Его преступления в годы гражданской войны еще не забыла Украина.

Население оккупированных территорий ненавидело и боялось этих выродков даже больше, чем немцев.

На фронте эти части ввиду их низкой боеспособности использовались сравнительно в небольших масштабах. Зато именно они осуществляли карательные акции, сжигали деревни, расстреливали мирных жителей. Их в первую очередь бросали против партизан.

В отряде не без оснований полагали, что казнь фон Ильгена обязательно внесет панику и растерянность в не очень-то сплоченные ряды этого воинства, покажет ему в полной мере неизбежность близкой расплаты за измену. Штаб рассчитывал также, что кое-кто из рядовых солдат и младшего комсостава «Остентруппен», надевших гитлеровскую форму из малодушия, но не погрязших еще в измене соотечественникам, найдет в себе силы и мужество порвать с фашистами, искупить вину перед Родиной.

План предстоящей операции был тщательно разработан и утвержден в штабе отряда. Осуществление ее поручалось небольшой группе разведчиков во главе с Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Важную и сложную задачу уничтожения фон Ильгена советской разведке облегчало одно немаловажное обстоятельство: в его доме – длинном одноэтажном здании по Млынарской улице,

3 – она располагала своим человеком.

Дело в том, что с некоторых пор у Лидии Лисовской появился новый поклонник. И не какой-нибудь там лейтенант. Рослый, широкоплечий, с мощным загривком бывшего борца, еще сравнительно молодой, лет сорока пяти, генерал. Фон Ильген не был легкомысленным человеком, его не интересовали случайные романтические приключения, но внешность Лидий, привлекательная и строгая одновременно, высокое графское происхождение, превосходные манеры невольно обратили его внимание. В результате фон Ильген сделал Лисовской весьма лестное предложение: сменить сомнительное для молодой женщины положение официантки ресторана «Дойчегофф» на вполне респектабельную и несравненно более выгодную материально должность экономки командующего «Восточными войсками».

Совершенно неожиданно оказалось, что желание генерала разделили и сотрудники ровенского гестапо, не доверявшие никому, в том числе и генералам вермахта. Лидия числилась их осведомительницей, и служба безопасности не упустила такую возможность – приставить к командующему «Остентруппен» своего человека для присмотра. Более того, гестапо сделало все от него зависящее, а в гитлеровской Германии невозможно было найти хоть что-нибудь, что бы не зависело от государственной тайной полиции, чтобы у Лисовской не оказалось ненароком конкурентки.

Это был, должно быть, единственный случай за всю войну, когда полностью совпали интересы гитлеровского генерала, фашистской службы безопасности и советской разведки!

Многое видели и слышали стены гостиной дома № 3 по Млынарской улице, о многом могли бы рассказать. Ильген имел привычку проводить совещания с узким кругом своих ближайших подчиненных не на службе, а дома. Благодаря этому почти ежедневно в штаб отряда стали поступать крайне интересные новости, одна из которых самым непосредственным образом отразилась на судьбе самого Ильгена.

Командованию было хорошо известно, что одним из самых важных учреждений оккупантов в Ровно был штаб высшего СС и полицайфюрера Украины, генерала полиции и обергруппенфюрера СС Ганса Адольфа Прицмана. Того самого Прицмана, которого в последние месяцы войны Гитлер назначил руководителем пресловутого «Вервольфа» – тайной боевой нацистской организации, предназначенной для террористической деятельности в тылу союзных войск.

Полицайфюрер Украины постоянно жил в Берлине, а в Ровно

лишь наезжал временами в сопровождении огромной свиты, едва размещавшейся на семи-восьми автомобилях. За ровенской квартирой Прицмана на Кенигсбергштрассе, 21 разведчики отряда вели постоянное наблюдение. Они-то и сообщили, что в последних числах октября на этой квартире происходило большое совещание, должно быть, чрезвычайно важное, потому что, кроме самого Прицмана, в нем принимали участие начальник тыла германской армии генерал авиации Китцингер, его заместитель генерал Мельцер, генерал-майор фон Ильген и новый для Ровно человек генерал-майор Пиппер, о котором было известно, что за ряд карательных экспедиций, осуществленных в европейских странах, оккупированных гитлеровцами, он получил прозвище «майстертодт» – «мастер смерти». Жестокостью он выделялся даже среди коллег по расправам с мирными жителями.

Об исключительной важности совещания говорил и тот факт, что проводил его совместно с Прицманом, также специально прибывший из Берлина «шеф дер банденкампф фербанде» – «шеф по борьбе с бандами» – обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Зелевский, будущий палач восставшей Варшавы.

О чем шла речь на этом совещании у Прицмана, установить тогда не удалось, но через два дня совещание на ту же тему, но уже на уровне исполнителей, проводил в своем доме генерал фон Ильген. Генерал был гостеприимный хозяин и всегда радушно принимал своих старших офицеров. Поэтому он поручил Лидии Лисовской приготовить в соседней комнате кофе – в результате содержание сделанного им вступительного слова стало достоянием штаба отряда.

Вначале фон Ильген сообщил своим подчиненным то, о чем они и сами прекрасно знали: что по приказу фюрера доблестные германские войска производят выравнивание линии фронта (иначе говоря, попросту отступают под непрерывными ударами Красной Армии, уже подходившей к Киеву). Поэтому, продолжал генерал, особое значение приобретает прочность и надежность тыла Восточного фронта, между тем как, к сожалению, этот тыл наводнен активно действующими советскими партизанами, что усугубляет трудности войск на фронте. И фон Ильген довел до сведения собравшихся приказ фюрера немедленно ликвидировать партизанские отряды на Украине. Попутно командующий «Остентруппен» напомнил известную его офицерам директиву фельдмаршала Кейтеля «О борьбе с бандами».

«Эта борьба, – говорилось в директиве, – отныне не должна иметь ничего общего с рыцарским поведением солдата или правилами Женевской конвенции.

Если эта борьба не будет вестись самыми жестокими

средствами, то в ближайшее время имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными.

Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если только это способствует успеху.

Проявление любого вида мягкости является преступлением».

В заключение фон Ильген сообщил, что для руководства борьбой с партизанами на Волыни и Подолии в город прибыл обергруппенфюрер СС фон дем Бах-Зелевский и что уничтожению в первую очередь подлежат партизанские отряды, действующие в Волынских и Ровенских лесах. «Охота на партизан», сказал генерал, начнется на рассвете 8 ноября. Накануне у русских национальный праздник, они, конечно, будут его отмечать, и вряд ли окажутся способными оказать серьезное сопротивление немецким войскам. Непосредственное руководство акцией возложено на генерал-майора Пиппера.

– Уверен, господа, что скоро я буду иметь возможность побеседовать с командиром партизан.

Информацию Лидии Лисовской вскоре подтвердили Кузнецов и Валентина Довгер. Обер-лейтенант Пауль Зиберт узнал о предстоящей «охоте на медведя» от своего приятеля офицера полевой жандармерии Ришарда, которому самому предстояло принять в ней участие, что, однако, почему-то его совсем не радовало. Валентине же рассказал о предстоящей очистке Цуманских лесов от «банд» ее шеф доктор Круг, отличавшийся вообще неудержимой разговорчивостью. К Вале он относился с особым доверием, так как знал, что она получила работу в рейхскомиссариате по личному распоряжению самого Коха.

Партизаны отряда Медведева действительно отметили великий праздник советского народа. Прослушали 6 ноября доклад Председателя Государственного Комитета Обороны о двадцать шестой годовщине Октябрьской революции, а на другой день – приказ об освобождении Красной Армией Киева, который вызвал огромный энтузиазм. Вечером устроили большой концерт собственными силами (на нем присутствовали и гости – командиры соседних партизанских отрядов Прокопюк, Карасев, Балицкий). И сделали все необходимые приготовления, чтобы на рассвете 8 ноября встретить врага.

Немцы бросили против партизанских отрядов во много раз численно превосходящие силы. Группировка «мастера смерти» Пиппера включала 1-й и 2-й Берлинские полицейские полки, роту СС из 2-й штурмовой бригады СС Дирливангера (укомплектованной, между прочим, осужденными уголовниками, которым тюрьму заменили фронтом), части из формировавшейся

в то время 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция» и другие подразделения.

Гитлеровцы применили артиллерию, тяжелые минометы и даже авиацию. Это был, безусловно, самый трудный бой из девяноста двух, что пришлось выдержать отряду за период его действий во вражеском тылу. И отряд оправдал свое гордое наименование «Победители». Патриотизм, беззаветное мужество, массовый героизм советских людей помогли им одержать победу в жестоком, неравном бою. Гитлеровцы были разбиты наголову и позорно бежали, понеся большие потери, убитыми и ранеными. Смертельно ранен был и сам «мастер смерти» генерал Пиппер. Партизаны взяли большие трофеи: батарею орудий, минометы, пулеметы, автоматы, винтовки, боеприпасы и различное снаряжение.

Чтобы избежать неминуемого повторного боя с еще более значительными силами фашистов, отряд снялся и сменил лагерь. Однако пока гитлеровцы не опомнились от тяжелого поражения в Цуманских лесах, командование решило нанести несколько ударов по фашистской администрации в Ровно. Первый, как и предполагалось до боя, – по Ильгену, как одному из главных организаторов карательной экспедиции. Но в первоначальный план внесена была существенная поправка: учитывая желание генерала встретиться лично с командиром партизан, Ильгена не ликвидировать, а похитить.

10 ноября Николай Кузнецов, Иван Корицкий, Роберт Глаас и Николай Струтинский забросали гранатами и обстреляли из автоматов автомобиль Курта Кнута. Гитлеровцу повезло: раненный, он кулем свалился на дно машины, последующие осколки и пули прошли выше.

Тем временем Лидия Лисовская и Майя Микота составили подробное описание образа жизни генерала Ильгена, распорядок дня, маршрутов и т. д. Они это выполнили аккуратно и быстро. Особое внимание Кузнецова привлекла следующая привычка фон Ильгена: как и Даргель, командующий «Остентруппен» всегда обедал только дома – вскоре после полудня – и, как правило, один. Так как поесть он любил, то опаздывал к обеду только в исключительных случаях. Во время обеда в доме, кроме генерала, обычно находились Лидия, которая прислуживала за столом, кто-либо из двух адъютантов и денщик.

Наружную охрану у калитки нес один часовой до шести часов вечера и усиленный пост из трех солдат от шести вечера и до утра. Отсюда следовало, что операцию наиболее целесообразно провести не позднее шести часов, а лучше всего – во время обеда, то есть около часа дня.

Благоприятствовало успеху и то обстоятельство, что оба адъютанта генерала и немец-денщик отбыли по его распоряжению в так называемую служебную командировку в Германию; на самом деле фон Ильген поручил им отвезти своей семье несколько чемоданов с награбленным добром и продовольствием. Таким образом, между 10 и 17 ноября в доме во время обеда будет находиться только денщик – из русских «казаков».

По замыслу вся операция похищения как бы складывалась из двух частей: подготовительной – она возлагалась на Лидию Лисовскую и Майю Микота (она часто бывала в особняке, и генерал уже привык к ее присутствию в доме), и исполнительной, которую должны были осуществить Николай Кузнецов, Ян Каминский, Николай Струтинский и Мечислав Стефаньский. Этот худой большелобый поляк был человеком весьма примечательной судьбы.

Стефаньский родился в Варшаве, в конце тридцатых годов был на военной службе в Ровно, входивший тогда в состав панской Польши. Здесь женился. В сентябре 1939 года Мечислав, как и многие тысячи польских солдат, оказался в плену у немцев. Из плена бежал, перешел границу и пробрался на советскую территорию, где добровольно вступил бойцом в Красную Армию. Через некоторое время его вызвали к командованию и предложили работать в советской разведке.

Стефаньский снова очутился на родине. Для обратного пути ему был сообщен специальный устный пропуск: «Гость из Варшавы».

Позже Стефаньский вспоминал:

«В последний раз я переходил границу в июне 1941 года. По пути собирал сведения о передвижении немецких частей, их вооружении, обмундировании, оснащении, знаках на автомашинах. На восток шли танки и самолеты, в лесах я видел склады бочек с бензином. У самой границы стояли крупные части гитлеровских войск. О возвращении прежним путем не могло быть и речи.

В субботу 21 июня 1941 года решил попытаться перейти Буг. В прибрежных зарослях выждал до сумерек. В нескольких десятках шагов от меня стояли часовые. Сначала я прополз под проволочным заграждением, потом побежал – и свалился в воду. Было неглубоко. Однако меня заметили немцы и открыли стрельбу. Мне удалось все же добежать до нашего берега… Пароль «Гость из Варшавы» подействовал молниеносно. В штабе я доложил, что из наблюдений может вытекать один вывод: война! А под утро немецкие бомбардировщики подтвердили страшное

предположение. Гитлеровская Германия напала на Советский Союз».

Стефаньский поселился в Ровно и в оккупации остался не случайно. Так ему приказало командование. Он должен был дожидаться, когда снова понадобится советской разведке. И дождался…[6]

…15 ноября 1943 года вся боевая группа собралась еще с утра на квартире Мечислава Стефаньского. Шли последние приготовления. Еще и еще раз Кузнецов внимательно проверял каждую мелочь. Он хорошо помнил, как при первом выходе в город тогда еще лейтенант Зиберт привлекал внимание всех встречных военных тем, что был в пилотке, а не в фуражке.

Кажется, сейчас все в порядке. Мундир хоть и не с иголочки, но отутюжен, хорошо подогнан. На плечах серебряные погоны обер-лейтенанта с одним рифленым кубиком. На груди слева, ниже кармана, приколот «Железный крест» первого класса. В петлю пуговицы борта продернута черно-красно-белая ленточка «Железного креста» второго класса. Так положено в германской армии – при получении высшей награды низшая уже не носится, только ленточка. Медаль «За зимний поход на Восток». Справа – отличительный знак, так называемый золотой, за тяжелое ранение. И все, разумеется, – и звания, и награды, и ранения – аккуратно вписано в солдатскую книжку. Так же тщательно проверяется оружие, хотя и предполагается, что дело обойдется без стрельбы.

Покончив с собственным снаряжением, Николай Иванович осмотрел товарищей. Струтинский уже давно привык к форме «стрельо» – немецкой военной автотранспортной организации. Ян Каминский и Мечислав Стефаньский облачаются в одежду офицеров рейхскомиссариата Украины. Она им внове, но Стефаньский – старый служака, свободно чувствующий себя в любой форме, а Каминский из тех молодых красавцев, которым мундир и расшитая фуражка всегда к лицу. У них тоже все в порядке.

– Как машина? – спрашивает Кузнецов Струтинского.

– Отлично выглядит, Николай Васильевич.

Струтинский знает, что скрывается за вопросом Кузнецова. Автомобиль «адлер» из гаража гебитскомиссара Веера. Для операции его пришлось перекрашивать, а это не так просто, как может показаться несведущему человеку. У разведчиков есть по этой части свои мастера – Василий Бурим и Григорий Пономаренко. Машину они перекрашивают таким, ими самими изобретенным способом, что никак нельзя сказать, что новая краска легла на ее бока лишь несколько дней, а не год тому

назад. Где нужно царапину нанесут, где нужно – зашершавят. Что же касается номерных знаков – у Струтинского в запасе их всегда несколько, и гражданских учреждений, и военных.

Кузнецов смотрит на часы: двенадцать. Он встает. Пора.

…Длинный серый «адлер», разбрасывая колесами ноябрьскую грязь, вылетает на центральную улицу города Дойчештрассе. Несколько минут езды, поворот направо, и машина уже на уютной, тихой Млынарской улице. Мелькают и остаются позади одноэтажные домики. Как и на Шлоссштрассе, прохожих почти не видно, местные жители обходят стороной и эту улицу, где поселилось много немецких офицеров. Вот и белый одноэтажный дом генерала Ильгена, окруженный палисадником. Перед окнами уныло отмеривает шаги часовой с винтовкой за плечом. Завидев машину с офицерами, он вытягивается.

Кузнецов, не повернув головы, а лишь скосив глаза, вглядывается в угловое окно. Занавеска приспущена до половины. Это сигнал: Лидия дает знать, что операция почему-то откладывается – третий день подряд!

– Прямо, – сквозь зубы бросает Кузнецов Струтинскому, и серый «адлер» мчит дальше.

Возле ресторанчика на углу – остановка. Здесь – так договорено заранее – должна состояться встреча с Лидией. Кузнецов заходит в ресторанчик, заказывает кофе с ликером. Остальные остаются в машине. Лисовская появляется минут через двадцать. Веселая, оживленная, непринужденно целует обер-лейтенанта Зиберта в щеку и присаживается к его столику. В их сторону никто даже не смотрит: немецкий офицер встречается со знакомой барышней из местных. Обычное дело, ничего удивительного.

Вперемежку с пустой болтовней Лидия быстро шепчет:

– Только не волнуйтесь, ничего не случилось. Генерал позвонил, что задерживается в штабе, но обязательно приедет в четыре. У нас с Майей все готово. Ждем.

У Кузнецова словно гора с плеч свалилась. Откладывается – все ж не отменяется, как это было вчера, и позавчера, когда Ильген вообще не приезжал домой обедать. Нервы у ребят, да и у него самого уже на пределе. Ждать, готовиться – и вдруг отменить, а потом снова быть в полной боевой готовности, собранными и выдержанными.

Допив свой кофе, Лидия встает, поправляет прическу и бежит к выходу, бойко постукивая каблучками модных туфель.

Кузнецов расплачивается с официантом и тоже покидает ресторанчик. В машине происходит короткое совещание. Что делать до четырех? Возвращаться к Стефаньским не следует,

просто так мотаться по улицам – тем более. Кузнецов неожиданно предлагает: в городе оставаться незачем, считать минуты – лучшее средство взвинтить себя до предела, а нервы еще потребуются, и крепкие. А не поехать ли им за город?

Это было поистине счастливое решение… Быть может, трудно поверить, но это факт: прежде чем совершить свой подвиг, разведчики часа два мирно гуляли по осеннему лесу, словно набираясь в общении с родной природой сил и мужества.

А в шестнадцать ноль-ноль длинный серый «адлер» уже стоял возле дома № 3 по Млынарской улице: занавеска в угловом окне была поднята до самого верха! На сей раз им даже кое в чем повезло: буквально двумя минутами раньше с крыльца соседнего дома спустились генералы Кернер и Омельянович-Павленко, заместители фон Ильгена: встреча с ними могла бы помешать операции.

Выйдя из машины, Кузнецов спросил у вытянувшегося «казака»:

– Генерал приехал?

«Казак» (его фамилия, как выяснилось позднее, была Луковский) виновато пробормотал, что он не понимает по-немецки.

Обер-лейтенант отмахнулся и уверенно поднялся на крыльцо. Следом за ним все остальные. Струтинский, как и было условлено, не выключил мотор, а лишь поставил на малые обороты, чтобы потом, после того как все произойдет, не терять уже ни секунды. В гостиной навстречу Кузнецову поспешил денщик, тоже «казак», но этот уже говорил по-немецки:

– Господин обер-лейтенант, его превосходительства нет дома. Будете ждать или прикажете передать… – и замер, завидев направленный ему прямо в сердце зрачок «вальтера».

– Тихо! Не шуметь! – приказал Кузнецов по-русски. – Я советский партизан, понятно?

Денщик – его фамилия была Мясников – понял если не все, то, во всяком случае, главное, – что такое направленный на тебя в упор взведенный пистолет, и без сил опустился на пол. Его подхватили под руки и мгновенно обыскали. Впрочем, как и следовало ожидать, оружия при нем не оказалось.

Из дальних комнат появились Лидия и Майя. Кивнув им головой, что все, мол, идет нормально, Кузнецов вышел на крыльцо и на ломаном русском языке подозвал часового. Тот что-то нерешительно пробормотал об уставе. Взяв тоном выше, Кузнецов повторил приказание. Луковский поспешил подчиниться. В прихожей, раньше, чем казак понял, что происходит, его обезоружили, втолкнули в гостиную и усадили

на пол рядом с Мясниковым.

Начался быстрый, но внимательный обыск квартиры. В объемистые генеральские же портфели летели карты, фотографии, служебные бумаги, даже личная переписка – там, в отряде, разберутся, что из этого добра представляет ценность, что нет. Сейчас некогда.

Пока разведчики работали, сестры проводили идеологическую беседу с «казаками» – по собственной инициативе.

– Эх, вы, были грицами, а стали фрицами! – безжалостно бросала им в лицо Майя. – В фашистские холуи записались. Ну и что дальше? Вы знаете, что наши уже Киев взяли?

Денщик невнятно оправдывался, ссылался на насильную мобилизацию, говорил, что по своей охоте нипочем не пошел бы служить к немцам.

Часовой Луковский оказался решительнее. Трудно сказать, что пережил за пятнадцать-двадцать минут беседы с девушками этот человек, совершивший в своей жизни страшную ошибку, исправить которую дано не каждому. Но, во всяком случае, безусловно, на него оказало огромное впечатление то обстоятельство, что вот две совсем юные женщины не побоялись стать партизанками, а он, молодой, сильный парень, когда-то смалодушничал… Как бы то ни было, он неожиданно встал и обратился к Николаю Ивановичу.

– Нехорошо может выйти… разводящий вот-вот подойти может. Дозвольте мне снова на место стать?

Кузнецов на мгновенье задумался – Луковский был прав. И он согласился. Согласился, хотя и шел на известный риск. Интуицией разведчика, сердцем советского человека понял: довериться можно. Луковский снова стал на пост. Правда, патроны из магазина его винтовки и из подсумков на всякий случай вынули. К тому же по знаку Кузнецова Струтинский с автоматом в руках внимательно следил за каждым его движением.

Обыск уже был закончен, когда где-то вдалеке послышался шум мотора. Лидия чуть отдернула занавеску и увидела, как из-за угла вырвался большой черный «мерседес». Генерал!

Кузнецову даже не пришлось отдать команду – все молниеносно разобрали заранее намеченные места и замерли в ожидании главного, кульминационного, момента операции.

Вот скрипнули под грузными шагами ступеньки крыльца, и генерал вошел в переднюю. Выбежавшая навстречу Лисовская сделала книксен и помогла фон Ильгену снять шинель.

Сегодня генерал был в хорошем настроении. Потрепал Лидию

по щеке, отпустил ей и Майе грубоватый комплимент, вымыл руки, весело осведомился, приготовила ли фрейлейн Лидия заказанные им еще с вечера любимые картофельные оладьи, и в недоумении уставился на внезапно выросшего у выходной двери незнакомого офицера.

– Кто вы такой?

– Спокойно, генерал, – повелительно сказал неизвестный обер-лейтенант, и генерал тут только заметил пистолет в его руке.

В первую секунду фон Ильген ничего не понял, но в следующую вспомнил, кто стрелял в Геля и Даргеля. Всем своим огромным, мускулистым телом он стремительно ринулся на разведчика… На помощь Кузнецову поспешили Каминский и Стефаньский. В отчаянной свалке переплелись тела. Генерал был очень здоров и умел драться, к тому же ярость удвоила его силы. Пошли в ход и кулаки и каблуки. Не утерпев, в схватку ввязался и Мясников, навалился, всем телом прижал к полу ноги своего теперь уже бывшего командующего. С большим трудом генерал был скручен.

Ян Каминский связал ему руки, но, не имея практики в подобных делах, справился с этим плохо, что очень скоро и обнаружилось.

Отдышавшись, Кузнецов посоветовал генералу не делать больше никаких попыток к сопротивлению, иначе придется прибегнуть к оружию. Фон Ильген притих.

Первыми из дома вышли Каминский и Стефаньский с портфелем. Затем Струтинский и Мясников вынесли и уложили в багажник генеральские чемоданы. Перед этим по приказанию Кузнецова денщик оставил на столе записку следующего содержания:

«Спасибо за кашу. Ухожу к партизанам и забираю с собой генерала. Смерть немецким оккупантам!

Казак *Мясников».*

Мысль о такой записке пришла к Кузнецову неожиданно, это был прекрасный ход, чтобы ввести в заблуждение гестапо.

Последним на крыльцо вышел сам Николай Иванович, придерживая фон Ильгена под локоть. Руки генерала были связаны за спиной. Мясников и Стефаньский уже сидели в машине. Струтинский стоял, выжидая, возле открытой дверцы.

– Поспешите! – услышал Николай Иванович прерывающийся от волнения голос Луковского. – Скоро смена!

Должно быть, Ильген понимал русский язык, потому что именно в этот миг он вдруг вырвался, ударил Кузнецова в лицо, вытолкнул языком кляп изо рта и заорал:

– Хильфе! Хильфе! («На помощь!» «На помощь!»)

Струтинский, Каминский, Кузнецов едва успели схватить генерала за плечи, снова заткнули ему рот, накинули на голову полу шинели, чтобы никто из случайных прохожих не опознал фон Ильгена в лицо. Извернувшись, генерал ударил Каминского сапогом в живот. От нестерпимой боли Ял согнулся пополам. С помощью бросившего свою винтовку Луковского генерала все же успокоили, привели в надлежащее состояние, втолкнули в «адлер» и прижали к полу так, чтобы он не смог и шевельнуться.

Струтинский не успел включить скорость, как…

– Что здесь происходит?

Кузнецов резко обернулся. К машине, расстегивая на ходу кобуры пистолетов, бежали четыре немецких офицера. В суматохе борьбы никто из разведчиков не заметил, откуда они появились, что успели понять. Это был решающий момент операции, когда на карте стояло все: и успех дела, и жизнь разведчиков.

Решение нужно было принимать немедленно, и Кузнецов нашел его, тем более что знал – иного выхода нет, а ввязаться в перестрелку никогда не поздно. Но тогда погоня начнется немедленно, а так был шанс хотя бы выиграть драгоценное время.

Он спокойно подошел к гитлеровцам, козырнул и отрекомендовался:

– Я офицер службы безопасности. Мы выследили и только что арестовали советского террориста, переодетого в нашу военную форму. Прошу удостовериться в моих полномочиях.

С этими словами он протянул офицерам ладонь, на которой тускло блестела овальная металлическая пластинка – номерной жетон сотрудника государственной тайной полиции.

Это был очень сильный ход. Во всей германской армии не нашлось бы ни одного офицера любого ранга, который бы решился задавать вопросы обладателю такого знака. Если только… у него самого не было в кармане такой же пластинки. Ни у кого из этих четверых ее не было. И все же роль нужно было доиграть до конца. Обер-лейтенант спрятал жетон и вынул из другого кармана записную книжку с карандашом. Попросил офицеров предъявить документы, объяснил: господа могут потребоваться в качестве свидетелей.

Офицеры послушно выполнили его требования. Обер-лейтенант внимательно просмотрел их удостоверения, переписал фамилии, затем вернул владельцам, но только троим. Четвертое он задержал.

– Вам, господин Гранау, – обратился он к коренастому военному в кожаном коричневом пальто, – придется проехать со мной в гестапо. Ваши показания имеют для нас особую ценность.

Вы, господа, можете быть свободны.

Человек в кожаном пальто только пожал плечами и спокойно уселся в машину. Ему, гауптману Гранау, личному шоферу рейхскомиссара, визита в гестапо можно было не опасаться. Это была, конечно, редкостная удача: кроме генерала фон Ильгена, захватить еще и коховского шофера!

Трое офицеров, козырнув, поспешили удалиться от места, происшествия. Кузнецов вернулся к «адлеру» и занял переднее место рядом со Струтинским.

И тут возникла новая проблема: машина была уже заполнена до отказа – семь человек! – а еще нужно было приткнуть как-нибудь Яна Каминского. Как известно, безвыходных положений не бывает. Правда, чтобы подтвердить этот постулат, Яну пришлось с большим трудом втиснуться в багажник. Едва он захлопнул над собой крышку тесной железной коробки, «адлер» растворился в сумерках. На полной скорости, петляя по пустым улицам, автомобиль вырвался за городскую черту и через час доставил своих пассажиров в надежное убежище на хутор Валентина Тайхмана, вблизи сел Новый Двор и Чешское Квасилово.

Хозяин хутора был бедным польским крестьянином, которого судьба наделила огромной семьей – девятью детьми. Старшему было лет семнадцать, младший только что начал ползать. До 1939 года семья жила в отчаянной нищете, только что не умирала с голоду, и встала на ноги лишь при Советской власти. Тайхман стал получать пособие по многодетности, что потрясло его до слез… Естественно, что и он, и вся его семья ненавидели оккупантов, и, когда потребовалось, Валентин предоставил свой хутор в распоряжение советских разведчиков.

Почти неразличимый летом со стороны дороги за густой листвой вишен и яблонь, хутор оказался очень удобной явочной квартирой. Сюда, в это укромное место, и доставил Кузнецов Ильгена и Гранау. Он правильно рассудил, что в этот день не стоит и пытаться переправить пленников в отряд, коль время из-за опоздания генерала к обеду было потеряно, а само похищение не прошло незамеченным. Действительно, новый караул, не обнаружив на мосте часового Луковского, поднял тревогу. Кто-то из солдат к тому же нашел возле палисадника утерянную во время борьбы фуражку фон Ильгена. Немедленно были поставлены на ноги и гестапо, и СД, и жандармерия, и контрразведка абвера.

Все дороги из города были перекрыты тройным, практически непроницаемым, кольцом. Начались поиски, которые продолжались много недель. Позднее советская разведка

захватила следующее сообщение, в свое время переданное гитлеровцами по радио:

«Следует учесть, что похищенный 15/XI 1943 года партизанами в Ровно командующий Восточными войсками генерал-майор Ильген увезен дальше на какой-то повозке – возможно, на какой-то автомашине.

Во всем армейском округе тотчас должен быть установлен контроль за автомашинами. Местным комендантам следует указать, что они должны проводить этот контроль в своих районах при помощи местной стражи.

Оперотделение 1А».

Ночью Николай Кузнецов допрашивал генерала и шофера Коха. Как и можно было ожидать, сведения, полученные от них, представляли огромную ценность для командования. Так как вывезти Ильгена и Гранау в отряд оказалось невозможно, оба гитлеровца тут же, на хуторе, нашли в конце концов свою могилу…

Лисовская и Микота по подозрению в соучастии с похитителями были арестованы военной контрразведкой. Но девушки предвидели это и соответственно подготовились.

Через несколько дней Лидия была освобождена по распоряжению своих шефов из гестапо. Майя также сумела доказать свое алиби.[7]

Между тем в Ровно была завершена подготовка к очередному, запланированному командованием отряда удару по оккупантам. Осуществить его поручили разведчику Михаилу Шевчуку, в помощь которому были приданы подпольщики Василий Борисов, Павел Серов и Петр Будник. Для выполнения задачи Шевчука снабдили мощной миной с часовым механизмом, упакованной в невзрачный фибровый чемодан. Этой четверке предстояло произвести взрыв на ровенском железнодорожном вокзале.

Проникнуть туда оказалось нелегко. Город захлестнула паника. После освобождения Красной Армией Киева и появления слухов, что советские танки заняли Новоград-Волынский, семьи офицеров и чиновников, уже не помышляли ни о чем, кроме эвакуации. Все спешили на Запад. Поезда были забиты, помещения вокзала заполняли пассажиры, ожидающие своей очереди уехать. Чтобы удержать лавину беженцев и навести порядок, вокзал окружили плотной стеной жандармов. Прорваться через нее Шевчуку не удалось.

Михаил Макарович был разведчиком опытным и лезть на рожон не любил. Он решил не маячить вблизи вокзала на глазах жандармов, а на боковых привокзальных улицах искать «попутчика» – немца посолиднее.

Такой попутчик, как он и надеялся, нашелся – немолодой подполковник, с трудом волочивший два тяжеленных чемодана. У Шевчука была специально выделенная для операции пролетка. Он нагнал подполковника, приостановил лошадь и предложил подвезти его до вокзала. Обрадованный немец не знал, как ему и благодарить словно с неба свалившегося спасителя – извозчика. Дальше все было просто. Шевчук лихо подкатил к главному подъезду вокзала, Серов и Будник подхватили все три чемодана (третий – свой, тот самый) и вместе с гитлеровцем направились к двери. Жандармский унтер было их остановил, но подполковник поспешил заявить, что «эти люди с ним».

Следом за подполковником разведчики проникли в зал ожидания первого класса, предназначенный только для старших офицеров и сопровождающих их лиц. Но и этот привилегированный зал был набит до отказа. С большим трудом разведчики отыскали для «своего» немца свободное место на деревянной скамье, поставили рядом два кожаных офицерских чемодана, перехваченных толстыми ремнями, третий чемодан затолкали под скамью. Никто не обратил на них ни малейшего внимания.

Пожелав подполковнику счастливого пути, Серов и Будник спокойно покинули вокзал – выпускали отсюда всех беспрепятственно.

Мощная мина сработала в установленное время – в два часа тридцать минут ночи. Потолок зала первого класса обрушился целиком, похоронив под обломками свыше двадцати офицеров, причем старших – от майора и выше, еще около ста тридцати были ранены. Поднялась паника. Слились в невыразимую какофонию крики, стоны раненых, пистолетные выстрелы…

Заслышав взрыв и стрельбу, солдаты из подходившего к Ровно воинского эшелона решили, что вокзал захвачен советскими парашютистами. Они высыпали из вагонов, залегли вдоль путей и открыли интенсивный ружейный и пулеметный огонь по пылающему зданию. Та же самая мысль – о высадке советских парашютистов – пришла в голову и охране вокзала, но она, естественно, приняла за десантников солдат из эшелона. Завязалась перестрелка, а скорее даже настоящий бон; он тоже обошелся немцам недешево, пока с рассветом обе стороны не поняли, что воюют со своими.

Взрыв вокзала был вторым ударом, а предстоял еще один, снова с участием Николая Кузнецова, в эту ночь, с 15 на 16 ноября, так и не сомкнувшим ни на минуту глаз. Утром 16-го он должен был снова вернуться в Ровно, чтобы ликвидировать главного немецкого судью Украины генерала Альфреда Функа.

Этот среднего роста сухощавый эсэсовец, как и Кох, был любимцем Гитлера, который удостоил его высшей партийной награды – золотого нацистского значка. Подобно Коху Функ тоже занимал множество должностей: президента верховного немецкого суда на Украине, сенатс-президента верховного суда в Кенигсберге, чрезвычайного комиссара по Мемельской области, главного судьи штурмовых отрядов – СА группы «Остланд», председателя «национал-социалистического союза старшин» и прочее и прочее.

За всем этим пышным фасадом громких чинов и должностей Функа скрывалась, в сущности, главная обязанность – уничтожать в узаконенной форме советских людей. По так называемым «приговорам» Функа ежедневно на Украине расстреливали и вешали сотни патриотов.

Немецкий верховный суд Украины занимал сохранившееся и поныне унылого вида трехэтажное серое здание, выходившее на Парадную площадь и Школьную улицу. Возможно, уничтожить Функа было легче в каком-нибудь другом месте, но командование решило провести акт возмездия именно в здании суда, что придавало ему как бы особое, символическое значение.

Разведчики отряда уже давно вели за судьей незаметное наблюдение, изучали его маршруты, привычки, образ жизни. Они установили, в частности, что Функ, человек педантичный и аккуратный, каждый день брился в небольшой парикмахерской «только для немцев» на Дойчештрассе, почти напротив суда. Без нескольких минут девять Функ выходил из парикмахерской, не спеша пересекал улицу и ровно в девять входил в здание суда.

Брился Функ всегда в одном и том же кресле, у одного и того же мастера. Худой, с глубоко посаженными темными глазами, услужливый и даже подобострастный с клиентами-немцами, Анчак выглядел человеком, никогда в жизни не державшим в руках никакого иного оружия, кроме бритвы. Сослуживцы знали, что он очень любит свою семью – такую же тихую, как он сам, жену и двух дочек-близнецов. Профессиональная репутация его была достаточно высокой, не случайно Функ, перепробовав всех мастеров, остановился, в конце концов, именно на этом скромном и незаметном человеке.

И ни сослуживцы, ни верховный немецкий судья Украины не поверили бы, что скромный и тихий Ян Анчак – бывший майор польской армии, участник боев за Варшаву, антифашист, ныне тесно сотрудничавший с советскими разведчиками.

Если разложить события утра этого дня – 16 ноября 1943 года – по минутам, даже не всего утра, а какого-нибудь получаса, получается примерно следующая цепочка действий:

Восемь часов тридцать минут. На Школьной улице, не доехав до здания верховного немецкого суда метров пятидесяти, остановился автомобиль «адлер». Из него вышли два офицера в фуражках рейхскомиссариата Украины – из-за этих расшитых фуражек, отличающих их от обычных военнослужащих, офицеров РКУ называли «золотыми фазанами».

Это были Николай Кузнецов и Ян Каминский. Солдат-шофер Николай Струтинский остался в машине и, казалось, задремал за рулем. Офицеры перешли Парадную площадь и разошлись в разные стороны. Кузнецов стал медленно прохаживаться по тротуару, Каминский занял давно выбранную позицию, откуда удобно было наблюдать за окном парикмахерской, в которой работал Анчак. Потянулись секунды и минуты тягостного ожидания. Несмотря на ранний час, на Дойчештрассе было многолюдно – спешили на службу офицеры, чиновники, мелкие служащие оккупационных учреждений. Кузнецов и Каминский еле успевали отвечать на приветствия и самим приветствовать проходящих военных. У всех сумрачный, угрюмый вид – эти прохожие уже знают о ночном взрыве…

Восемь часов сорок минут. У главного подъезда суда останавливается крытый грузовик: эсэсовцы привезли арестованных в суд. Струтинский осторожно ощупывает под сиденьем автомат и гранаты. Грузовик с эсэсовцами здесь совершенно ни к чему сейчас. Но Кузнецов и Каминский продолжают как ни в чем не бывало оставаться на своих постах. Кузнецов, конечно, тоже встревожен появлением грузовика, но не отменять же из-за него операцию.

Восемь часов сорок пять минут. Откинулась на мгновенье занавеска в окне парикмахерской – это Анчак подает знак, что скоро, через две-три минуты, он закончит бритье. Каминский небрежно сдвигает фуражку на затылок. Это тоже сигнал и означает то же самое, но предназначен Кузнецову.

Восемь часов пятьдесят минут. Занавеска откинута совсем. Каминский приподнял фуражку. Кузнецов взглянул на часы и неторопливо направился к главному входу в суд – Струтинский завел мотор…

Из дверей парикмахерской выходит Функ. Небрежно отвечает на приветствие проходящих. Обыкновенный человек, с невыразительным, словно стертым, лицом. Неужели это он, мимо которого в толпе пройдешь, не обернувшись, отправил на эшафот тысячи людей? Да, это он. Главный палач Украины Функ.

Кузнецов, готовясь к операции, хорошо изучил расположение коридоров и комнат в здании суда. Сейчас ему требовалось единственное – войти в дверь одному, не столкнувшись ни с кем

из сотрудников. Иначе чем объяснить, что, оказавшись внутри здания, он не пошел ни на второй этаж, ни в боковые коридоры первого, а просто плотно прижался к стене сразу за дверью? Разводчик понимал, что сотрудники суда постараются занять свои рабочие места в кабинетах раньше (хоть на несколько минут), чем прошествует в свой на втором этаже главный судья.

Кузнецов стоял не шелохнувшись. Справа послышались шаги – кто-то шел по коридору к двери. Шаги приблизились и удалились, уже по лестнице.

Восемь часов пятьдесят девять минут. Хлопнула входная дверь. Функ! И тут же – три выстрела в упор из надежного офицерского «вальтера»…

Быстро, но без суеты Кузнецов подхватил выпавший из руки Функа портфель и спокойно вышел на улицу.

Эсэсовцы у подъезда видели, как из здания суда вышел пехотный офицер и уехал на сером «адлере», но не обратили на него никакого внимания. Кто-то из них рассказывал что-то веселое, остальные гоготали во все горло и слабых звуков выстрелов не слышали.

Машина стремительно унесла Кузнецова и Струтинского, но Ян Каминский некоторое время еще оставался на своем посту возле парикмахерской. С его слов известно, что происходило дальше.

Тело Функа на лестнице возле главной двери обнаружил, конечно, первый же посетитель – не служащий – верховного суда Украины. Это произошло спустя две-три минуты после свершения акта возмездия. На втором этаже здания суда распахнулось настежь окно, и чей-то истерический крик огласил площадь:

– Президент убит! Президент убит!..

Поднялась тревога. Эсэсовцы у главного подъезда связали, видимо, убийство Функа с уехавшим на автомобиле офицером и устремились в погоню. В двух-трех кварталах от Парадной площади они действительно нагнали такой же серый «адлер», в котором ехал какой-то майор. Ничего не понимающего офицера выволокли из машины и по дороге к гестапо избили до полусмерти. Майор, в конце концов, доказал свою полную непричастность к убийству верховного судьи. Этим он озлобил гестаповцев до самой крайней степени, поскольку тем было ясно, что время, потерянное на злосчастного майора, позволило лицам, действительно убившим Функа, бесследно раствориться в лабиринте ровенских улиц.

Выполнив задание, Кузнецов и Струтинский два дня отсыпались на хуторе Валентина Тайхмана, а отдохнув, решили вернуться в Ровно. Предварительно, само собой, в который раз

были заменены номерные знаки машины. Командование предусмотрело, что этих обычных мер предосторожности на сей раз недостаточно. Само звание Пауля Зиберта – обер-лейтенант – после покушений на Даргеля и Функа было как бы скомпрометировано. Можно было заранее предугадать, что по всей округе немцы устроят сплошную проверку обер-лейтенантов, сколько бы их ни оказалось.

Поэтому Кузнецова на хуторе уже ждал специальный нарочный из штаба отряда, доставивший Николаю Ивановичу новые документы и новые погоны. Отныне он становился гауптманом Паулем Вильгельмом Зибертом. Кузнецов по этому поводу пошутил, что, глядишь, при таком росте (второе звание за год) войну он закончит полковником.

В Ровно, на улице Коперника, автомобиль остановил патрульный пост.

– Ваши документы, господин гауптман!

Кузнецов предъявил свои новые документы (выглядели они, однако, вовсе не с иголочки), а также путевой лист. Внимательно просмотрев бумаги, проверяющий офицер разрешил следовать дальше.

Не успели они отъехать метров на триста – снова окрик:

– Хальт! Документы!

Зиберт удивился.

– В чем дело? У нас только что проверяли.

Жандармский офицер ничего не ответил. Только просмотрев документы, сказал:

– Не волнуйтесь, гауптман. Сегодня вас будут останавливать часто. Мы разыскиваем террориста, он в форме нашего обер-лейтенанта…

В душе Кузнецов вознес благодарность предусмотрительности своего командования.

Отъехав на квартал, Кузнецов приказал Струтинскому свернуть в переулок и остановиться.

И они стали… «помогать» немцам. Оставив «адлер» в переулке, Кузнецов и Струтинский вышли на улицу. Через несколько минут они остановили какую-то легковую машину.

– Хальт! Ваши документы?

Пожилой майор раздраженно заявил:

– Но у нас уже проверяли только что, сказали, все в порядке, можно ехать дальше. В чем дело, собственно?

Кузнецов просмотрел документы и сочувственно пожал плечами.

– Извините, господин майор, но сегодня вас будут останавливать на каждом шагу. Мы ищем террориста в форме

нашего офицера. Так что сами понимаете…

Еще раз козырнув, Николай Иванович вернул пассажирам машины их документы и разрешил ехать дальше – до следующего патруля, настоящего.

После небольшой практики Николай Иванович вошел во вкус новой своей работы и проверял документы с дотошностью и сноровкой заправского офицера полевой жандармерии. Занятие это, кстати, оказалось не таким уж бесполезным: из документов задержанных им офицеров он запомнил немало интересного и достаточно ценного.

Они останавливали все проезжающие автомобили – и легковые, и грузовики – больше часа. И никто не проявил ни тени сомнения в их полномочиях. Такова уж была сила слепого повиновения властному тону в гитлеровской армии.

Так продолжалось до тех пор, пока по улице не промчался мотоцикл и эсэсовский офицер, сидевший в коляске, не выкрикнул на ходу:

– Дополнительные посты снимаются! Можете быть свободны, гауптман!

Кузнецов благодарно помахал эсэсовцу рукой и улыбнулся Струтинскому. Теперь можно было трогаться в нужную сторону и им, не опасаясь каких-либо осложнений.

Уничтожение Функа произвело огромный эффект. На его смерть была помещена статья самого Коха под заголовком: «Судебный президент страны убит».

О ликвидации палача из сообщения ТАСС от 17 декабря 1943 года узнали все советские люди.

После похищения генерала фон Ильгена, взрыва на вокзале и невероятного по дерзости убийства Функа гитлеровцы в Ровно, как и следовало ожидать, совсем потеряли головы. Паника достигла предела. Среди оккупантов и обывателей ходили самые нелепые слухи о «большевистских террористах», якобы наводнивших город и уничтожавших высокопоставленных лиц. В Ровно начались повальные обыски и облавы. Причем на местных жителей внимания почти не обращали – документы проверяли в первую очередь у военнослужащих. Подозрительных лиц арестовывали десятками. Террористы мерещились повсюду – жителям запретили выходить из домов позже шести часов вечера, ходить группами больше двух человек, носить чемоданы, свертки, закрытые сумки и даже… держать руки в карманах. Целыми днями по улицам разъезжали автомобили с громкоговорящими установками: ровенцев убеждали содействовать властям в поимке террористов.

В один из этих тревожных дней с Кузнецовым случился в

центре города на улице Мицкевича неприятный эпизод. Струтинский остановил машину у тротуара, сделал это недостаточно осторожно и ударил бампером другой автомобиль, который, как оказалось, принадлежал заместителю Китцингера генералу Мельцеру.

К Струтинскому подошел полицейский офицер в потребовал документы. Николай предъявил путевой лист, в котором, по его мнению, все было в порядке: указаны марка машины, фамилия владельца, маршрут и цель поездки. Не хватало лишь одного, но весьма существенного – печати…

Струтинский, кляня себя за забывчивость, стал оправдываться, делая вид, что плохо понимает по-немецки.

Вмешался Кузнецов – нужно было спасать положение, так как отсутствие печати делало путевой лист пустой бумажкой, а немцы, как он хорошо усвоил, придавали документам большое значение, придирались ко всякой мелочи. Словно не придавая этой истории серьезного значения, он спокойно подтвердил:

– Мой шофер – поляк. По-немецки почти не говорит. Вы разве не знаете этих мобилизованных польских дураков? Они все делают не так, как надо…

– Печать должна быть обязательно, – упорствовал полицейский. – У вас ее нет, это непорядок…

Допустить, чтобы их задержали, Кузнецов не мог. Проверка злополучного путевого листа в фельджандармерии (а там и других документов) не сулила ничего хорошего. И он решился на очень дерзкий и рискованный ход…

– Непорядок, говорите? – мрачно переспросил он и тут же резко почти выкрикнул офицеру, махнув рукой в сторону мостовой, где катился непрерывный поток отступающих гитлеровцев. – А это, по-вашему, порядок?! У нас сейчас много беспорядка, господа, – и с горечью добавил: – Полагаю, что отсутствие печати в моем путевом листе еще не самое страшное…

Полицейский растерялся. Он не мог не согласиться, что этот, по-видимому до крайности раздраженный отступлением, офицер в чем-то прав. Инцидент был исчерпан…

Фашистская служба безопасности так и не обнаружила неизвестного обер-лейтенанта. Что же касается гауптмана Пауля Вильгельма Зиберта – его деятельность продолжалась.

ГЛАВА 15

После тяжелого, кровопролитного боя с карательной экспедицией «мастера смерти» генерала Пиппера оставаться под Ровно отряду уже было нельзя. Победа вдохновляла, тем более не следовало ею обольщаться – нужно было уходить, пока потрясенные нежданным поражением немцы не пришли в себя и не отрезали все пути к отходу.

В конце октября Красная Армия, вдохновленная блестящей победой на Курской дуге, вышла к Днепру на протяжении семисот километров. Это означало освобождение от оккупантов почти всей Левобережной Украины и Донбасса.

Гитлеровцы теперь рассчитывали только на Днепр: широкая, полноводная река с ее высоким правым берегом расценивалась ими как непреодолимая водная преграда для усталых, измотанных трудными и ожесточенными летними боями советских войск. Но Днепр был форсирован сразу в десятках мест на всем театре военных действий!

6 ноября, в канун Октябрьского праздника, Москва салютовала доблестным дивизиям Красной Армии, освободившим столицу Советской Украины Киев. Удар по Коростеню, Житомиру и Фастову привел к тому, что оказались перерезанными важнейшие коммуникации, связывающие группы немецких армий «Центр» и «Юг».

Штурмом был сокрушен сильный плацдарм гитлеровских войск в районе Запорожья. Вслед за Запорожьем были освобождены Днепропетровск и Днепродзержинск. На юге Красная Армия взяла Мелитополь, изгнала немцев с Таманского полуострова, вышла к низовьям Днепра и Перекопскому перешейку. Крым оказался отрезанным, фашистские войска в нем – запертыми, как в бутылке.

Началось освобождение и Советской Белоруссии.

На всех фронтах от Черного до Северного морей гитлеровцы несли огромные потери. Всего в ходе летне-осенней кампании Красная Армия разгромила 118 фашистских дивизий, вывела из строя почти полтора миллиона вражеских солдат, офицеров и генералов.

Фронт все ближе и ближе подходил к государственной границе СССР. Вначале исподволь, а потом все более поспешно гитлеровцы эвакуировали оккупационные учреждения из Ровно. Город стал терять свое значение центра временно оккупированной фашистами Украины и, следовательно, уже не интересовал так, как прежде, советскую разведку. Громоздкий

аппарат гитлеровской администрации поспешно переводился во Львов. Потому-то именно к этому городу и было решено перебазировать отряд под командованием Д. Н. Медведева.

Памятный бой с карателями лишь ускорил это решение.

Итак, поздней осенью 1943 года по совершеннейшему бездорожью, лесами, топями, проселками, отряд совершил тяжелейший 150-километровый переход. Чтобы не подвергать тяготам и риску раненых, их принял по просьбе Дмитрия Николаевича Медведева в свое соединение дважды Герой Советского Союза Алексей Федорович Федоров. (Интересно, что по выздоровлении они образовали небольшой отряд, которым командовали медведевцы же – Григорий Шашков и Константин Владимирский.)

Местом новой временной стоянки был избран лес в окрестностях большого села Велки-Целковичи. Здесь отряд привел себя в порядок, после сильных боев партизаны смогли, наконец, отдохнуть, набраться сил. Но для разведчиков этот вынужденный и временный отрыв от источников информации, был крайне нежелателен. Поэтому уже через две недели было решено, что, поскольку немцы наверняка убедились, что партизаны от «столицы» ушли, группа разведчиков, работавших в Ровно, под командованием Лукина в сопровождении роты Льва Ермолина скрытно вернется на время в Цуманские леса. (Несколько позже туда вернулся и весь отряд.)

При обратном пути как раз в канун Дня чекиста – 19 декабря – на них, к своему несчастью, напоролся целый выпуск школы военных старшин так называемой УПА – «Украинской повстанческой армии». Как потом выяснилось, эти предатели совершали ночной марш в качестве одного из выпускных экзаменов. Несостоявшихся старшин партизаны разбили наголову и взяли хорошие трофеи: тяжелый пулемет, миномет, много оружия и боеприпасов. Но самое главное, – в распоряжении разведчиков оказалось более сотни новеньких, еще не выданных старшинских дипломов, украшенных печатями и витиеватыми подписями командующего группы УПА «Заграва» Дубового и начальника штаба Бористена – так в древности назывался Днепр (вожаки националистов очень любили присваивать себе громкие имена, чего стоил один атаман Боровец, именовавший себя ни более, ни менее, как… Тарас Бульба!).

…Между тем поток немецкого отступления подкатывал к Львову. Все дороги были забиты, запружены автомобилями, повозками, мотоциклами… Бежали офицеры и чиновники оккупационных ведомств, семьи оккупантов, предатели, пытающиеся уйти от возмездия. Бежали в панике, дрались за

места в машинах, платили бешеные деньги за железнодорожные билеты и бензин.

И с тем большей яростью вымещали они свою звериную злобу и страх на мирных жителях Западной Украины. По городам и селам, как никогда, бесчинствовали каратели: сжигали дома, расстреливали стариков и детей, угоняли в Германию всех трудоспособных, уничтожали все, что не могли вывезти. Это называлось «тактикой выжженной земли».

С наступлением нового, 1944 года фронт значительно приблизился к Ровно. Порывы студеного ветра доносили до города отдаленные раскаты артиллерийской канонады. Шла сплошная эвакуация. Рейхскомиссар Украины Эрих Кох так торопился удрать, что даже традиционный рождественский вечер устроил на два дня раньше, чем полагалось по календарю.

Пришлось и разведчикам трогаться с места – на запад. Целью был, разумеется, Львов – крупнейший город и исторический центр Западной Украины. На этот раз главная трудность заключалась даже не в самом сложном и опасном переходе: во Львове не имелось ни связей, ни квартир, – словом, никаких опорных пунктов для разведчиков. Правда, у некоторых партизан жили там родственники или знакомые. Но было известно, что немцы расстреляли во Львове десятки тысяч людей, в их числе могли оказаться и те лица, на которых, как предполагалось, могли рассчитывать, хотя бы первое время, разведчики. Приходилось учитывать и то, что Львов был центром украинских буржуазных националистов всех толков. Командование отряда понимало, что многие бандеровские и прочие враждебные деятели после изгнания оккупантов останутся на Украине, уйдут в подполье, чтобы вести тайную, из-за угла войну против Советской власти.

Подыскать квартиры, установить связи с надежными людьми, посеять панику среди оккупантов, обнаружить места расположения складов, штабов, узлов связи, казарм, выявить лиц, которых немецкое командование и руководство украинских буржуазных националистов оставит в городе для шпионажа и диверсий, – с таким серьезнейшим заданием решено было заслать во Львов небольшую группу разведчиков. Наконец, им было поручено разведать фашистский план минирования Львова, чтобы воспрепятствовать гитлеровцам разрушить старинный город – гордость украинского народа. В случае потери связи с отрядом (такая возможность не исключалась) разведчики должны были самостоятельно связываться с передовыми частями Красной Армии и передавать им добытую информацию. Им разрешалось также предпринимать любые действия, могущие внести панику в

«нормальную» жизнь оккупантов во Львове.

6 января 1944 года группа в составе двадцати одного человека под командованием Бориса Крутикова отправилась в опасный путь по маршруту: Ровно (Цуманские леса) – Дубно – Почаев – Броды – Злочев – Перемышляны – Львов (Гановичевский лес). Здесь часть группы должна была остаться в качестве «зеленого маяка», а другая проникнуть в город и приступить к выполнению задания. Радист Бурлака должен был обеспечивать регулярную связь разведчиков с отрядом.

Командование отправляло во Львов и Николая Кузнецова, но совершенно самостоятельно, в сопровождении лишь двух человек: Яна Каминского и шофера Ивана Васильевича Белова. Белов в свое время служил в Красной Армии, попал в плен, был освобожден как украинец под фамилией Белько, осел в Ровно и связался здесь с группой Михаила Шевчука. Шевчук и остальные связанные с ним товарищи рекомендовали Белова как верного человека, проверенного в ряде операций. Для предстоящей операции Белов был одет в форму и снабжен документами солдата военно-транспортных войск Ивана Власовца.

Во Львове наряду с основной разведывательной работой Кузнецову следовало, по возможности, осуществить акт возмездия над губернатором Галиции Вехтером или его заместителем Бауэром.

На всякий случай оговорили место встреч во Львове: возле театра, по нечетным дням, в двенадцать часов по немецкому времени.

Затем Кузнецов должен был перебраться в Краков. Выбор этого города объяснялся тем, что сюда, по всем расчетам, должны были бежать высшие фашистские учреждения после неминуемого и близкого изгнания с украинской земли. В случае крайней опасности Кузнецову, Каминскому и Белову предписывалось уйти в подполье и дождаться прихода Красной Армии.

Настроение перед отъездом у Николая Ивановича было превосходное; в отряд пришло радостное известие, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1943 года он и его товарищи за осенние операции награждены орденами Ленина. Он много шутил, был весел и жизнерадостен.

15 января 1944 года Кузнецов, Каминский и Белов распрощались с боевыми друзьями, как все полагали тогда, ненадолго и выехали во Львов через Луцк. (Если быть точным, то следует оговориться, что выехали они не сразу: стояла такая грязь, что до шоссе их машину пришлось вытягивать волами.)

В Луцке Кузнецов и его спутники совершили небольшую остановку по очень важной причине: группа связанных с отрядом

польских патриотов под командованием Вицента Окорского, жившего на Банковой улице, 16, заранее приготовила здесь для Кузнецова новый автомобиль: серый итальянский «фиат», ранее принадлежавший местному гебитскомиссару. Старая машина гауптмана Зиберта, рассудило командование, слишком «скомпрометировала» себя в Ровно.

18 января группа отправилась на этом «фиате» дальше – на Львов.

«Накануне в селе Германувка, – вспоминает Лукин, – фактически окраине Луцка, я в последний раз виделся с Николаем Ивановичем Кузнецовым. Встреча проходила в старом заброшенном сарае на краю села.

Николай Иванович приехал вместе с Каминским и Беловым, я – в сопровождении доктора Альберта Цессарского, «смотрителя луцкого маяка» Владимира Ступина, моего адъютанта Сергея Рощина и нескольких бойцов.

Николай Иванович коротко рассказал, что до Луцка они добрались в потоке отступающих войск спокойно, что «фиат», который ему достали поляки, по отзыву Белова в полном порядке, что сам Белов, как ему кажется, хороший водитель, выдержанный и надежный товарищ.

Я понимал, что от личных и профессиональных качеств водителя во многом будет зависеть успех поездки Кузнецова, и был рад, что Белов ему со всех точек зрения понравился. Но понял и другое: Кузнецов, зная, что это не может нас не волновать, сам, не дожидаясь моих вопросов, похвалил нового своего товарища. О Каминском говорить не было нужды: Николай Иванович и Ян давно сработались и понимали друг друга с полуслова.

Так мы провели часа два: уточнили задания, обсудили некоторые детали. Теперь мне оставалось только продлить документы Зиберта и передать ему деньги. Цессарский на специально захваченной немецкой машинке печатал на бланках соответствующие тексты, а я расписывался за нужных начальников и прикладывал ту или иную печать из своей походной канцелярии. Соответствующая доработка была проведена с документами Каминского и Белова, а также с бумагами на новый автомобиль Зиберта. Потом я отдал Николаю Ивановичу большую сумму марок.

Как всегда, Кузнецов, прежде чем спрятать документы в карман, тщательно их изучил – чтобы в случае проверки ответить на любой вопрос без запинки, не спутав ни фамилий, ни дат. Деньги разделил на несколько частей – чтобы на людях не показать слишком солидную пачку.

Настроение его в тот последний день, что мы виделись, было хорошим. Он был бодр, собран, не сомневался, что успешно выполнит очередное задание. Лишь сожалел немного, что его встреча с близкой, как никогда, Красной Армией отодвигается на неопределенный срок. Это было понятно – все мы с нетерпением ждали ту радостную минуту, когда увидим первого красноармейца.

Потом мы сидели уже все вместе, оставив охрану, обедали, обсуждали последние военные сводки, гадали, когда, наконец, наступит День Победы и откроют ли союзники к тому времени второй фронт. О задании больше не говорили. Теперь, после того как деловой разговор с Николаем Ивановичем был закончен, я больше приглядывался к его спутникам. Убедился, что и Каминский и Белов настроены по-боевому, понимают задачу своей маленькой группы.

Подошло время расставаться. Нам нужно было возвращаться к своим, Кузнецову и его друзьям – спешить на запад, к Львову. Мы обнялись, расцеловались, и вот уже Николай Иванович, чуть пригнувшись у низкой двери, первым выходит во двор».

…Группа Бориса Крутикова ушла хорошо вооруженной под видом отряда бандеровцев, выполняющих особое задание. Все ее участники были снабжены документами националистов, в том числе дипломами школы военных старшин УПА. Теми самыми дипломами, что были взяты в ночном бою 19 декабря. И все же с самого начала все пошло не так, как надо. Группа смогла пробиться к намеченному пункту лишь с огромным трудом и весьма ощутимыми, учитывая ее небольшой состав, потерями. Погиб в бою и единственный радист Бурлака. Его гибель уже сама по себе ставила перед будущими разведчиками во Львове множество проблем, ибо связь в разведке едва ли не самое главное. Что толку в самой ценной информации, если ее нельзя вовремя передать своим?

Только 19 января оставшаяся часть группы Крутикова подошла к селу Гуте-Пеняцкой, где вступила в контакт с небольшим отрядом польских патриотов под командованием Казимира Войцеховского. В Гуте Крутиков и решил на время обосноваться, отправив все же двух разведчиков – Степана Пастухова и Михаила Кобеляцкого – во Львов. Степан Петрович Пастухов в составе группы оказался не случайно. Дело в том, что когда-то он работал во Львове инженером коммунального хозяйства, а посему отлично знал не только сам город, но и подземные коммуникации, систему водоснабжения, канализации и прочие очень важные вещи.

Прибыв во Львов (кстати, во время пути у них несколько раз проверяли документы, но бумаги не подвели), Пастухов и Кобеляцкий отправились по разным адресам разыскивать старых знакомых. Неудача следовала за неудачей: одни выехали еще до оккупации, другие погибли, третьи перебрались в деревню. Попадались и такие, которые никуда не выезжали и здравствовали, но им нельзя было доверять – сотрудничали с гитлеровцами.

Только к вечеру Степану Пастухову повезло. На Лычаковской улице, 4 он нашел давнего сослуживца Руденко, некогда работавшего дорожным инженером. Пастухов держался осторожно, сказал, что он с товарищем эвакуировался из Ровно, где работал в военно-строительной конторе, что дела его обстоят неважно, так как нигде во Львове не может найти жилья. Руденко предложил на первых порах остановиться у него, пожалел, что сравнительно недавно сдал в наем одну свою лишнюю комнату. Живут в ней два брата – Василий и Юлиан Дзямба, ребята еще молодые, бессемейные.

После долгого прощупывания Пастухов, наконец, дал понять, что они с товарищем – советские партизаны, но, разумеется, ни словом не обмолвился о целях своего пребывания в городе. Руденко встретил это признание без всякого удивления: видимо, догадывался и сам, кто таков его старый знакомый. И как только разговор вступил в определенную стадию, он без обиняков заявил, что Степан Петрович может целиком и полностью рассчитывать на его, Руденко, содействие решительно во всем.

Первая просьба Пастухова была – связать его с надежными людьми, у которых можно остановиться, переночевать. Руденко располагал такими знакомствами, тут же продиктовал Степану Петровичу несколько адресов, за которые ручался головой. А потом посоветовал приглядеться к его жильцам, братьям Дзямба: ребята, по его мнению, немцев ненавидели и только ждали подходящего случая, чтобы включиться в активную борьбу с оккупантами. Руденко оказался прав: братья Дзямба действительно были людьми подходящими, они с искренней радостью согласились выполнять все поручения разведчиков.

Через несколько дней Василий Дзямба познакомил Пастухова и Кобеляцкого со своим другом Дзюпиком Панчаком (вообще-то его имя было Владимир, но друзья называли его только Дзюпиком), у которого в доме 23 по улице Николая была превосходная квартира. Главное ее достоинство заключалось в том, что, кроме отдельного хода с лестничной клетки, у нее еще был и черный ход, который из кухни вел прямо на чердак.

Именно это и прельстило в первую очередь разведчиков. Теперь, располагая надежным убежищем, Пастухов и Кобеляцкий смогли приступить к выполнению основной части своего задания. С утра до вечера они ходили по городу и отмечали военные объекты врага: склады, казармы, зенитные батареи, места постоянного скопления войск.

Особенно интересовал их, разумеется, Центральный вокзал, но проникать туда без соответствующих документов было трудно и небезопасно. Требовалось что-то срочно придумать. Степан Пастухов обратил внимание на многочисленных «возпарей» – носильщиков с маленькими тележками. С такой тележкой и впрямь можно было пройти куда угодно – и в залы ожидания, и на перроны.

Разведчики тут же остановили первого встречного возпаря и потребовали от него документы. Возпарь, приняв их за полицейских, послушно предъявил аусвайс и патент на право работы. Внимательно изучив документы, задав потом несколько вопросов, Пастухов узнал, какие бумаги и где им следует раздобыть. И тут на помощь пришли Панчак и Василий Дзямба, – вернее, их друг, бывший капитан польской армии Владислав Бик, игравший видную роль в подпольной организации польских патриотов. Уже через два дня Бик обеспечил Пастухова и Кобеляцкого требуемыми аусвайсами, а также патентами и номерами на тележки.

Здесь уместно объяснить, почему авторы решили уделить внимание действиям Степана Пастухова и Михаила Кобеляцкого, вроде бы не имеющим прямого отношения к судьбе главного героя книги. В отряде «Победители» действовало много и других замечательных разведчиков-патриотов. К сожалению, в этой книге о Николае Ивановиче Кузнецове обо всех них не напишешь, хотя они этого и заслуживают. Но Пастухов и Кобеляцкий работали во Львове в те самые дни, когда в нем совершил свои последние подвиги Николай Кузнецов. Сложись обстоятельства чуть-чуть иначе, они могли бы работать в этом городе вместе, но так не случилось, и ничьей вины в том нет. Шла война…

…В задание Пастухова и Кобеляцкого, кроме основной разведывательной работы, входило и уничтожение гитлеровского офицерского состава и работников военной администрации.

…Было около девяти часов вечера, редкие фонари едва пробивали сырую, промозглую тьму. Прохожих почти не было – местные жители в эту пору вообще не выходили из домов, немцы в последнее время тоже старались лишний раз не показываться на улицах.

Пастухов шел впереди. Кобеляцкий – следом, шагах в четырех. Не доходя до вокзала, Степан Петрович заметил на трамвайных путях офицера – майора авиации. Тот стоял посреди привокзальной площади, держа в руке небольшой чемоданчик, и неуверенно озирался по сторонам, словно решая, куда пойти. Постояв так несколько минут, немец зашагал как раз к той улице, в тени углового дома которой притаился разведчик. Майор прошел мимо Степана, едва не задев его своим чемоданчиком. И в ту же секунду сухо хлопнули подряд два выстрела.

Пастухов и Кобеляцкий быстрым шагом обогнули стоявшие на площади пустые санитарные вагоны и на ходу вскочили в громыхавший мимо трамвай. Преследования, судя по всему, не было: убитого офицера, видимо, сразу не обнаружили, а на одиночные выстрелы никто в городе внимания не обращал.

Но на следующую ночь их все же чуть не настигла беда: жандармы и украинские полицейские нагрянули на квартиру Панчака. Трудно сказать, что вызвало этот визит: то ли о подозрительных жильцах донес кто-то из соседей, то ли выследил тайный агент гестапо. Во всяком случае, в два часа ночи в наружную дверь загрохотали. Вот тут и пригодилась необычная планировка квартиры.

– Но открывай, пока не уйдем на чердак, – шепнул Пастухов хозяину.

Поспешно одевшись и захватив оружие, разведчики на цыпочках стали осторожно подыматься по скрипучей лестнице. Панчак в одном нижнем белье, громко зевая, пошел к двери.

– Кто там? – нарочито заспанным голосом спросил он.

– Открывай! Шнель! Шнель! – раздалось за дверью.

Дзюник отворил. В прихожую тут же ввалилось несколько жандармов и полицаев. На беду, разведчики еще не успели скрыться на чердаке. Заметив беглецов, один из полицейских с пистолетом в руке кинулся к ним. Но Пастухов прореагировал быстрее: раздался выстрел – и полицейский рухнул с нижней ступеньки на кухонный пол. Растерявшиеся немцы в панике, толкая друг друга, бросились вон.

Панчак, воспользовавшись суматохой, в чем был тоже кинулся на чердак. Через слуховое окно все трое выбрались на крышу и, скользя по покатому железу, поползли подальше от опасного места.

Первым побуждением Пастухова было как можно скорее спуститься вниз и бежать. Но это оказалось невозможным: за какие-нибудь минуты немцы пришли в себя и оцепили весь квартал. Разведчики проползли по крышам под беспорядочным автоматным огнем метров триста, когда Панчак тронул

Кобеляцкого за плечо.

– Ты что?

У Дзюника от холода не попадал зуб на зуб. С трудом выдавливая слова, он проговорил:

– Этот дом немецкий, живут только офицеры.

Разведчикам уже ничего не надо было объяснять – вниз! Через окошко они протиснулись на чердак.

Пока беглецы обследовали на ощупь свое ненадежное убежище, на улицах не смолкали выстрелы, изредка слышались разрывы гранат. Немцы прочесывали квартал.

Обыска не избежала ни одна квартира, ни один дом, кроме того, где укрылись разведчики. Заселенный исключительно немцами, он не вызвал ни малейшего подозрения.

И все же просидеть на чердаке безопасности ради разведчикам пришлось еще целый день. Лишь с наступлением сумерек они бесшумно спустились по черной лестнице во двор, перемахнули через забор и ушли на квартиру Руденко. Раздетому Панчаку Пастухов еще раньше дал свое пальто, достаточно длинное, чтобы скрыть отсутствие другой одежды. Ноги Дзюник обмотал портянками Кобеляцкого.

В доме Руденко разведчиков ожидал не слишком приятный сюрприз – шесть немецких солдат, явившихся на постой. К счастью, ночь прошла благополучно, а утром Пастухов и Кобеляцкий перебрались на новое жилье – на улице Лелевеля, 17 они сняли угол с харчами в квартире у стариков Шушкевичей.

Новых жильцов Шушкевичи считали обыкновенными вокзальными возпарями и никаких ненужных вопросов не задавали. Неделю разведчики прожили здесь тихо и мирно, занимаясь исключительно разведкой, пока к Пастухову где-то на улице Легионов не прицепился шпик. Трудно сказать, что именно в поведении Степана Петровича показалось ему подозрительным, но, во всяком случае, три часа кряду, куда бы ни шел Пастухов, как ни хитрил, шпик петлял за ним неотступно. И тогда разведчику это надоело. До сих пор он был настроен довольно миролюбиво, но время шло, он замерз, проголодался, а тут «хвост»…

Пастухов быстро зашагал в сторону Краковского базара, а оттуда – к развалинам бывших еврейских кварталов. Расчет был правилен – этот зловещий район, где гитлеровцы расстреляли десятки тысяч людей, все обходили как зачумленные. Пастухов круто свернул на узкую, темную улочку и стал за углом, приготовив пистолет. Шпик, как и следовало ожидать, запыхавшись, выскочил из-за поворота. Степан выстрелил почти в упор. Домой он вернулся уже без приключений.

В тот же вечер Кобеляцкий рассказал ему, что, по слухам, в последние дни немцы беспрерывно свозят военное имущество и боеприпасы в Стрийский парк, и друзья решили незамедлительно проверить, так ли это. Действительно, на следующее утро сквозь колючую проволоку, ограждавшую часть парка, Степан Петрович и Михаил разглядели характерные штабеля ящиков с боеприпасами. Теперь оставалось только добавить еще одну запись – несколько никому, кроме Пастухова, не понятных крючков на чистой стороне листка немецкого солдатского календарика.

Но боевое настроение не позволяло им уйти из парка, ограничившись наблюдением. К тому же в задание разведчиков входило в случае потери связи с отрядом (а именно это произошло в результате гибели радиста Бурлаки) – сеять среди оккупантов панику. Именно поэтому немецкий подполковник, решивший сократить путь и пройти к казарме не аллеей, а тропинкой, так и не дошел до ее конца. На этот раз стрелял Кобеляцкий.

Прошло два дня. Разведчики проходили мимо театра. Внезапно откуда-то сзади вылетел серый автомобиль и промчался мимо, обдав их брызгами. И Пастухову показалось, что он узнал пассажира в офицерской форме, сидевшего на переднем сиденье рядом с шофером.

– Видал? – тихо спросил он Кобеляцкого. Тот кивнул головой. – Он?

– Он, Грачев, – подтвердил Михаил. – Ну, теперь жди больших дел.

Долго ждать не пришлось: через три дня Львов, как в свое время и Ровно, был необычно взбудоражен. На базарах и в трамваях, в магазинах и возле газетных киосков люди передавали друг другу самые фантастические подробности о том, как неизвестный гауптман среди бела дня убил вице-губернатора Галиции Бауэра и начальника канцелярии президиума губернаторства Шнайдера.

Кто был этот гауптман, откуда, почему стрелял в высокое начальство – на эти вопросы давали тысячи ответов, и все разные.

Но одна деталь присутствовала во всех рассказах и особенно поражала воображение: прежде чем стрелять, гауптман якобы спросил у Бауэра… его фамилию! А потом уехал. Спокойно сел в поджидавшую его машину и уехал. Неизвестно куда. Только его и видели!

Разведчики ликовали. По почерку блестяще осуществленной операции им было ясно, что это дело рук Грачева. Значит, они правильно опознали пассажира серого «фиата».

13 февраля Пастухов купил у мальчишки на улице местную газетенку, издававшуюся немцами на украинском языке, и с удовольствием прочитал запоздалое сообщение:

«9 февраля 1944 года вице-губернатор д-р Оттон Бауэр, шеф правительства дистрикта Галиция, пал жертвой большевистского нападения. Вместе с ним умер его ближайший сотрудник, испытанный и заслуженный начальник канцелярии президиума губернаторства дистрикта Галиция ландгерихтсрат д-р Гейнрих Шнайдер. Они погибли за фюрера и империю».

Мальчишка-разносчик так и не понял, почему довольно мрачного вида дядько вдруг отвалил ему за газету столько денег, сколько он не зарабатывал и за весь день.

ГЛАВА 16

Новенький серый «фиат», полученный в Луцке от Вицента Окорского, со всех точек зрения устраивал Ивана Белова. Что и говорить, машина была превосходной. И совершенно на ходу, баки доверху заполнены первосортным бензином. Предусмотрительные поляки даже успели в ожидании неизвестного им гауптмана сменить номерные знаки. Словом, со стороны транспорта никаких сюрпризов не предвиделось. И действительно, до Львова Зиберт и его спутники добрались без малейшей задержки. Но здесь начались трудности. Город был переполнен офицерами, чинами военной администрации, полицией. Поезда с востока каждый день доставляли все новых и новых оккупантов, удиравших от Красной Армии.

Хаос и неразбериха, царившие во Львове, при наличии надежных квартир и прочных связей могли бы только способствовать выполнению заданий, но при отсутствии оных становились помехой, и весьма серьезной. А дело обстояло так: ни один адрес, полученный Кузнецовым перед отъездом, не «сработал», нужных людей во Львове по разным причинам не оказалось. То же самое обнаружилось и при объезде квартир, где когда-то жили родственники и друзья Яна Каминского. Положение становилось тревожным. Оно усугублялось и тем, что гитлеровцы, бессильные навести порядок в своем тылу, видели единственное спасение в усилении репрессий. Бесчисленные патрули на каждом шагу проверяли документы не только у местных жителей, но и у военных – вылавливали дезертиров.

К концу первого дня пребывания во Львове, усталый и обеспокоенный, Кузнецов, наконец, приказал Белову остановиться возле подъезда лучшего во Львове ресторана «Жорж».

– Пойдем хоть поужинаем, – угрюмо предложил он Каминскому, – авось что-нибудь подвернется.

Белову, как солдату, в «Жорже» появляться, разумеется, не полагалось, но он знал, что товарищи о нем позаботятся, и не очень сетовал, что ему придется их ждать часа два в машине, – такова уж шоферская доля.

Кузнецов и Каминский, сбросив услужливому швейцару шинели, вошли в сияющий зал и стали у колонны, высматривая свободный столик. Увы, отыскать таковой в «Жорже» после шести было почти невозможно.

Правда, Николай Иванович высмотрел два свободных места, но третье за этим столом занимал пожилой подполковник. Слишком большой чин, чтобы подсесть к нему, не будучи

знакомым. Но им повезло. Видимо, они чем-то понравились подполковнику, – возможно, тем, что были единственными трезвыми людьми среди этого пьяного моря. Во всяком случае, подполковник кивком головы подозвал Кузнецова и дружелюбно сказал:

– Прошу вас, гауптман, если вы без дам, можете присаживаться.

Николай Иванович и Каминский не преминули воспользоваться приглашением. Подполковник был немолодым усталым человеком с нездоровым цветом лица и отеками под глазами. Перед ним стояла почти не тронутая бутылка сухого вина. Ел он отварную курицу, – видимо, соблюдая диету. Кузнецов очень остро чувствовал настроение даже случайно встретившегося человека и потому тоже заказал довольно скромный ужин и бутылку сухого. Подполковник оценил деликатность соседей: их сдержанность, столь необычная в «Жорже», ему понравилась.

– Недавно во Львове, гауптман? – спросил он.

– Мы с другом только что из Луцка, – с готовностью ответил Кузнецов.

– Фронтовик? – подполковник кивнул на кресты Зиберта.

– Бывший, – огорченно сказал Николай Иванович, – после двух ранений служу по хозяйственной части.

Подполковник сочувственно улыбнулся.

– Понимаю вас, гауптман, я бы тоже предпочел сейчас быть на передовой.

Разговорились. Подполковник оказался старым кадровиком, участвовавшим еще в первой мировой войне. Он был достаточно умным человеком, чтобы понимать неизбежность близкого конца. Было что-то безнадежно-тоскливое в его тусклых глазах, в неверных движениях рук. Один сын подполковника погиб на Восточном фронте, другой был тяжело ранен в самой Германии осколком английской бомбы. Чувствовалось, что войну старый офицер считает бессмысленной авантюрой.

Таких офицеров Кузнецов встречал среди германских офицеров немного. Но когда тот назвался, изумлению Николая Ивановича вообще не было границ. Судьба свела его по какой-то иронии с одним из самых, в принципе, опасных для него людей – заместителем военного коменданта Львова. Чем обернется для него это знакомство?..

Когда все трое закончили с ужином, подполковник попросил Зиберта вызвать ему по телефону машину из комендатуры.

– Но зачем же вам ждать, господин подполковник?! – воскликнул Кузнецов. – Мой «фиат» у подъезда, сочту за честь

подвезти вас к дому.

Подполковник согласился, спросил только, не может ли и он быть чем-нибудь полезен.

– Вот разве только… – как бы в нерешительности протянул Зиберт. – Мы во Львове впервые. Не подскажете ли вы гостиницу потише, где можно отдохнуть несколько дней?

Подполковник лишь рассмеялся.

– Это не так просто сейчас, мой молодой друг. Город забит от подвалов до чердаков. Давайте сделаем иначе. Сейчас слишком поздно, переночуйте с вашим спутником у меня, а завтра я вам дам направление в офицерскую гостиницу при комендатуре. Я один, жена в Германии, а места много…

Кузнецов для вида, но не перебарщивая, долго отнекивался. Но подполковник, которому явно хотелось провести остаток вечера в обществе приятных собеседников, все же уговорил его.

– А наш шофер? – спросил Кузнецов.

– Найдется место и для него. При гараже есть небольшая комната.

Вечер в уютной гостиной служебного особняка прошел превосходно.

И ни подполковник, ни его денщик, ни даже Каминский не обратили внимания, как Зиберт на минутку отлучился из комнаты. Он вышел в переднюю, свернул по коридору к туалету и… незаметно прихватил из груды запечатанных и распечатанных конвертов, валявшихся на подзеркальном столике, уже примеченный им картонный квадратик. В туалете он аккуратно переложил его в бумажник, а потом, выждав немного, вернулся в гостиную. Теперь он располагал очень ценным документом – пропуском в городской театр на завтрашнее совещание военной и гражданской администрации Львова. С докладом должен был выступить сам губернатор Галиции Вехтер.

Николай Иванович прихватил билет вовсе не движимый первым побуждением, нет, он рассчитал, что ничем не рискует: из разговора ему было известно, что завтра подполковник весь день будет дежурить в комендатуре и ни на какое совещание, разумеется, не пойдет. Поэтому Кузнецов резонно полагал, что подполковник и не подумает искать задевавшийся куда-то заведомо ненужный ему пригласительный билет.

Ночь прошла спокойно, скорее всего это была последняя спокойная и уж, во всяком случае, безопасная ночь в жизни Кузнецова. А утром разведчики покинули дом заместителя военного коменданта, искренне поблагодарив его за гостеприимство. Прощаясь, подполковник дал Зиберту направление в гостиницу и листок из блокнота с номером своего

личного прямого телефона.

К восьми часам вечера Кузнецов поехал в театр (именно в это время его и видели на улице Пастухов и Кобеляцкий, но он их не заметил), беспрепятственно миновал несколько рядов оцепления, занял удобное место в партере и… прослушал полуторачасовой доклад Пехтера, из которого запомнил много интересных подробностей о планах гитлеровцев по подготовке обороны Львовского района. Но застрелить губернатора в театре ему не удалось: к президиуму из зала никого не подпускали. На следующий день в канцелярии, куда позвонил Кузнецов, чтобы под тщательно продуманным предлогом просить о приеме, ему сказали, что губернатор заболел и, но крайней мере, неделю не будет выходить из дому.

Пришлось менять план па ходу.

…Около восьми часов утра 9 февраля 1944 года на Лейтенштрассе, возле Музея Ивана Франко, почти напротив особняка вице-губернатора Галиции остановился серый «фиат». Видимо, что-то случилось с мотором, так как после нескольких безуспешных попыток снова тронуться с места солдат-шофер вылез из машины, откинул капот и надолго погрузился в железное чрево двигателя. Потом снова хлопнула дверца – на мостовую вышел гауптман и принялся лениво отчитывать шофера. Второй пассажир, видимо, решил дожидаться устранения поломки внутри «фиата».

Минут через пять к подъезду особняка подкатил длинный черный «мерседес», а ровно в восемь из подъезда вышли на улицу двое. Один постарше, на ходу зябко укутывал шею теплым шерстяным шарфом. Шофер «мерседеса» услужливо распахнул перед ним дверцу.

Гауптман перестал ругать своего шофера и быстро пересек улицу.

– Прошу прощения, – обратился он к тому, что был постарше, – вы доктор Бауэр?

– Да, – подтвердил вице-губернатор, застегнув, наконец, непослушную пуговицу у горла. – В чем дело?

Неизвестный гауптман сунул руку за борт шинели и тут же выдернул. Но вместо ожидаемого пакета в его ладони тускло блеснул пистолет. Прогремело два выстрела. Потом воздух разорвала автоматная строчка: это второй пассажир, вполне респектабельного вида молодой человек прошил часового у вице-губернаторского особняка и шофера черного «мерседеса».

Раньше чем случайные в этот ранний час прохожие смогли понять, что, собственно, произошло, на улице уже не было и следа серого «фиата» с отказавшим мотором. Остались только

трупы четырех гитлеровцев и… фантастические слухи, подобно снежной лавине хлынувшие на город.

Вот как в действительности произошло событие, о котором Пастухов и Кобеляцкий прочитали в фашистской газетенке. Радостные и гордые, они отметили замечательный успех своего товарища тем, что возле кинотеатра «Риальто» пристрелили эсэсовского лейтенанта.

Прошло два месяца. В ночь на 10 апреля советские самолеты впервые совершили налет на фашистские военные объекты во Львове. За день до этого над городом появилось звено краснозвездных истребителей и сбросило листовки. Советское командование заранее предупреждало жителей о готовящемся налете, чтобы те имели возможность укрыться заблаговременно в безопасных местах. В доме № 17 по улице Лелевеля таким безопасным местом был глубокий подвал с толстыми каменными стенами и перекрытиями. И никто из собравшихся здесь жильцов, конечно, не подозревал, что именно с чердака их дома невидимый ни с земли, ни с соседних крыш, а только с зенита заговорил торопливо точками и тире узкий, как игла, луч электрического фонарика. Нервно, настойчиво он требовал сбросить бомбы сюда, в этот район города. И послушные его самоотверженному призыву советские летчики выводили свои машины точно на цели и уверенно нажимали на рычаги бомбосбрасывателей. Не у одного из этих асов, должно быть, больно сжималось сердце при мысли о тех, кто там, внизу, окруженные врагами, шли на подвиг, вызывая огонь на себя.

Пастухов и Кобеляцкий хорошо изучили и саму улицу Лелевеля, и прилегающие улицы Мохнатского, Колеча, Рутовского, Зимаровича. Их цепкая память надежно вобрала и склад горючего, и место расположения воинских частей, и казармы жандармерии, и немецкую типографию. Бомбы легли точно…

Последующие дни Степан Петрович и Михаил занимались главным образом разведкой: внимательно следили за передвижениями войск, за прокладкой полевых телефонных кабелей, установили, где находится штаб гарнизона, обнаружили крупные склады на Городецкой улице и в соборе святого Юра. Особо они примечали те здания, под которыми немцы закладывали мины. В этом им очень помогла великолепная ориентировка Пастухова в подземном хозяйстве города.

Первого мая разведчики решили сделать Родине достойный подарок. В качестве объекта диверсии они избрали Львовский железнодорожный вокзал. Им повезло: все пути оказались

забитыми эшелонами. В этот день на узле скопилось несколько составов с войсками и боеприпасами, следующими на фронт под Тернополь и Броды.

Разведчики решили не уходить с вокзала, пока не начнется налет советской авиации. В том, что 1 мая налет обязательно будет, они не сомневались и привели фонарики в боевую готовность.

Наблюдая за публикой на перроне и в залах ожидания, Пастухов и Кобеляцкий заметили видного генерала, окруженного целой свитой офицеров. Переглянувшись, они без слов решили не выпускать генерала из виду.

Первая волна советских самолетов накатилась на вокзал столь внезапно, что гитлеровцы не успели даже объявить воздушную тревогу. Самолеты шли на небольшой высоте, и бомбовый удар был предельно точен. Тяжелые взрывы сотрясали воздух.

Среди немцев началась паника, а когда погас электрический свет, и настоящая свалка.

Сцепившись за руки, подсвечивая путь фонариками, Пастухов и Кобеляцкий следовали за толпой, стараясь не отставать от генерала. Возле поворота к билетным кассам разведчикам удалось пробиться сквозь кольцо свиты. Не поднимая руки от уровня пояса, Кобеляцкий в упор выстрелил в генерала, Пастухов – в стоявшего рядом майора. Близкий разрыв бомбы, лай зениток, треск обрушивающихся перекрытий покрыл слабые хлопки пистолетных выстрелов.

Когда войска Красной Армии подошли вплотную к Львову, посланцы отряда располагали уже богатейшими сведениями о системе обороны города. Эту информацию нужно было как можно скорее передать советскому командованию. Но первая попытка разведчиков перейти линию фронта окончилась неудачей. Лишь в ночь на 21 июля, когда 63-я отдельная танковая бригада, разгромив группировку немцев под Злочевом, завязала бой на ближних подступах к городу со стороны Зеленой Рогатки, Пастухов и Кобеляцкий сумели прорваться к своим.

Советский полковник не поверил собственным глазам, когда два оборванных, небритых человека, каким-то чудом появившиеся в расположении его штаба, стали подробнейшим образом и весьма квалифицированно наносить на план фашистские оборонительные укрепления, минные поля, огневые точки, штабы, склады, узлы связи, заминированные здания. Более того, Пастухов и Кобеляцкий предложили командованию провести сотню автоматчиков подземными ходами в самый центр города, к театру «Зольдат-фронтиш» и собору святого Юра. После

короткого боя, ошеломленные внезапным ударом с тыла, немцы здесь были уничтожены, а частью пленены. Пастухов и Кобеляцкий при этом лично уничтожили более двух десятков гитлеровцев, в том числе экипажи пяти танков «тигров». Собранная ими информация оказалась поистине бесцепной, электрические провода, ведущие к мощным фугасам, были своевременно перерублены, и ни одно заминированное немцами здание взорвано но было.

К 27 июля древний украинский город был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Но Николай Кузнецов не дожил до этого дня, в который ему исполнилось бы тридцать три года…

ГЛАВА 17

Мы до сих пор с полной достоверностью не знаем всех обстоятельств гибели Кузнецова. Слишком бурные события ожгли землю, где прошли последние дни его жизни и борьбы, слишком отрывочны и во многом противоречивы свидетельства дошедших до нас документов. Но мы знаем главное – Николай Иванович Кузнецов умер, как и жил, – героем.

После уничтожения Бауэра и Шнайдера Кузнецову, Каминскому и Белову оставаться во Львове было невозможно. Здесь не было рядом надежной «Малой земли» – родной партизанской базы, в самом городе не было ни прочных связей, ни квартир, где можно было бы переждать самые опасные дни после покушения. А Кузнецов не сомневался, что по следам неизвестного гауптмана и его спутников, убивших вице-губернатора и начальника канцелярии, будут брошены все силы львовского гестапо и жандармерии. Нужно было уходить, и уходить немедленно. Но покинуть город оказалось нелегко, на это ушло три дня и есть основания полагать, что именно Николай Кузнецов и его друзья уничтожили (видимо, при попытке задержания) в эти самые дни двух сотрудников гестапо. Во всяком случае, фашистские эксперты-криминалисты определили, что пистолетные гильзы калибра 7,65 мм, найденные возле убитых гестаповцев, идентичны двум гильзам, обнаруженным у трупов Бауэра и Шнайдера.

Нам известен и инцидент, который произошел с разведчиками 12 февраля в восемнадцати километрах от Львова, возле шлагбаума у села Куровицы. Здесь серый «фиат» был остановлен постом полевой жандармерии для проверки документов. Майор, начальник поста, долю изучал удостоверение гауптмана Зиберта, и Николай Иванович интуитивно почувствовал надвигающуюся опасность.

– Странно, очень странно… – пробурчал майор.

– В чем дело, господин майор? – спросил Зиберт.

– На вашем предписании нет отметки о выезде львовской комендатуры.

Майор был прав: такой отметки не было и не могло быть. Кузнецов понял, что нужно действовать немедленно и решительно: видимо, жандарм заподозрил гауптмана в недавнем убийстве Бауэра и Шнайдера; он, как и вся служба безопасности, имел указания о задержании террориста. Все это Николай Иванович сообразил за какую-то секунду. Краем глаза он увидел, как солдаты, не обратившие внимания, что их командир уж

слишком долго разговаривает с каким-то гауптманом, подняли кверху полосатое плечо шлагбаума, чтобы пропустить уже проверенную встречную машину.

В следующую долю секунды Кузнецов в упор выстрелил в майора. Каминский автоматной очередью уложил на месте трех жандармов, а Белов до отказа прижал педаль газа… Вслед беглецам тоже загремели выстрелы: оставшиеся в живых жандармы исправляли свою оплошность. Несколько пуль ударили в заднее колесо. «Фиат» осел и, едва не перевернувшись, нырнул в кювет.

– Бросай машину! – скомандовал Кузнецов. – Уходим в лес.

Карьера гауптмана Пауля Вильгельма Зиберта в тот день закончилась. Кузнецов не мог быть уверенным, что майор жандармерии, проверивший его бумаги, – мертв, он мог оказаться лишь раненным, а это означало, что документы Зиберта провалены. Что ж, гауптман Пауль Вильгельм Зиберт свое дело сделал… Но оставался советский разведчик Николай Кузнецов, которому, уже коль так неожиданно смешались все карты, предстояло теперь пробиваться через линию фронта.

Несколько дней Кузнецов, Каминский и Белов бродили по Гановичевскому лесу, надеясь встретить разведчиков отряда, и в конце концов действительно натолкнулись на небольшую группу партизан из группы Крутикова во главе с Василием Дроздовым и Приступой. Встреча были радостной, но Дроздов и Приступа тоже не имели связи с основными силами отряда.

Николай Иванович рассказал товарищам обо всем, что с ним произошло за последнее время. Он, правда, не знал, кто был жандарм, которого он застрелил в Куровицах, но нам позже это стало известно из рапорта, обнаруженного в делах гестапо. Там же находилось и донесение об автомобиле, брошенном на шоссе. «С этой автомашины, – сообщалось в тексте, – 12/2. 44 в Куровицах был убит майор полевой жандармерии Кантер. Стрелявшие скрылись».

С большой радостью Кузнецов сообщил боевым друзьям (им в лесу это еще было неизвестно), что войска Красной Армии уже освободили Ровно, Здолбуново и Луцк.

Дроздов и Приступа уговаривали Николая Ивановича остаться в их группе – Кузнецов отказался. Он не хотел больше ждать и решил самостоятельно пробиваться на соединение с Красной Армией вместе с Каминским и Беловым. Все же они отдохнули несколько дней. Вероятно, именно тогда Кузнецов и написал рапорт одному из руководителей советской разведки, в котором подробно докладывал о всех своих делах, совершенных в тылу врага. Рапорт был подписан коротко: «Пух»; под этим

кодированным именем Кузнецов проходил тогда в засекреченных документах. Конверт с рапортом положил в верхний карман мундира.

Настоящий разведчик, Кузнецов предусмотрел все, в том числе и возможную смерть от пули советского солдата, который не мог бы знать, что человек в ненавистном фашистском мундире на самом деле – воин той же самой великой страны. Николай Иванович рассудил, что если даже и придется ему погибнуть такой горькой смертью, то, обнаружив рапорт, похоронят его все ж как своего.

С неделю Кузнецов, Каминский и Белов бродили по лесам, пытаясь приблизиться к линии фронта. В первых числах марта они вышли к селу Боратин.

Здесь разведчики и натолкнулись на банду националистов, переодетых в форму советских воинов…

Поняв трагическую ошибку, Николай Иванович сорвал с пояса тяжелую противотанковую гранату. Раздался оглушительный взрыв…

…Через несколько дней видный представитель украинских буржуазных националистов встретился с одним из начальников полиции безопасности по Галицийскому округу и сообщил тому, что его люди арестовали трех советских разведчиков и содержат их под усиленной охраной. В качестве доказательства предатель передал снятый с тела Николая Кузнецова подлинный рапорт. И только тогда фашистская секретная служба узнала, что таинственный офицер, уничтоживший в Ровно имперского советника генерала Геля, верховного судью Украины Функа, захвативший в плен графа Гаана и подполковника Раиса, похитивший из собственного особняка генерала Ильгена, убивший во Львове вице-губернатора Бауэра и доктора Шнайдера, добывший и передавший командованию Красной Армии множество секретных военных сведений, на самом деле советский разведчик. В руках гестапо был только рапорт. А оно жаждало заполучить Зиберта живым. Бандеровец пообещал передать немцам захваченных разведчиков, но не безвозмездно. Немцы удовлетворили просьбы бандеровцев, и тогда те, чтобы скрыть обман, сообщили гестапо через две недели, что советские разведчики якобы расстреляны при попытке к бегству.

5 ноября 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение специальных заданий в тылу врага и проявленные при этом отвагу и мужество Николаю Ивановичу Кузнецову было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

Лишь пятнадцать лет спустя, после долгих поисков боевые друзья-партизаны нашли на окраине села Боратина его могилу. Останки героя были перенесены во Львов и захоронены с воинскими почестями на Холме Славы.

При жизни Николай Иванович Кузнецов не успел получить ни одной из заслуженных им высоких наград. Самой высокой наградой стало для него бессмертие в народной памяти.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. КУЗНЕЦОВА

1911, июль, 27 – В деревне Зырянка Талицкого района Свердловской области родился Никанор (Николай) Иванович Кузнецов.

1918, осень – Н. Кузнецов поступил в первый класс Зырянской начальной школы.

1926, июль, 23 – Н. Кузнецов окончил Талицкую семилетнюю школу.

Осень – Поступил на первый курс агрономического отделения Тюменского сельскохозяйственного техникума.

Ноябрь, 23 – Принят в ряды ВЛКСМ.

1927, осень – После смерти отца Н. Кузнецов возвращается в Талицу и поступает в Талицкий лесной техникум.

1930, весна – Н. Кузнецов начинает работать помощником таксатора по устройству лесов в городе Кудымкаре Коми-Пермяцкого национального округа.

1932, лето – Н. Кузнецов поступает на заочное (впоследствии переходит на вечернее) отделение Свердловского индустриального института.

1934, июль, 11 – Н. Кузнецов, окончательно переехав в Свердловск, поступает на работу в трест «Свердлес» статистиком.

1935, весна – Н. Кузнецов работает чертежником на Верх-Исетском металлургическом заводе.

Май, 5 – Начинает работать расцеховщиком конструкторского отдела на Уралмашзаводе.

1938, весна – Н. Кузнецов начинает выполнять особые задания по обеспечению государственной безопасности.

1942, весна – лето – Н. Кузнецов готовится к разведывательной работе во вражеском тылу.

Август, 25 – Н. Кузнецов приземляется во вражеском тылу в расположении особого партизанского отряда «Победители» под командованием полковника Д. Н. Медведева.

Октябрь, 25 – ноябрь,1 – Лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт впервые появляется в Ровно и начинает свою разведывательную деятельность.

Декабрь 1943, февраль – Н. Кузнецов командует несколькими «подвижными засадами» на шоссе Ровно – Киев. В результате одной из них были захвачены в плен майор граф Гаан и имперский советник связи подполковник фон Райе, от которых стало точно известно, что под Винницей находится полевая

ставка Гитлера.

1943, январь – февраль – Н. Кузнецов передает из Ровно в Центр разведданные о попытках гитлеровцев освободить окруженную под Сталинградом группировку войск и планах дальнейшей обороны на этом и прилегающих участках фронта.

Март, 5 – Группа из двадцати трех партизан под командованием Н. Кузнецова в селе Хатынь разгромила засаду националистов в количестве 170 человек.

Май, 31 – Н. Кузнецов получает аудиенцию у рейхскомиссара Украины и гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха, в ходе которой узнает о подготовке фашистским командованием крупного наступления на Курской дуге (операция «Цитадель»).

Сентябрь, 20 – Н. Кузнецов в Ровно уничтожает имперского советника финансов на правах министра генерала Геля и майора Винтера.

Октябрь, 29– Н. Кузнецов уничтожает агента гестапо майора Геттеля.

Ноябрь, 10 – Николай Кузнецов, Николай Струтинский, Роберт Глаас и подпольщик Иван Корицкий совершают покушение (тяжело ранят) на одного из заместителей Коха, руководителя «Пакетаукциона» крайслейтера, генерала Германа Кнута.

Ноябрь, 15 – Н. Кузнецов во главе группы разведчиков похищает из собственного дома командующего «Восточными войсками» генерала фон Ильгена и личного шофера Коха Гранау.

Ноябрь, 16 – Н. Кузнецов в помещении верховного немецкого суда на Украине уничтожает главного судью генерала Альфреда Функа.

Декабрь, 26 – За образцовое выполнение специальных боевых заданий в тылу немецко-фашистских захватчиков и проявленные при этом отвагу и мужество Н. И. Кузнецов награжден орденом Ленина.

1944, январь, 15 – Н. И. Кузнецов в сопровождении Яна Каминского и Ивана Белова с новым заданием выезжает во Львов.

Февраль, 9 – Н. Кузнецов во Львове уничтожает вице-губернатора Галиции Оттона Бауэра и начальника канцелярии губернаторства Гейнриха Шнайдера. Позднее уничтожает двух агентов гестапо.

Февраль, 12 – В селе Куровицы, под Львовом, Н. Кузнецов уничтожает начальника военного патруля майора Кантера и вместе со своими спутниками уходит в лес с целью пересечь линию фронта и встретить передовые части. Красной Армии.

Март, начало – Н. И. Кузнецов, Ян Каминский и Иван Белов погибли в селе Боратин Бродовского района Львовской области.

Ноябрь, 5 – Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение специальных заданий в тылу врага и проявленные при этом отвагу и геройство Николаю Ивановичу Кузнецову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

«История Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945)». Краткий очерк. М., Воениздат. 1965.

Афонин С. Г., Три задания. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1962.

Беляев В. П., Разоблачение. Львов, 1960.

Брюханова Л. И., В. И. Кузнецов, Разведчик Николай Кузнецов. Среднеуральское книжное издательство. Свердловск, 1967.

Бычков Н. Л., Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. М., Госполитиздат, 1965.

Вершигора П. П., Люди с чистой совестью, М., 1963.

«Люди легенд», сборник в 2-х томах. М., Госполитиздат, 1965, 1966.

Медведев Д. Н., Сильные духом. (Переиздавалась многократно.)

Орловский С., Острович Р., Эрих Кох перед польским судом. М., Изд-во ИМО, 1961.

«Партизанские были», сборник. М., Воениздат, 1958.

«Советские партизаны», сборник. М., Политиздат, 1963.

Супруненко Н. И., Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза. Киев, 1965.

«Фронт без линии фронта». М., «Московский рабочий», 1970.

«Чекисты», сборник, М., «Молодая гвардия», 1970.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ника Кузнецов, его родители – Иван Павлович и Анна Петровна и сестра Лидия.

Николай Кузнецов (сидит) и его товарищ по техникуму Николай Белоусов.

Николай Кузнецов – учащийся Талицкого техникума.

Николай Кузнецов в годы работы в Кудымкаре.

Николай Кузнецов (в центре) со свердловскими друзьями.

Николай Кузнецов. 1939 г.

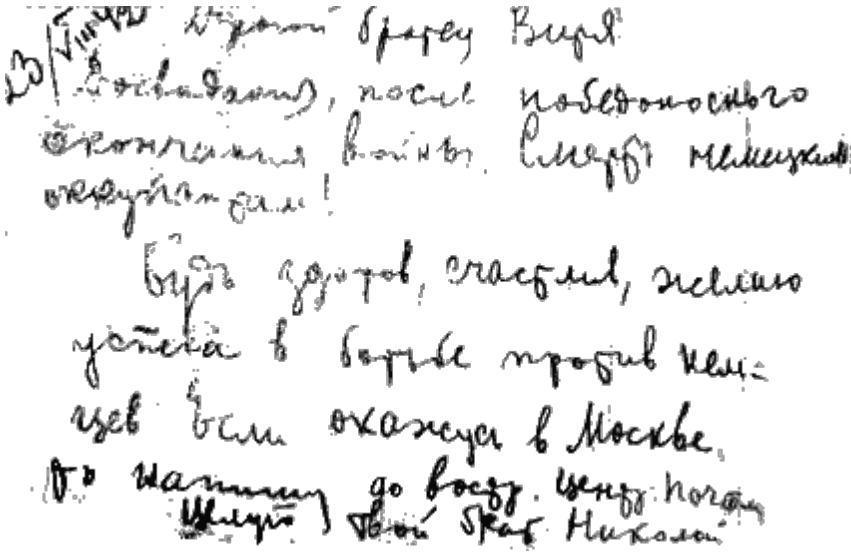
Замполит отряда Сергей Трофимович Стехов.

Группа бойцов отряда «Победители».

Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев.

Таким впервые появился в Ровно «лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт».

Этот снимок сделан под Москвой, когда Н. Кузнецов еще только осваивал немецкую форму (на нем мундир офицера «Люфтваффе»).



Эту коротенькую записку Н. Кузнецов послал брату Виктору за два дня до полета во вражеский тыл.

Разведчик отряда Герой Советского Союза Николай Тарасович Приходько.

Разведчик Иван Тарасович Приходько.

Разведчица Лидия Ивановна Лисовская.

Разведчица Мария Микота.

Разведчик Мечислав Стефаньский.

Разведчик Ян Каминский.

Дом на Млынарской улице в Ровно, откуда Н. Кузнецов и его товарищи похитили генерала Ильгена.

Особняк в Ровно, в котором в годы оккупации размещался рейхскомиссариат Украины.

Одна из двух фотографий Н. Кузнецова во вражеском тылу. Ровно, весна 1943 года.

Второй слева — «Зиберт» — Кузнецов. *Крайний справа* — Иван Приходько, рядом с ним Ян Каминский.

В партизанском соединении дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова (слева). Д. Н. Медведев и А. А. Лукин (в центре) осматривают захваченный в бою трофей – новый немецкий снаряд.

Разведчик Михаил Макарович Шевчук.

Разведчик Валентин Семенов.

Разведчик Николай Струтинский.

Разведчик Николай Гнидюк.

Разведчик Василий Бурим.

Радист Виктор Орлов.

Разведчица Валентина Довгер.

Командир радиовзвода Лидия Шерстнева (Мухина).

Здание суда в Ровно, где Н. Кузнецов убил главного немецкого судью Функа.

Здание на Шлоссштрассе в Ровно, близ которого Н. Кузнецов совершил покушение на генерала Даргеля.

Офицер вермахта Пауль Вильгельм Зиберт.

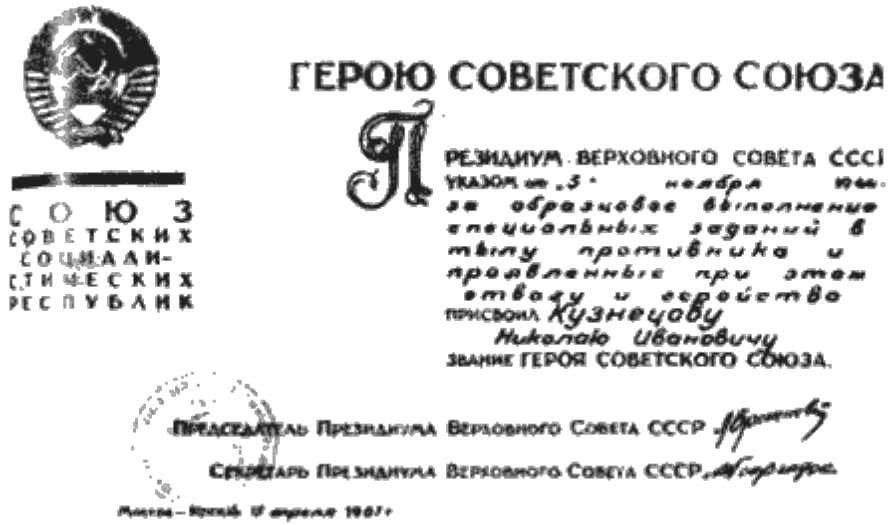
Оперный театр во Львове.

Віцегубернатор д-р Бауер

Львів, 12-го лютого.

Дня 9-го лютого 1944 р. Віцегубернатор д-р Бауер, шеф Уряду Области Галичина, впав жертвою большевицького замаху. Разом з ним помер Його найближчий співробітник, випробований і заслужений керівник Президіяльного Уряду Ляндгеріхтсрат д-р Шнайдер.

Сообщение в фашистской газете, выходившей во Львове на украинском языке, об уничтожении Бауэра и Шнайдера.


ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
УКАЗОМ от „3" ноября 1944
за образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и геройство
присвоил Кузнецову
Николаю Ивановичу
ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
Москва—Кремль 17 апреля 1965 г.

Грамота Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза Николаю Ивановичу Кузнецову.

Могила Н. И. Кузнецова во Львове, на Холме Славы.

Памятник Н. И. Кузнецову во Львове.

Памятник Н. И. Кузнецову в Ровно.

notes

Примечания

1

Бюро технического контроля

2

Здесь и далее диалоги воспроизведены на основании рассказов Н. Кузнецова А. Лукину, документов и воспоминаний участников событий.

3

Членом ВКП(б) Н. И. Кузнецов не был.

4

Эсэсовское звание соответствовало чину майора в армии.

5

Вечером того же 20 апреля неожиданно запылали и выгорели дотла огромные склады на железнодорожной станции Ровно. В отряде недоумевали: никому из разведчиков такого задания не давалось. Ни при чем, как выяснилось, были и городские подпольщики. Лишь много позднее Василий Галузо и Николай Куликов, впоследствии геройски погибшие, признались, что подожгли склады по собственной инициативе. Еще не зная этого, Кузнецов долго радовался, что «нашлись молодцы, сделавшие фюреру хороший подарок ко дню рождения».

6

В 1944–1945 годах капитан Войска Польского Мечислав Стефаньский участвовал в боях за освобождение своей родины. Ныне кавалер ордена Ленина и многих польских наград капитан в запасе, живет в городе Элке (Польская Народная Республика).

7

Л. Лисовская и М. Микота погибли 26 октября 1944 года, уже после прихода Красной Армии, от рук врагов. Посмертно они были награждены орденами Отечественной войны 1-й степени.